

КЛИО-2023

Материалы

Всероссийской ежегодной
научной конференции студентов,
аспирантов и молодых исследователей

Иркутск
23-24 ноября 2023 г.

ISBN 978-5-9624-2336-4

УДК 009(063)

ББК 94л0

К49

Редакционная коллегия:

Е. А. Матвеева (науч. ред.); М. С. Мищенкова (отв. ред.); А. Л. Никифоров (отв. ред.)

КЛИО-2023 : материалы Всероссийской ежегодной научной конференции студентов, аспирантов и молодых исследователей. Иркутск, 23–24 ноября 2023 г. / [науч. ред. Е. А. Матвеева]. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2024. – 1 электронный оптический диск (CD-ROM). – Заглавие с этикетки диска.

ISBN 978-5-9624-2336-4

Издание включает студенческие работы по отечественной истории, мировой истории и истории международных отношений, актуальным проблемам палеоисторических и этнокультурных исследований Евразии, мировой политики и современных международных отношений, политологии, философии, культурологии и другим научным дисциплинам, а также работы школьников.

Адресовано преподавателям высшей и общеобразовательной школ, аспирантам, студентам вузов и колледжей, всем интересующимся актуальными проблемами гуманитарных и общественных наук.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»

664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; тел. (3952) 24-34-53

Издательство ИГУ, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124
тел. (3952) 52-18-53; e-mail: izdat@lawinstitut.ru

Подписано к использованию 05.12.2024. Тираж 13 экз. Объем 2,6 Мб.

Тип компьютера, процессор, частота: 32-разрядный процессор, 1 ГГц или выше

Оперативная память (RAM): 256 МБ

Необходимо на винчестере: 320 МБ

Операционные системы: ОС Microsoft® Windows® XP, 7, 8 или 8.1. ОС Mac

OS X

Видеосистема: Разрешение экрана 1024x768

Акустическая система: Не требуется

Дополнительное оборудование: Не требуется

Дополнительные программные средства: Adobe Reader 6 или выше

КЛИО-2023

Материалы

Всероссийской ежегодной
научной конференции студентов,
аспирантов и молодых исследователей

Иркутск
23-24 ноября 2023 г.

ISBN 978-5-9624-2336-4

КЛИО-2023

Материалы

Всероссийской ежегодной
научной конференции студентов,
аспирантов и молодых исследователей

Иркутск
23-24 ноября 2023 г.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Исторический факультет

КЛИО-2023

Материалы
Всероссийской ежегодной научной конференции
студентов, аспирантов и молодых исследователей

Иркутск, 23–24 ноября 2023 г.

УДК 009(063)
ББК 94л0
К49

Редакционная коллегия:

Е. А. Матвеева (науч. ред.), М. С. Мищенкова (отв. ред.),
А. Л. Никифоров (отв. ред.)

К49

КЛИО-2023 : материалы Всероссийской ежегодной научной конференции студентов, аспирантов и молодых исследователей. Иркутск, 23–24 ноября 2023 г. / [науч. ред. Е. А. Матвеева]. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2024. – 1 электронный оптический диск (CD-ROM). – Заглавие с этикетки диска.

ISBN 978-5-9624-2336-4

Издание включает студенческие работы по отечественной истории, мировой истории и истории международных отношений, актуальным проблемам палеоисторических и этнокультурных исследований Евразии, мировой политики и современных международных отношений, политологии, философии, культурологии и другим научным дисциплинам, а также работы школьников.

Адресовано преподавателям высшей и общеобразовательной школ, аспирантам, студентам вузов и колледжей, всем интересующимся актуальными проблемами гуманитарных и общественных наук.

УДК 009(063)
ББК 94л0

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ПАЛЕОИСТОРИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЕВРАЗИИ»

<i>Деревянко Ю. А.</i> Повторное открытие двух городищ в Унгинском заливе Братского водохранилища (Южное Приангарье)	8
<i>Дубовец Т. А.</i> Сборы экспонированного материала эпох раннего железного века – Средневековья на острове Осинский в 2016–2017 гг.	12
<i>Кондратьев И. О.</i> История исследования раннего железного века – Средневековья Осинского расширения Братского водохранилища	15
<i>Купянская М. Р., Гюльмамедова А. А.</i> Многофигурная композиция на центральном участке Шалаболинской писаницы	19
<i>Терещенко С. М.</i> Взаимодействие культур как фактор развития искусства Кушанского царства	24
<i>Халикова А. Т.</i> Скопление талькита из поздненеолитического уровня многослойного местонахождения Усть-Ёдарма II (северное Приангарье)	28
<i>Ходоров С. Н.</i> Проблема изучения этногенеза бурят до эпохи Чингисхана	31

СЕКЦИЯ «СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД»

<i>Давлетшин А. В.</i> Социально-политическая активность горожан во время революции 1905 г. в Иркутске	34
<i>Дементьев В. М.</i> Тульское русское общество взаимного кредита в начале XX в.	38
<i>Ищенко Д. С.</i> Социально-экономическая деятельность российских немцев в Сибири и на Урале XVII–XX вв.	40
<i>Кононов А. А.</i> Постановления крестьянских начальников по жалобам крестьян на решения волостного суда (Барнаульский уезд Томской губернии, начало XX в.)	44
<i>Кустова М. А.</i> На пути к «законной монархии»: политическое наследие М. М. Сперанского	47
<i>Михайлова Л. Б.</i> Социально-политическое положение иркутского купечества в 1870-е гг.	51
<i>Назаретян Э. Х.</i> Вехи развития иркутской таможни (XVII – начало XX в.)	54

Стрельцова Е. С. Сфера взаимодействия старообрядцев и коренных жителей Восточной Сибири в XIX в.	58
СЕКЦИЯ «ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ»	
Александрова Е. С. Власть и земства: о проблемах взаимоотношений	61
Алиева Л. Х., Маркова К. О. Влияние консервативных идей на российское общественное мнение в конце XIX в.	65
Бирюкова Ю. И. Славянофильство в творчестве Ф. М. Достоевского через призму философского восприятия Н. А. Бердяева	69
Богданов В. Е. Отражение внешнеполитической обстановки на Дальнем Востоке в 1894 – январе 1904 г. в сибирской периодической печати	72
Иванова А. М. Воспитание и образование дворянских детей в России в XVIII в.	76
Митряшкин А. С. Русско-японская война 1904–1905 гг. в восприятии народов Востока (по запискам В. М. Дорошевича)	79
Семичевская М. С. Эпитафии (из собрания Н. С. Романова) как элемент презентации жителей г. Иркутска в дореволюционный период	83
СЕКЦИЯ «ЭПОХА РАДИКАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: ИСТОРИЯ РОССИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО И СОВЕТСКОГО ПЕРИОДОВ»	
Васильев Г. С. Феномен неформальных движений в публицистике периода перестройки	86
Вершинина Д. А. Значение таможенно-тарифного регулирования в начале НЭПа (на примере Карело-Мурманского края)	90
Геворкова Ю. А. Революционный 1917 год в источниках личного происхождения: сравнительный анализ	94
Гущина М. А. Деятельность комитетов содействия народностям северных окраин в 1924–1935 гг.	97
Кулиш Н. В. Проблемы и конфликты государственной и общественной коммеморации Гражданской войны в СССР	101
Середа Д. Е. Модернизация системы высшего юридического образования в период перестройки	104
Шиколовский И. В. Причины создания Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков	108
Юсопова А. Р. Символика ретротопии в современной массовой культуре	111

СЕКЦИЯ «МИРОВАЯ ИСТОРИЯ И ИСТОРИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

<i>Артемычева М. В.</i> Греческий язык в Каролингской империи: распространенность, уровень владения и статус	115
<i>Афонин Р. О.</i> Восточные культуры в римском язычестве	119
<i>Васильева Н. А.</i> Образование как фактор «мягкой силы» во взаимоотношениях СССР и МНР	122
<i>Герасименко Н. А.</i> Трансформация политической системы Восточной Римской империи в конце IV – начале V в.	127
<i>Есенков И. В.</i> Значение Крымской войны (1853–1856 гг.) для развития международного гуманитарного права во второй половине XIX в.	131
<i>Заусаева Э. А.</i> О роли внешнего фактора в развитии Древней Индии	134
<i>Маслакова Ю. О.</i> Роль СССР в развитии экономики КНДР в 1953–1967 гг.	137
<i>Опарин Я. Н.</i> Древнегреческая научная революция: ее сущность и влияние на мир	140
<i>Путулян И. В.</i> Сравнение образов Хайма Вейцмана в газетах <i>Sentinel</i> и <i>B'nai B'rith Messenger</i> во время арабо-израильской войны 1947–1949 гг.	144
<i>Семенов Н. С.</i> Сравнительный анализ миссионерской деятельности западной и восточной церквей	147
<i>Солонина А. С.</i> Общественно-политическая жизнь Сербии в последней трети XIX в. (по дневниковым записям П. А. Кулаковского)	151
<i>Холин В. И.</i> Проблема колониальной памяти в современной Франции	154
<i>Цыбиков Н. Ч.</i> Феномен диктатуры Цезаря в оценках античных авторов	158

СЕКЦИЯ «ВОЗВРАЩЕНИЕ ИСТОРИИ:
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА
В XXI ВЕКЕ»

<i>Бурдукова С. Д.</i> «Острая сила» – новое явление на международной политической арене	162
<i>Дементьева К. Д.</i> Современные международные отношения в рамках феминистского конструктивизма	166
<i>Кулагин И. Р.</i> Медицинская дипломатия как проявление «мягкой силы» в кубинской внешней политике	171
<i>Лазерег В. М.</i> Африка во внешнеэкономических и военных стратегиях Франции и Китая	174
<i>Лукьянова А. М.</i> Параллельный импорт как средство насыщения рынка товаров	179

Некрасов Ю. А. Проблема достижения международного признания Свободной Республики Либерленд через применение принципа *terra nullius* 183

Нуриев А. Э. Долгосрочные внешнеполитические последствия судебной реформы Израиля в свете палестино-израильского конфликта 2023 г. 187

Прохин С. И. Развитие интеграции в рамках ЕАЭС с позиций межправительственного подхода С. Хоффмана 191

Румянцева Е. С. Перспективы де-факто государств в мировом сообществе 195

Черепанова А. Д. Влияние гендерного фактора на развитие политической системы Руанды: феномен «женского» парламента 198

СЕКЦИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ»

Калугина А. В. Культурные связи России и Франции в 2020–2023 гг.: официальный дискурс и реальные практики 202

Костин П. С. Влияние религий Востока на процесс трансформации политической идентичности Японии 206

Морозов В. С. Россия в речах депутатов «Альтернативы для Германии» во второй год работы Бундестага ХХ созыва: количественный анализ 209

Осколкова Э. С. Легитимация политики управления Интернетом с использованием топоса развития в официальном дискурсе КНР 215

Стенц К. Опыт реализации политики гендерного равенства в странах Скандинавии 219

СЕКЦИЯ «ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА»

Бердникова А. И. Особенности проведения предвыборных кампаний депутатов Государственной Думы I созыва от Иркутской области 224

Ким Г. Е. Человеческий и социальный капитал политической элиты Иркутской области (на материалах экспертных интервью) 228

Лунченкова А. А. Влияние мировых тенденций в области здравоохранения на государственную политику Российской Федерации в XXI в. 231

Мелконян М. А. Становление политической социологии в России на постсоветском этапе 235

Мурашов Р. Ю. Национальные проекты России: влияние на модернизацию транспортной инфраструктуры Сибирского федерального округа (2019–2023 гг.) 240

Ситникова Ю. В. Нормативно-правовое регулирование вопросов, связанных с сохранением исторической памяти о Великой Отечественной войне 244

Тарабрина Л. А. Итоги выборов глав субъектов Российской Федерации в 2023 г.: основные тенденции 248

**СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ, ТЕОЛОГИЯ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ»**

Альшевская Д. С. «Огонь дерзновения» как культурный символ свободы и творчества 253

Мелисс С. Д. Психоанализ против философии: кому принадлежит право говорить о сексе? 256

Тополев С. О. Об интерсубъективности права: эпистемологический ракурс 260

Хабарова А. В. Об абсолютности и относительности оснований морали 263

**СЕКЦИЯ «ВОПЛОЩЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
КУЛЬТУРОЛОГИЯ И МУЗЕОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»**

Кузнецова Д. М. Способы минимизации рисков и проблем при использовании систем безопасности в музее 267

ШКОЛЬНАЯ СЕКЦИЯ

Ошивинцева А. А. Проблема сохранения памяти о декабристах в Иркутском районе 271

Шестакова Т. А. Влияние личностных аспектов правителя на формирование тоталитарных режимов 273

СЕКЦИЯ

**ПАЛЕОИСТОРИЧЕСКИЕ
И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЕВРАЗИИ**

Ю. А. Деревянко

Иркутский государственный университет

**ПОВТОРНОЕ ОТКРЫТИЕ ДВУХ ГОРОДИЩ
В УНГИНСКОМ ЗАЛИВЕ БРАТСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА
(ЮЖНОЕ ПРИАНГАРЬЕ)**

Среди памятников эпохи раннего железного века (РЖВ) – Средневековья Южного Приангарья особое значение имеют городища – условно фортификационные сооружения, состоящие из земляных валов и рвов, визуально фиксируемых на поверхности.

Целью настоящего исследования является введение в научный оборот новых данных по городищам РЖВ – Средневековья, обнаруженных на берегу Унгинского залива Братского водохранилища.

Изучение городищ в данной местности началось в 1877–1882 гг. За этот период Н. Н. Агапитов и М. Н. Хангалов совершили ряд разведочных маршрутов, результатом которых стало выявление 5 городищ в долине р. Унги (левый приток р. Ангара) [1, с. 23]. В 1947 г. Аларским отрядом Бурят-Монгольской экспедиции было обнаружено 7 городищ по берегам р. Унги [6, с. 189]. В 1957–1959 гг. на участке слияния р. Унги с р. Ангарой Балаганскими отрядами под руководством Е. Ф. Седякиной и Н. Н. Забелиной исследованы городище Улан-Бор и Унгинское поселение [4, с. 716–717].

Отрядом НИЦ «Байкальский регион» ИГУ в 2023 г. проведена археологическая разведка на южном берегу Унгинского залива с

целью выявления комплексов эпох РЖВ – Средневековья. В ходе исследований выявлены два городища.

Первое располагается в 5,8 км к северо-востоку от с. Нукуты в урочище Турен на мысовидном отроге, который относится к плоской вершине горы (Туренская возвышенность). Поверхность имеет подтреугольную форму, вершина которой направлена в сторону р. Унги. В основании мыса расположено искусственное сооружение из земляного вала и двух рвов. Боковые стороны обладали естественной защитой в виде обрывов: западный склон скальный, восточный более пологий с растущими на нём деревьями.

Туренская возвышенность рассекается крупной седловиной. Она ограничивается с востока крутым скальным утёсом, на вершине которого расположено второе городище, находящееся в 2,6 км к северо-востоку от первого. Естественное расположение мысовидного треугольного выступа, оканчивающегося небольшим отрогом, умело использовано древними строителями. Площадку ближе к концу мыса оградили поперечным земляным валом с двумя рвами так, что с двух сторон городище защищено неприступными склонами.

На территории объекта в 11 м от внутреннего рва был заложен разведочный шурф (1×1 м). Глубина слоя красно-бурового суглинка составляет 40–50 см, после чего начинается кора выветривания скальных пород. На глубине 15–20 см от дневной поверхности обнаружено 30 фрагментов керамики (рис. 1). Из них: 2 фр. неопределимые; 3 фр. от венчика; 11 фр. не орнаментированы (включая фрагмент плоского дна). Кроме того, 14 фрагментов украшены «растительным» орнаментом: 10 фр. с прочерченными линиями и наколами в виде «галочек»; 4 фр. с тонкой процарапанной закругленной линией. Найденные фрагменты керамических сосудов имеют одинаковую толщину (4 мм) и сходства в структуре керамики, поэтому мы предполагаем, что они принадлежат одному небольшому по размеру сосуду.

Оба городища не состоят на учете в службе по охране ОКН Иркутской области, однако анализ литературы позволяет предположить, что это два из семи унгинских городищ, зафиксированных Э. Р. Рыгдылоном в 1947 г.: Барун-Туренское и Зун-Туренское.

Описание Барун-Туренского городища в целом совпадает с нашим первым городищем – более западным относительно второго. Описываемый Э. Р. Рыгдылоном ландшафт с 1947 г. отчасти изменился. На месте «широких долин рек Унги и Зулари» сейчас разлилось водохранилище, однако упомянутая автором гора Хаш-

хай по-прежнему видна с площадки городища [6, с. 186]. Исследователь выделяет две линии укреплений. Нами зафиксирована лишь одна из них, которая, согласно описанию, является внутренней. Э. Р. Рыгдылон отметил, что площадь городища «в настоящее время запахивается» [Там же], следовательно, внешняя линия укреплений, вероятно, уничтожена распашкой.

Зун-Туренское городище, по словам Э. Р. Рыгдылона, «расположено на самом конце гривы, на узком мысу... треугольное в плане» [Там же], что совпадает с описанием найденного нами второго объекта. Также исследователь приводит размеры городища. При наложении их на космоснимок, видно, что зафиксированные нами рвы и вал являются внутренним укреплением. Внешнее на местности не читается. Вероятно, оно также было распахано после 1947 г.

Период бытования этих городищ Э. Р. Рыгдылоном не установлен из-за отсутствия материала. Кроме них, автор описывает ещё пять земляных укреплений в бассейне р. Унги. Такое частое расположение городищ, по мнению Э. Р. Рыгдылона, свидетельствует о том, что они являлись стойбищами-убежищами относительно оседлых скотоводов и охотников [6, с. 188–189]. На основании текста ритуальной песни «Ёхор» унгинских бурят, Б. Б. Дашибалов выдвигает иную гипотезу: городища являлись святилищами для проведения шаманских ритуалов [3, с. 108]. Но стоит заметить, что «Ёхор» повествует о функции этих городищ у бурят, т. е. в более позднее время. Вопрос о целях, ради которых сооружения возводились в древности остаётся открытым.

О датировке городищ в Приангарье трудно судить ввиду их слабой изученности. Археологические раскопки широкими площадями проводились на объектах Улан-Бор (в устье р. Унги) и Манхай (в долине р. Куды). На первом из них Б. Б. Дашибаловым и В. В. Николаевым выделено два этапа функционирования городища: IX–XI вв. и XII–XIV вв. [4, с. 717]. Городище Манхай датировано А. П. Окладниковым курыканским временем (VI–X вв.), а П. П. Хороших выделял ещё один более ранний этап его функционирования [8, с. 204].

В Южном Приангарье, согласно А. В. Харинскому, насчитывается около 60 городищ, большая часть которых ещё не изучена [8, с. 200]. Их возраст устанавливался, как правило, на основании обнаруженных фрагментов керамики, но чётко выделенных типов для рассматриваемой эпохи почти нет, поэтому датировки носят весьма условный характер. Большинство городищ датируется рамками I тыс. н. э., поэтому установление возраста обнаруженных нами комплексов методом сравнительного анализа затруднено.

Зацепкой для определения возраста Зун-Туренского городища может служить керамика, обнаруженная в шурфе. Аналогичные фрагменты обнаружены на о-ве Лесном [5, с. 126–127], на городищах Манхай [2, с. 95] и Байкальское I (Северный Байкал). А. В. Харинский определяет такие сосуды как сосновоостровский тип елгинской керамической традиции. На основании ^{14}C -дат, полученных по углю или костям, данный тип датирован концом I тыс. до н. э. – началом I тыс. н. э. [7, с. 208]. По аналогии этим же интервалом можно определить возраст фрагментов, найденных на Зун-Туренском городище. Вполне допустимо, что керамика попала на территорию городища до его возведения. Вопрос о существовании Зун-Туренского городища в РЖВ остается открытым.

По результатам проведённых исследований стоит отметить следующее. Во-первых, с высокой долей вероятности нами идентифицированы Барун-Туренское и Зун-Туренское городища, ранее описанные Э. Р. Рыгдылоном. Во-вторых, на одном из городищ найдена керамика, предварительно датированная РЖВ, что поднимает вопрос о существовании городища в столь раннее время.

Учитывая слабую изученность Южного Приангарья в эпоху РЖВ – Средневековья, полученные результаты открывают перспективу дальнейшего изучения унгинских городищ, для чего необходимо продолжение разведок с целью идентификации всех городищ, описанных Э. Р. Рыгдылоном, а также дальнейшее археологическое изучение Барун- и Зун-Туренского городищ.

Научный руководитель И. В. Уланов

Литература

1. Агапитов Н. Н. Прибайкальские древности // Известия ВСОРОГО. 1882. Т. 12, № 4–5. С. 1–28.
2. Асеев И. В. Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). Новосибирск : Наука, 1980. 151 с.
3. Дашибалов Б. Б. Новые материалы о городищах Байкальской Сибири // Дуловские чтения 1997 года. Иркутск : Листок, 1997. С. 106–108.
4. Новосельцева В. М., Уланов И. В. Средневековые комплексы Ангаро-Осинского геоархеологического района // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Пекин, 2017. С. 715–723.
5. Окладников А. П. Отчет о раскопках в 1953 году Ангарской археологической экспедиции на Лесном острове // Архив ИА РАН. Р-1. № 823.
6. Рыгдылон Э. Р. Городища Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа Иркутской области // Советская археология. 1955. № 22. С. 177–189.
7. Харинский А. В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Известия Лаборатории древних технологий. 2005. Вып. 3. С. 198–215.
8. Харинский А. В. Капсальские «городища» // Известия лаборатории древних технологий. 2007. Вып 1 (5). С. 200–217.

Т. А. Дубовец
Иркутский государственный университет

СБОРЫ ЭКСПОНИРОВАННОГО МАТЕРИАЛА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА – СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ОСТРОВЕ ОСИНСКИЙ В 2016–2017 гг.

С 1950-х гг. существует проблема сохранения археологических объектов, которые попали в зону затопления водохранилищ, образованных в результате строительства Ангарского каскада гидроэлектростанций. При строительстве Братской ГЭС спасательные работы были проведены в недостаточном объеме, в результате чего множество объектов археологического наследия были частично или полностью уничтожены.

Остров Осинский, расположенный в устье Осинского залива Братского водохранилища, является одним из крупнейших островов в верхнем течении Ангары (длина около 5 км). До затопления он имел длину 25 км. Из-за регулярных колебаний уровня воды в р. Ангаре археологические объекты на острове подвержены разрушению волноприбойной деятельностью водохранилища.

В 1979 г. В. М. Ветровым и В. И. Смотровой здесь была собрана коллекция подъемного материала и зафиксировано разрушение археологических объектов. В течение полевых сезонов 1981–1982 гг. отрядом В. И. Смотровой КНИЭ ИОКМ были изучены 12 разновременных погребений и один ритуальный комплекс [8].

В 2016 г. И. В. Улановым и А. Ю. Тарановским проведены работы по спасению размываемых водами водохранилища двух захоронений: одного – хуннского времени, второго – раннесредневекового [11]. Целью настоящей работы является введение в научный оборот коллекции экспонированного материала, датируемого от раннего железного века (РЖВ) до Средневековья, найденного на острове Осинский в 2016–2017 гг. А. Ю. Тарановским и И. В. Улановым.

В 2016 и 2017 гг. доступным для исследования был техногенный пляж западного побережья острова. Было изучено 3 км пляжа, на котором выделялись пункты сбора – четыре пункта в 2016 г. и три пункта в 2017 г. Если объединить эти пункты, то можно выделить три зоны сбора материалов: южную, центральную и северную.

В южной зоне были найдены следующие предметы: шестигранная в сечении бусина-пронизка из прозрачного камня сиреневого цвета; шаровидная бусина из камня бело-матового цвета;

фрагмент шаровидной бусины из камня голубого цвета; бронзовое зеркало с орнаментом на лицевой стороне и шишкой-петлей; костяной кружок, разломанный напополам; костяная пряжка под-прямоугольной формы с наружным коническим язычком и двумя вырезами, разделенными перемычкой. Изделия из металла представлены двумя черешковыми ножами слабой степени коррозии и фрагментом сильно коррозированного ножа с уступом под рукоять.

В центральной зоне обнаружены наконечник копья и 11 фрагментов керамики. Наконечник копья имеет втульчатый конический насад и вытянутое, расширяющееся к концу перо с продольной гранью по центру и линзовидным сечением. Коллекция керамики включает: 8 фрагментов венчиков от разных гладкостенных сосудов, орнаментированных прорезанными линиями, наколами различной формы, налепными валиками и округлыми ямками; 3 гладкостенных фрагмента тулов с орнаментом в виде прорезанных линий, наколов и округлых ямок.

В северной зоне обнаружены два бронзовых изделия, 11 железных и один фрагмент керамики. Предметы из бронзы представлены плоской круглой пуговицей с припаянной окружной петлей и прямоугольной пластиной, согнутой в профиле, имеющей симметричное сужение («талию») в центре по длинной стороне, овальную выпуклость по центру и маленькие гвоздики по углам. Железные изделия представлены черешковым ножом; удилами с кольчатаими пасмами; ножом с треугольным вытянутым клинком и прямым обухом; узким длинным черешком, фрагментами небольших пряжек; двумя непарными стременами; колчанным крюком, тремя узкими черешковыми разнотипными наконечниками стрел. Фрагмент венчика керамического сосуда – гладкостенный, верхняя часть с профилировкой. Прямой венчик отогнут и декорирован с внешней стороны наколами прямоугольной формы. Под срезами отмечены следы ногтевых вдавлений.

Для того чтобы установить возраст предметов, были привлечены аналоги с различных археологических объектов Южного Приангарья и сопредельных территорий.

Хорошо датируются группа артефактов из южной зоны. Бронзовые зеркала с таким же орнаментом в Империи Хань изготавливались во II в. до н. э. [5, с. 118]. Два таких же целых зеркала и два во фрагментах найдены на объектах хуннского времени в Минусинской котловине, Туве, на Алтае и Барабинской лесостепи [11].

Подобные костяные кружочки, называемые ворвреками, бусины и подпружные пряжки фиксируются в хуннских памятниках Монголии и Забайкалья, датируемых II в. до н. э. – I в. н. э. [2–4;

9]. Учитывая близость южной группы находок к трем захоронениям хуннского времени, раскопанных в 1981, 1982 и 2016 гг. мы можем предполагать, что эти предметы оказались на поверхности пляжа в результате размыва могильника хуннского времени в южной части острова.

Аналогичные гладкостенные и толстостенные фрагменты керамики с различными наколами и прочерченными линиями встречаются в Приангарье и Приольхонье в комплексах, широко датируемых I тыс. н. э. [1; 6; 12].

Предметы, аналогичные большинству железных изделий из северной зоны находок, встречаются на обширной территории степного пояса Евразии и прилегающих территориях в широком хронологическом интервале. Черешковые ножи встречаются в комплексах от хуннского времени до Нового времени, стремена и удила, схожие с найденными на Осинском, встречаются от Раннего Средневековья до Нового времени [7; 10; 13].

Колчанный крюк был обнаружен на территории Приольхонья (гора Бергул) [1]. Подобный же крюк можно встретить в погребениях усть-талькинской культуры (XII–XIV вв.) [7]. Наконечники, однотипные трапециевидному плоскому, встречаются в погребениях усть-талькинской культуры [7]. Аналогичная пряжка найдена в средневековом захоронении в заливе Куркут (Приольхонье) [1].

Точные аналоги пока найти не удалось для бронзовой пуговицы, бронзовой пластины, наконечника копья, четырехгранного и трехлопастного узкого наконечников стрел.

Таким образом, находки центральной и северной зоны мы предварительно относим к широкому хронодиапазону РЖВ – Средневековье.

Введенные в научный оборот предметы иллюстрируют материальную культуру жителей Приангарья в период с хуннского времени до Позднего Средневековья. Большой интерес представляют артефакты, не нашедшие аналогов, поскольку они обогащают типологическое разнообразие предметного комплекса в археологии Южного Приангарья.

Разнообразие предметов (украшения, предметы конского снаряжения, вооружения) на небольшом по площади участке, а также наличие на острове исследованных погребений с аналогичными предметами указывает, что вероятно находки 2016–2017 гг. оказались экспонированы на поверхности пляжа в результате размыва других захоронений. Следовательно, остров Осинский остается перспективным объектом для исследования комплексов эпохи РЖВ и Средневековья.

Научный руководитель И. В. Уланов

Литература

1. Асеев И. В. Прибайкалье в средние века. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1980. 154 с.
2. Давыдова А. В. Иволгинское городище // Советская археология. 1956. № 1. С. 261–300.
3. Давыдова А. В., Миняев С. С. Комплекс археологических памятников у села Дурены. СПб. : Азиатика, 2003. 164 с.
4. Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976. 219 с.
5. Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М. : Наука, 1975. 238 с.
6. Николаев В. С., Кустов М. С. Ритуальные комплексы кочевников Южного Приангарья в эпоху Средневековья (описание, анализ конструкций и обряда) // Известия Лаборатории древних технологий. 2004. Вып. 2. С. 193–211.
7. Николаев В. С. Погребальные комплексы кочевников Юга Средней Сибири в XII–XIV веках. Владивосток, Иркутск : Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. 306 с.
8. Погребальные комплексы острова Осинский (Братской водохранилище) / И. В. Уланов, А. В. Веренская, Г. Л. Иванов, Е. Д. Никулина, А. Ю. Тарановский // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. Иркутск, 2017. Т. 22. С. 124–149.
9. Руденко С. И. Культура хуннов и ионнулинские курганы. М., Л., 1962. 206 с.
10. Тишкун А. А., Горбунов В. В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2006. № 3. С. 31–40.
11. Уланов И. В. Новые погребения на острове Осинском (Братское водохранилище) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. Вып. 6. С. 292–299.
12. Фокин С. М. Поселение Каменка на Енисее // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск, 2013. Вып. 6. С. 50–57.
13. Харинский А. В. Приольхонье в Средние века: погребальные комплексы. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2001. 238 с.

И. О. Кондратьев

Иркутский государственный университет

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА – СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ОСИНСКОГО РАСПИРЕНИЯ БРАТСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА

Территория Осинского расширения Братского водохранилища, определяемая в литературе как Ангаро-Осинский геоархеологический район, в Южном Приангарье является наиболее представительной по археологическим комплексам раннего железного века (РЖВ) – Средневековья наряду с Кудинской долиной.

Целью настоящей работы является историографический обзор археологических исследований комплексов РЖВ – Средневековья, проводившихся различными учеными на территории Осинского расширения.

До строительства Братской ГЭС и образования расширения, его будущая территория была частью Балаганских степей, где протекали в своем нижнем течении притоки Ангара (левый) и Оса (правый).

В 1877 и 1880 гг. член ВСОИРГО Н. Н. Агапитов и бурятский этнограф М. Н. Хангалов совершили ряд поездок в Балаганские степи. Ими была собрана коллекция экспонированного материала, и описаны пять городищ.

В 1879–1881 гг. И. Д. Черский в долине р. Унги обнаружил писаницы с изображением всадников и верблюдов, а в 1882 г. Н. И. Витковский провел сборы керамики на выдувах в устье р. Унги.

В 1920–1921 гг. экспедиция Иркутского краеведческого музея под руководством Г. П. Сосновского проводила разведку от пос. Балаганск до с. Распутина [2, с. 10].

В 1947 г. Э. Р. Рыгдылон и его Аларский отряд Бурят-Монгольской экспедиции проводил исследования городищ правого берега Ангара и притока р. Унги. Он обнаружил 15 городищ и собрал информацию по еще 14 похожим городищам [5].

С 1955 г. в районе затопления Братской ГЭС начала работу Ангарская археологическая экспедиция АН СССР под общим руководством А. П. Окладникова. Из средневековых объектов были найдены городище Улан-Бор и Унгинское поселение. Последнее раскапывалось под руководством Е. Ф. Седякиной в 1958 и 1959 гг. В ходе работ были обнаружены остатки вероятно жилищ с очагами внутри. Среди артефактов найдены светильники из железа и керамики, печатка-гемма с изображением «божества», а также импортные предметы из стекла: фрагменты сосудов, браслеты. На основании анализа находок, поселение классифицировано как торгово-ремесленный центр, существовавший в XII–XIV вв. [4, с. 716].

Городище Улан-Бор раскапывалось А. П. Окладниковым и Н. Н. Забелиной. Внутри укрепления зафиксированы деревянные конструкции, а в некоторых из них – очаги. Предложению о долговременных жилых постройках противоречил факт немногочисленности археологического материала, найденного на территории городища.

В начале 1980-х гг. на территории расширения работал Ангарский археолого-этнографический отряд КНИЭ ИОКМ под руководством В. И. Смотровой. В 1981–1982 гг. отрядом на острове Осинский было исследовано 12 погребений разного времени. Из них два отнесены к хуннскому времени, еще два и ритуальный комплекс – к Средневековью [7, с. 137–141].

В 1984–1985 гг. В. И. Смотровой исследования перенесены с о-ва Осинский на южное побережье Осинского залива. Здесь были исследованы два могильника – Игетейский Лог-II и Шебуты-III. В ходе раскопок могильника Игетейский Лог-II были обнаружены четыре безинвентарных погребения, а в 40 м к западу от них в осыпи и при зачистке обнажения найдено погребение хуннского времени, ограбленное еще в древности.

Могильник Шебуты-III планиграфически состоял из двух рядов погребений. Первый состоял из пяти захоронений лошадей, которые были забиты ударом в лоб и положены животом вниз с подогнутыми ногами. Инвентарь состоял из удила, стремян и сохранившихся частей седел. Восемь человеческих захоронений в деревянных ящиках-гробах составляли второй ряд. Погребенные располагались на спине с вытянутыми вдоль тела руками, головой ориентированы на северо-запад. Инвентарь составляли изделия из железа: наконечники стрел, ножи, топоры, удила и т. д. Могильник датирован XIII–XIV вв. н. э. [2, с. 45–49].

В 1988–1989 гг. О. Б. Варламов и В. С. Николаев проводили исследования в Унгинском заливе Осинского расширения. В ходе работ обнаружены ритуальные комплексы Макарьевская-I (Унга IV), Макарьевская-II, Макарьевская-IV [1, с. 197]. В 1989 г. исследователями был также найден могильник Доглан. С 1999 по 2001 г. здесь велись работы под руководством В. С. Николаева. Как и на территории могильника Шебуты-III, здесь обнаружены захоронения людей и животных: в основном лошадей, реже – коров и баранов.

На основании особенностей погребального обряда могильников Шебуты-III, Доглан и ряда других погребальных комплексов В. С. Николаевым выделена усть-талькинская археологическая культура, датируемая XII–XIV вв. [2].

В 2007 г. В. М. Новосельцевой на территории известного места нахождения Игетейский Лог-III обнаружено средневековое безинвентарное погребение мужчины, лежавшего на спине головой на восток.

В 2014 г. исследователями ИГУ проводилась археологическая разведка в районе Осинского залива. Были заложены шурфы на Удактаевском и Улановском городищах на северном берегу залива. На первом материал не обнаружен, а на втором были найдены фрагменты гладкостенной керамики, трубчатые кости и скол декортикации из кварцита [4, с. 720].

В 2016 г. на о-ве Осинский И. В. Улановым при содействии краеведа-любителя А. Ю. Тарановского исследованы два захоронения. На основе анализа сопроводительного инвентаря и проведенного ^{14}C -датирования установлено, что первое захоронение (разрушенное водами водохранилища) из южной части острова относится к хуннскому времени, а второе, в северной части острова – к V–VI вв., т. е. Раннему Средневековью [6].

В заключение стоит отметить, что история исследования объектов РЖВ – Средневековья территории Осинского расширения Братского водохранилища богата на имена и события, однако при подробном рассмотрении бросается в глаза в основном разведочный характер работ. Несмотря на большое количество выявленных местонахождений, раскопки широкими площадями были проведены лишь на единичных объектах.

Также стоит констатировать недостаточность проведенных спасательных работ в 1950-е гг. в зоне затопления водами Осинского расширения. Большое количество объектов было разрушено волноприбойной деятельностью, о чем свидетельствуют массовые находки экспонированного материала на берегах расширения.

Тем не менее, обилие объектов РЖВ – Средневековья в Ангаро-Осинском геоархеологическом районе указывает на весьма активное освоение балаганских степей в древности, что делает этот район крайне перспективным для дальнейшего археологического изучения.

Научный руководитель И. В. Уланов

Литература

1. Николаев В. С., Кустов М. С. Ритуальные комплексы кочевников Южного Приангарья в эпоху средневековья (описание, анализ конструкций и обряда) // Известия Лаборатории древних технологий. 2004. Вып. 2. С. 193–211.
2. Николаев В. С. Погребальные комплексы кочевников Юга Средней Сибири в XII–XIV веках. Владивосток, Иркутск : Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. 306 с.
3. Николаев В. С. Средневековое погребение у п. Балаганск // Известия Лаборатории древних технологий ИрГТУ. 2006. № 4. С. 299–308.

4. Новосельцева В. М., Уланов И. В. Средневековые комплексы Ангаро-Осинского геоархеологического района // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Пекин, 2017. С. 715–723.

5. Рыгдылон Э. Р. Городища Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа Иркутской области // Советская археология. 1955. № 22. С. 177–189.

6. Уланов И. В. Новые погребения на острове Осинском (Братское водохранилище) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. Вып. 6. С. 292–299.

7. Уланов И. В. Погребальные комплексы острова Осинский (Братское водохранилище) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 22. С. 124–149.

М. Р. Купянская

Иркутский государственный университет

А. А. Гюльмамедова

Красноярский государственный педагогический университет

МНОГОФИГУРНАЯ КОМПОЗИЦИЯ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ УЧАСТКЕ ШАЛАБОЛИНСКОЙ ПИСАНИЦЫ

Шалаболинская писаница – это известный объект древнего наскального творчества, который находится в Курагинском районе Красноярского края, около с. Шалоболино, на правом берегу р. Тубы (приток Енисея). Рисунки встречаются на протяжении 2,5 км (8 участков) и имеют разнообразные технические приемы исполнения: выбивка, гравировка, протир, прорисовка охрой.

Целью работы стало комплексное рассмотрение плоскости 7 участка 4, которое включает в себя описание, интерпретацию и хронологию представленных на ней фигур. Исследование актуально в связи с отсутствием на данный момент аналитических сведений по ряду плоскостей Шалаболинской писаницы и вводит в научный оборот новую информацию об особенностях развития и хронологии наскального искусства Минусинской котловины.

Плоскость расположена в центральной части восточного участка (левый край) скальных обнажений. Высота от подножия – 0,8 м, длина – 5,8 м; положительный угол наклона – 5°, плоскость обращена на ЮВ (азимут 65°). На ней представлены зоо- и антропоморфные фигуры, символы, показанные в основном путем выбивки, в единичных случаях – гравировки и протира. Плоскость поделена на три сектора: левый (7а), центральный (7б), правый (7в).

В левой части плоскости 7а находится фигура антропоморфа (№ 1), показанная в ракурсе «фас-профиль» (верхняя часть фронтальная, ноги – в профиль). Левая рука согнута к туловищу, правую пересекает оружие (?). На голове показан головной убор. Правее антропоморфа расположена композиция из трех лошадей, ориентированных вправо и выполненных контурной выбивкой. Животные наложены друг на друга. Верхняя фигура (№ 2) показана в позе «внезапной остановки» (передние конечности вынесены вперед, задние вертикально опущены вниз). Под ней изображены животные (№ 3, № 4) в «геральдической позе» (конечности вынесены вперед и назад, согнуты в коленях и опущены вниз) [1, с. 109]. Правее фрагментарно изображено ориентированное вправо копытное (бык?) (№ 5), выполненное контурной выбивкой. Животное показано в позе «внезапной остановки». Ниже копытного – два антропоморфа (№ 6), выполненные выбивкой, одна фигура над другой. Таким образом, вероятно, была показана сцена борьбы. Правее фрагментарного копытного показана в фас антропоморфная фигура (№ 7) в технике выбивки. Выше нее изображена фигура аналогичная ранее описанному человечку (№ 8). Ниже антропоморфа – лошадь, ориентированная вправо (№ 9). Животное выполнено выбивкой, задняя и передняя части развернуты в фас в таштыкских изобразительных традициях.

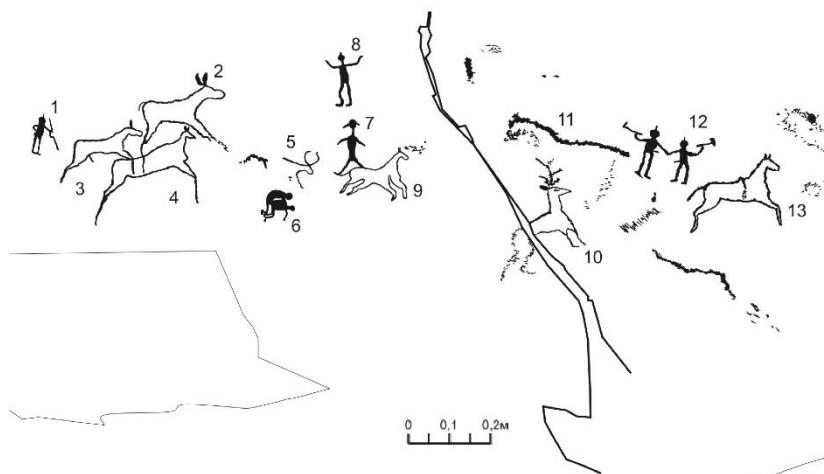

Рис. 1. Плоскость 7, сектор 7 а

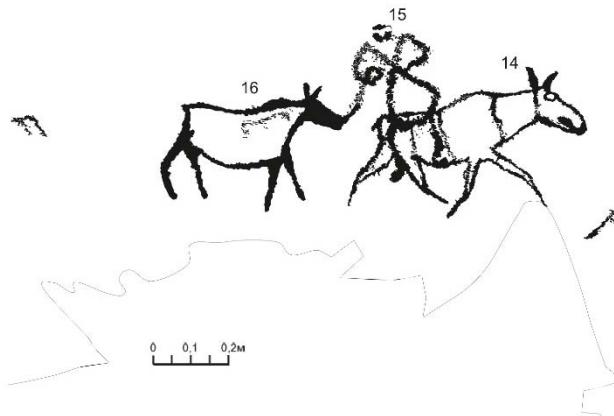

Рис. 2. Плоскость 7, сектор 7 б

Рис. 3. Плоскость 7, сектор 7 в

Левая часть плоскости 7б отделяется от плоскости 7а глубокой диагональной трещиной, которая разделяет туловище оленя, ориентированного в правую сторону (№ 10). Две передние конечности показаны в позе «внезапной остановки». Выше оленя прослеживается обращённое в левую сторону фрагментарное изображение зооморфа (лошадь?) (№ 11). Техника выполнения – выбивка. Правее фрагментарного животного изображены в ракурсе «фас-профиль» два антропоморфа (№ 12). Они держатся за руки, в двух других руках показаны топоры. Данное изображение, вероятно,

демонстрирует сцену ритуального танца перед охотой, именно поэтому оно помещено среди множества фигур животных. Правее и ниже показано контурное изображение копытного (№ 13), стилистически аналогичное изображениям лошадей.

В центральной части плоскости – два зооморфных образа, ориентированных вправо, выполненных в ангарских изобразительных традициях. Поверх задней части туловища копытного № 14 расположен в фас антропоморф в линейном стиле (№ 15). В руке его – фрагмент повода, протянутого к копытному № 16. Правее находится контур равностороннего треугольника, показанный вершиной вверх (№ 17). Ниже расположен, вероятно, контур детеныша (№ 18) в ангарском стиле. Правее и ниже – контур антропоморфа (№ 19), расположенный в фас. Правая нога показана условно.

Правее его показана, видимо, сцена одомашнивания из двух фигур – антропоморфной и зооморфной (№ 20), которые перекрывают незаконченный контур зооморфа (№ 21), размещенного чуть выше и выполненного редкой выбивкой. Левее и выше находится реалистичное контурное изображение лося (№ 22), ориентированное головой вправо, в скелетном и ангарском стилях. В задней части туловища присутствует заполненное выбивкой округлое пятно. Над фигурой фрагментарно показан еще один контур треугольника (№ 23), ориентированного вершиной вверх. Правее копытного № 22 находится контур копытного (лось?) (№ 24), направленного в правую сторону. Изображение ног отсутствует. В задней части туловища – также силуэтное пятно выбивки.

В нижней правой части плоскости находится в целом аналогичная изображению № 19 фигура (№ 25) с обрамленным гравированными линиями контуром головы. Возможно, так изображалось почитание солнечного божества.

Чуть выше копытных животных расположен контур равнобедренного треугольника (№ 26), направленный вершиной вниз. На объекте существует несколько интерпретаций треугольных петроглифов. Согласно первой, ориентированная вершиной вниз фигура символизирует мужское начало, вершиной вверх – женское. По другой версии, фигура может представлять объект материального мира (коническое жилище, скифский котел) [2, с. 114].

В правой части плоскости изображена антропоморфная фигура (№ 27), направленная в правую сторону и выполненная в линейном стиле. Между контурами антропоморфа и равнобедренного треугольника – изображение лося (№ 28) в ангарском стиле, ориентированное вправо. Техника – протир.

По нашему мнению, наиболее архаичными являются фигуры в центральной части плоскости. Среди них – наиболее ранняя контурная фигура лося (№ 14), с которой сюжетно связано изображение лосенка (№ 18). Позднее по обе стороны от лося добавлены фигуры копытных, выполненные в общей стилистической манере. Поверх фигуры лося был нанесен антропоморф, моделируя сцену одомашнивания. Видимо, затем начала заполняться периферийная зона правой части плоскости. Появились треугольники. В нижней и верхней частях плоскости были нанесены изображения антропоморфов, один из которых – образ солнцеголового персонажа. Вероятно, затем начала заполняться левая часть плоскости. Сначала были нанесены четыре динамичные фигуры копытных, три из которых, окруженные фигурами людей, выполнены в одних стилистических приемах («геральдическая поза»). Между ними – образ копытного (№ 9) в таштыкских изобразительных традициях. Позднее поверх трещины нанесен образ оленя (№ 10). Наиболее поздние фигуры представлены фрагментарными изображениями и неясными конфигурациями линий.

Предварительно можно полагать, что рисунки на данной плоскости охватывают временной интервал от эпохи позднего неолита до Средневековья. О наличии фигур эпохи неолита свидетельствуют фигуры в ангарских изобразительных традициях. Также прослеживаются рисунки, которые относятся к Окуневской изобразительной традиции, датируемой концом 3 тыс. до н. э. (солнцеголовый персонаж; возможно, профильная фигура антропоморфа (№ 27) в верхнем правом углу плоскости; сохатый (№ 28)).

К эпохе бронзы может относиться рогатый антропоморф (№ 20), держащий за повод животное, выполненное схематично. Также присутствуют изображения, относящиеся к тагарскому времени и тагаро-таштыкскому периоду, о чем говорит присутствие в композиции «тагарских человечков». Иконографическое разнообразие таштыкской изобразительной традиции позволяет предположить, что некоторые фигуры выполнены в переходный тагаро-таштыкский период, о чем свидетельствует фигура оленя (№ 10), передняя и задняя части которого выполнены в таштыкском стиле, но при этом передние конечности выполнены и в позе «внезапной остановки», что характерно для традиций скифо-сибирского звериного стиля. К эпохе Средневековья могут относиться фигура «наездника» и незаконченные фрагменты фигур на незаполненных рисунками участках плоскости. Появление треугольных символов хронологически неясно, возможно, они появи-

лись в эпоху ранней бронзы. По нашему мнению, вряд ли присутствуют изображения этнографического времени на левом участке плоскости, которые были выделены предыдущими исследователями [3, с. 20].

Научные руководители А. Г. Новиков, А. Л. Заика

Литература

1. Гюльмамедова А. А. Скифо-сибирский звериный стиль в петроглифах Шалаболинской писаницы // Молодежь и наука XXI века: Актуальные вопросы истории России: проблемы и перспективы развития, 2022. С. 109–112.
2. Кудрина М. П. Треугольные петроглифы Шалаболино // Молодежь и наука XXI века: Актуальные вопросы истории России: проблемы и перспективы развития. 2022. С. 112–114.
3. Петроглифы древней Сибири. Эпоха камня и бронзы. Скифское и хунно-сарматское время. Средние века и этнографическое время. М. : ГАЛАРТ, 2010. 193 с.

С. М. Терещенко

Санкт-Петербургский государственный университет

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ИСКУССТВА КУШАНСКОГО ЦАРСТВА

Кушанское царство, существовавшее в I–IV вв. н. э. в Средней Азии, было не только одной из великих держав эпохи, но и имело решающее значение в организации первого Шелкового пути. В то же время кушаны остаются одной из самых загадочных и малоисследованных евразийских империй, поскольку не сохранилось письменных памятников кушанского периода, но археологические находки позволяют составить представление об их культуре [3, с. 176–180].

Благодаря экономическим связям в регионе происходил активный культурный обмен. На кушанское искусство оказали значительное влияние эллинистические и буддийские культурные традиции, которые были ими творчески освоены и переработаны, а также дополнены элементами степной культуры, носителями которой были сами кушаны [6, с. 29–33]. Ниже приведены примеры таких кросскультурных связей.

Во-первых, это смешение стилей заметно в монетах кушанской чеканки. В период сложения Кушанского царства монетный чекан еще не был выработан и поочередно копировал традицию греческих, римских или парфянских правителей [2, с. 77–81]. Во

II в. появляется собственный кушанский тип монет, который и закрепился впоследствии. На лицевой стороне был изображен царь, стоящий в полный рост с повернутой влево в профиль головой, на обратной стороне – фигуры божеств. За исключением Вимы Кадфиса (ок. 110–127) и Васудевы (ок. 192–237), использовавших только бога Шиву, на монетах остальных правителей были изображены божества различного происхождения [7, с. 12–13, 58, 21]:

- 1) специфически среднеазиатские (божество амударыинских вод Вахшу);
- 2) общеиранские (бог первых лучей восходящего солнца Митра, бог огня Фарро);
- 3) восходящие к месопотамским культам (великая госпожа Нана);
- 4) эллинистические (бог солнца Гелиос, греко-египетский бог Сарapis);
- 5) индийские (Шива, Будда) [2, с. 78, 81; 7, с. 42].

В изображениях на монетах отразился процесс творческого освоения различных культурных и художественных стилей. Антропоморфные образы некоторых этих божеств создавались впервые, и возможно поэтому кушанские мастера опирались в первую очередь на знакомые им античные традиции, на наследие Греко-Бактрийского царства. Обширный пантеон свидетельствует о том, что на кушанское искусство влияло множество культурных традиций [6, с. 29, 32–34].

Соединение разных веяний в культуре кушан заметно также по археологическим находкам в городище Халчаян. Весь комплекс Халчаянского дворца представляет собой сочетание стилей. К местным среднеазиатским особенностям можно отнести использованный материал, сырцовый кирпич, и фронтальную композицию в планировке парадной части постройки; античное влияние заметно по кровле, покрытой черепицей и украшенной антефиксами; торовидные базы колонн восходят к древнеперсидским постройкам [2, с. 82–84]. Однако особое внимание привлекают стенные росписи и скульптуры.

Скульптурная композиция украшала верхнюю половину стен и располагалась в два ряда. Центральным элементом зала была сцена с правителем, восседающим на троне со своей дамой; над ними – Ника и Геракл, а по обе стороны от них – мужчины и женщины императорского двора. Справа изображена другая сцена с царем. Слева – группа всадников в доспехах и шлемах с лучниками, над которыми находился фриз со скульптурами амуро

обнаженных или в развевающихся туниках, держащих гирлянду [4, с. 332–334].

Изображения всадников явно связаны со степными традициями, в то время как к эллинистической культуре восходят скульптуры Афины, сатиров, а также вся композиция с гирляндой в целом [1, с. 177–180]. Влияние римских и греко-бактрийских художественных вкусов заметно по стремлению к тщательной передаче индивидуальных физических особенностей и деталей внешнего вида людей [6, с. 32–34].

Значительную роль в развитии скульптуры Кушанского царства сыграл буддизм, основные образы и сюжеты которого получили распространение на северо-западе империи. Здесь они были ассилированы с более ранними местными традициями [4, с. 333].

Айртам – городище, где наиболее ярко проявляется влияние буддизма на кушанское искусство. Здесь были обнаружены остатки буддийского святилища, вход в которое в древности украшали капители с изображениями нескольких персонажей на фоне аканфовой листвы. Буддийское содержание, пластика лиц и обилие украшений свидетельствует об индийском влиянии. К эллинистической традиции восходит композиция – полуфигуры, окруженные аканфовыми листьями. Степная культура проявляется в этническом типе большинства персонажей, в треугольной форме арфы и головном уборе со стреловидной подвеской. Все эти различные по своему происхождению элементы не были механически соединены – они творчески усвоены и переработаны в полноценное самостоятельное произведение кушанского искусства [2, с. 89, 93–94].

Примечательно, что при изображении Будд или бодхисаттв кушанские мастера следовали индо-буддийским канонам, но, когда изображались нетипичные для этой традиции персонажи, кушаны создавали другие, по всей видимости портретные образы, в которых заметно влияние античной скульптуры [6, с. 29–34].

Важно отметить, что и сами кушаны внесли вклад в буддистскую архитектуру. Планировка буддийского комплекса Кара-тепе с центральным замкнутым святилищем и обходными коридорами не использовалась в докушанской Индии, и по всей видимости именно в кушанский период произошло введение этого приема в буддийскую архитектуру. Позднее эта планировка использовалась в буддийских памятниках южного Афганистана, Восточного Туркестана и в самой Индии [2, с. 106].

Смешение стилей характерно и для кушанской керамики. Показательным примером будет сосуд, найденный в Кара-тепе, с

ручкой в виде обезьяны. Изготовление сосудов с фигурками животных в качестве ручки было широко распространено на Северном Кавказе, в степях Восточной Европы, Казахстане и на севере Средней Азии. Обычно они изображали барана или других местных животных, чьи головы были обращены к сосуду — считалось, что таким образом животные охраняли содержимое кувшинов. Кушанский стиль явно продолжает эти традиции, но с течением времени он приобрел уникальные черты [2, с. 110–112].

На черепке из Кара-тепе изображена обезьяна — образ, привнесенный из Индии и связанный с буддизмом. Кроме того, голова обезьяны на ручке была обращена не вверх, как было свойственно сосудам кочевой культуры, а в сторону. По всей видимости, это говорит о более декоративном назначении этого элемента. Так, в одном сосуде были соединены степная и индийская традиции, что привело к созданию керамики в собственно кушанском стиле, отличном как от степных, так и от индийских произведений [2, с. 110–112].

Разнообразие искусства Кушанского царства объясняется тем, что эта империя объединила под своей властью большую территорию, поддерживала контакты со множеством народов. В кушанский период культура и искусство процветали. Богатство этой культуры связано с тем, что она находилась в постоянной взаимосвязи с другими цивилизациями [5, с. 259–260]. Античная, индийская, кочевая и иные традиции подвергались творческой переработке и постепенно развивались, что привело к появлению собственно кушанского стиля в искусстве.

Научный руководитель А. В. Жевелева

Литература

1. Пугаченкова Г. А. Халчаян. К проблеме художественной культуры северной Бактрии. Ташкент, 1966. 288 с.
2. Ставиский Б. Я. Искусство Средней Азии. Древний период, VI в. до н. э. – VIII в. н. э. М. : Искусство, 1974. 256 с.
3. Benjamin C. The Kushan Empire: At the Crossroads of Ancient Eurasia // In Empires of Ancient Eurasia: The First Silk Roads Era. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. P. 176–203.
4. Dar S. R., Joyenda M. A., Pugachenkova G. A., Sharma R. C. Kushan art // History of Civilizations of Central Asia. Vol. 2. Unesco Publishing, 1996. P. 323–385.
5. Soliyev O., O'Rinov M., Sulaymanova S. Markazi Osiyo xalqlari tasviriy san'at tarixining fandagi o'rni // ReFocus. Uzbekistan, 2022. N 2. P. 259–263.
6. Rowland B. Jr. Graeco-Bactrian Art and Gandhāra: Khalchayan and the Gandhāra Bodhisattvas // Archives of Asian Art. 1972. Vol. 25. P. 29–35.
7. 杜維善 [Ду Вэйшань]. 貴霜帝國之錢幣 [Монеты Кушанского царства]. 上海古籍出版社, 2012 [Шанхай : Шанхайское изд-во древних книг, 2012]. 173 с.

А. Т. Халикова

Иркутский государственный университет

**СКОПЛЕНИЕ ТАЛЬКИТА
ИЗ ПОЗДНЕНЕОЛИТИЧЕСКОГО УРОВНЯ
МНОГОСЛОЙНОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ
УСТЬ-ЁДАРМА II (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ)**

Археология как наука изучает открытые и закрытые комплексы. Открытые археологические комплексы – культурные слои – подвержены природным воздействиям и антропогенному вмешательству, закрытые же комплексы, такие как погребальные комплексы, клады, скопления и различные сооружения, более устойчивы к разного рода вмешательствам, однородны и более информативны [2]. К сожалению, мы не можем реконструировать полную картину жизни человека прошлого, но закрытые комплексы позволяют нам сделать обоснованные выводы об уровне обработки материалов, о технологиях создания изделий в керамических, погребальных комплексах и т. д. Эти комплексы появляются одновременно с определённой целью.

Особым видом закрытого археологического комплекса является клад. В археологии отсутствует конкретное определение этого понятия, но мы можем говорить о том, что речь идет о намеренно отобранных или спрятанных вещах, которые могут выступать структурными элементами культурного слоя и показателями хозяйственного освоения местности [5, с. 78–79]. Благодаря кладам, которые содержат в себе наиболее изысканные и дорогие вещи, артефакты остаются в большей сохранности, что позволяет нам делать выводы о производственно-технологических аспектах деятельности человека на конкретной территории, а также о мировоззрении и сакральном смысле некоторых вещей [7, с. 77–78]. Исследователи используют разные термины для обозначения подобных находок: клады, депозиты, скопления [2].

Скопления различного инвентаря нередки в стояночных комплексах Северного Приангарья, которые, в свою очередь, богаты материалом, в частности, многослойное геоархеологическое местонахождение Усть-Ёдарма II, входящее в состав ансамбля из шести объектов археологического наследия. Местонахождение Усть-Ёдарма II располагалось на правом приустьевом участке р. Ёдарма при её впадении в р. Ангару. Административно участок устья р. Ёдармы находится в Усть-Илимском районе Иркутской области на границе с Кежемским районом Красноярского края, в 91 км к северу от г. Усть-Илимска вниз по течению р. Ангара [4, с. 21].

В 2010 г. в ходе спасательных археологических работ в зоне затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС на местонахождении Усть-Ёдарма II в пятом культуросодержащем уровне отдельным пятном зафиксирован целенаправленно расколотый желвак талькита (?) – для точного определения состава породы необходимо провести рентгеноструктурный анализ (рис. 1). Пятый культуросодержащий горизонт соотносится с лёгкими суглинками светло-серого и ржаво-бурового цвета, имеется радиоуглеродная дата 5380 ± 80 л. н. (СОАН-8097) или 6304–5944 кал. л. н., что соответствует хронологии позднего неолита [4, с. 64]. Калибровка ^{14}C -даты выполнена при помощи программы OxCal 4.4.2, атмосферная кривая IntCal20, вероятность 95,4 % [8; 9].

Рис. Расколотый желвак талькита с местонахождения Усть-Ёдарма II

Скопление найдено в пикете 106, на границе 2527 и 2627 квадратов, рядом с кострищем № 10. Оно зафиксировано укладкой $0,2 \times 0,15$ м и представлено 60 сколами разной величины (37 крупных и 23 мелких) без следов искусственной обработки (шлифование, пиление, сверление и т. д.). Длина крупных сколов фиксируется от 32 до 91 мм, ширина – от 21 до 66 мм, толщина – от 5 до 27 мм. Длина мелких сколов варьируется от 8 до 27 мм, ширина – от 7 до 27 мм, а толщина – от 1 до 6 мм. На юго-запад от скопления обнаружен ещё один талькитовый скол, вероятно, яв-

ляющейся частью скопления. Скол имеет длину 66 мм, ширину – от 4 до 45 мм, толщину – от 2 до 13 мм, слегка заострённой формы. Таким образом, скопление состоит из 61 скола.

Подобного вида порода и её вариации зачастую используется в декоративных целях; изделия из талькосодержащих пород находят на стоянках и в погребениях, относящихся к разным периодам начиная с палеолита: например, агальматолитовые бусины могильника Щукино, украшения Верхоленской группы «второго массива» ранненеолитических погребений, а также изделия из агальматолита в ранненеолитических погребениях, открытых Н. И. Витковским [1, с. 53, 56]. А. П. Окладников описывает каменные литейные формы для бронзовых ножей, а именно из талькового сланца, в долине Селенги около улуса Хара-Бусун и села Беклемишево (Забайкалье) [6, с. 273–274].

Таким образом, найденные сколы талька с местонахождения Усть-Ёдарма II также могли служить в качестве заготовок для изготовления каких-либо декоративных вещей. Использование этих сколов в качестве преформ орудий нам представляется маловероятным из-за мягкости субстрата.

Интересен вопрос о том, где человек мог взять такой субстрат, так как вблизи территории ансамбля объектов Усть-Ёдарма не зафиксировано месторождений талька. Ближайшее местонахождение – Киргитейское – находится примерно в 460 км на запад от местонахождения Усть-Ёдарма II в Мотыгинском районе Красноярского края, в 35 км на север от правого берега р. Ангары, в 14 км от п. Раздолинска. В 630 км на юг располагается Онотское месторождение маложелезистого талька (Черемховский район Иркутской области) [3].

Рентгеноструктурный и петрографический анализ позволяют нам определить не только состав найденного субстрата, но и с большой долей вероятности соотнести с известными месторождениями талькосодержащих пород.

Научный руководитель Д. Н. Лохов

Литература

1. Базалийский В. И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Известия Лаборатории древних технологий. 2012. № 9. С. 43–101.
2. Дударёк С. П., Лохов Д. Н. Скопление каменных заготовок с многослойного геоархеологического местонахождения Усть-Ёдарма II // Евразия в Кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск, 2020. Вып. 9. С. 49–55.

3. Левицкий В. И. Петрология, минералогия и генезис Онотского талькового месторождения // Записки Всероссийского минералогического общества. 1994. Ч. СХIII. № 6. С. 20–32.
4. Лохов Д. Н., Липнина Е. А., Дударёк С. П. Усть-Ёдарма II – опорное многослойное геоархеологическое местонахождение в Северном Приангарье (по результатам работ 2009–2012 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2023. Т. 44. С. 20–86.
5. Клады эпохи неолита на комплексе Проспихинская Шивера IV в Нижнем Приангарье / П. В. Мандрыка, Д. А. Гурулёв, Е. В. Голубева, М. В. Вдовенкова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. № 3. С. 78–91.
6. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Новосибирск : АН СССР, 1950. Ч. 1, 2. 411 с.
7. Роговской Е. О., Кузнецова А. М. Депозиты многослойного местонахождения Остров Лиственичный (Северное Приангарье) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 9. С. 77–102.
8. Bronk Ramsey C. OxCal 4.4.2 // Oxford Radiocarbon Accelerator Unit : website. URL: <https://c14.arch.ox.ac.uk/> (mode of access: 10.12.2022).
9. The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (0–55 cal kBP) / P. J. Reimer, W. E. N. Austin, E. Bard [et al.] // Radiocarbon. 2020. Vol. 62, Is. 4. P. 725–757. DOI: <https://doi.org/10.1017/RDC.2020.41>.

С. Н. Ходоров

Иркутский государственный университет

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГЕНЕЗА БУРЯТ ДО ЭПОХИ ЧИНГИСХАНА

Этногенез народов Сибири является одним из важнейших вопросов в изучении взаимоотношений между различными народами, жившими на этой территории. Благодаря его исследованию мы можем воссоздать картину экономического и этнокультурного развития коренного населения, что, в свою очередь, может раскрыть особенности отношений русских колонистов с туземным населением Сибири, которые складывались на основе диалога культур.

Одной из крупных проблем изучения этого сложного процесса у бурят является отсутствие письменных источников, которые принадлежали бы этому коренному народу региона Прибайкалья. Дело в том, что первая письменность у монгольских племен появилась в период правления Чингисхана, так же, как и первое сохранившееся до нас письменное произведение монголов «Сокровенное сказание монголов», в котором содержится полезный для изучения народов Забайкалья и Предбайкалья материал, однако оно не может в полной мере передать нам информацию о разви-

тии региона дочингисхановского периода. Помимо монгольских источников, имеется множество других, писавшихся на территории Китая. Такой работой является китайская летопись «Вэйшу», написанная в эпоху династии Вэй [2, с. 18]. Рукопись содержит информацию о народах Внутренней Азии и, в определенной степени, о народах Прибайкалья, но при этом, в силу удаленности региона от места написания этого труда, нельзя выстроить четкую картину жизни народов, населявших его.

Помимо письменных источников, можно использовать и фольклорные, так как многие моменты в фольклоре монголов и других народов этого региона совпадают. Например, мотив о непорочном зачатии Алан-гоа – основательницы рода Борджигин, из которого и происходил Темуджин, похож на историю о непорочном рождении Таньшихуая – основателя государства Сяньби [2, с. 18–19]. Однако при всем этом, мы не можем полагаться в полной мере на фольклор, так как в нем могут упускаться многие моменты, а также многие подобные произведения созданы с целью получения авторитета и укрепления легитимности среди других кочевых племен, своего рода «небесного мандала». Исходя из этих фактов, при изучении темы требуется обращение к другим видам источников.

Другой крупной проблемой являются сложные этнические взаимосвязи в регионе. Один из ключевых вопросов – период расселения монголоязычных групп на этой территории. Например, Г. Н. Румянцев высказывался о чрезвычайно раннем расселении раннемонгольских племен, связывая их происхождение с представителями народа курыкан (гуликань), однако позже это предположение было отвергнуто научным сообществом [3]. Но стоит заметить, что курыканы повлияли на процесс формирования бурятского народа, так как во время переселения на эту территорию монгольских племен, часть из гуликань осталась и смешалась с новоприбывшими народами, что привело к созданию такого племени, как хори-буряты [3; 4]. Другую версию о прибытии на эту территорию монгольских племен предложил знаменитый исследователь Сибири А. П. Окладников. В его концепции монголы прибыли на эту территорию к периоду рождения Чингисхана [3]. Аргументация сторонников этой теории строится на изучении сэгэнутской культуры. Данная концепция имеет большой научный вес, однако более поздние открытия позволили определить более ранние периоды расселения протобурятских племен на территории Прибайкалья. Стоит заметить, что на процесс образования бурятского этноса повлияли и тюркские народы, которые дол-

гое время контролировали территории Внутренней Азии. Они сильно повлияли на культурную, политическую и лингвистическую составляющую [1]. Прекрасным примером этого является вопрос о происхождении этнонима «бурят». По некоторым предположениям сам этноним относится к тюркскому слову «бури», что переводится как «волк».

К другой проблеме относится география расселения ранних монголов на территории Прибайкалья. Вследствие ее географических особенностей, а именно чередование лесных и лесостепных зон, можно говорить о том, что в определенном смысле местные народы развивались обособленно от других племен Внутренней Азии. Данное обособление выражалось в малой политической активности в период образования кочевых империй и межклановых войн на территории Центральной Азии. Кроме того, эти границы привели к формированию языковых различий между бурятским и монгольским народами, что проявляется и в наше время. Стоит отметить и факт наличия различий в хозяйственно-экономическом развитии определенных регионов Прибайкалья. Помимо кочевого скотоводства население региона занималось охотничьями и рыболовными промыслами и, в особых случаях, земледелием (впервые замечается у представителей курумчинской культуры), но при этом, в силу удаленности от торговых путей с Китаем, не наблюдалось китайских товаров на данных территориях [1]. При дальнейших исследованиях мы должны обратить на это внимание, особенно при проведении аналогии с другими кочевыми народами того периода.

В завершение стоит сказать, что при изучении этногенеза бурятского народа нам следует обратить внимание на многие моменты и особенности, которые присущи территории Прибайкалья, чтобы более грамотно реконструировать развитие межэтнических взаимоотношений между ранними монголами и другими народами региона.

Научный руководитель Д. Н. Лохов

Литература

1. Асеев И. В. Некоторые аспекты исторических и археологических материалов как свидетельства расселения монголоязычных племен в Байкальском регионе и Монголии в Средние века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 5 : Археология и этнография. С. 189–198.
2. Аббева Л. Л., Жуковская Н. Л. Буряты. М. : Наука, 2004. 633 с.
3. Дашибалов Б. Б. Курумчинская культура Байкальской Сибири. Улан-Удэ : Изд-во ИИМБТ СО РАН, 2000. С. 35–44
4. Харинский А. В. Южное Прибайкалье накануне образования Монгольской империи // Археология Евразийских степей. 2018. № 4. С. 187–190.

СЕКЦИЯ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

А. В. Давлетшин

Байкальский государственный университет

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ГОРОЖАН ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г. В ИРКУТСКЕ

Первая русская революция, произошедшая в 1905 г., стала переломным моментом для Российской империи. Под влиянием протестов, массовых забастовок и стачек, гражданское общество стремилось к переменам в политической системе и социальной сфере. Эти события оказали серьезное влияние и на Прибайкальский регион.

Сибирь играла важную роль в системе Российской империи, она привлекала огромное внимание государства и имела большую экономическую значимость, так как служила не только источником натуральных ресурсов, но и обеспечивала связь Империи с Дальним Востоком.

Первая русская революция 1905 г. стала катализатором для социальных и политических выступлений в Сибири. РСДРП и другие революционные группировки активно пропагандировали свои идеи в регионе, так как торговые и промышленные центры вдоль Транссибирской магистрали часто обладали относительно компактным преимущественно городским фабрично-служащим населением. Так, например, в Иркутске на момент описываемых событий проживало около 50 тыс. человек. Усиливалась социальная стратификация жителей, росло рабочее недовольство: первая

забастовка на производстве зафиксирована в Иркутске в 1896 г., с тех пор они проводились ежегодно на разных предприятиях, пока их число не достигло пяти в год (к 1904 г.) [1, с. 94].

В результате росшего классового расслоения и агитации рабочих организаций, в Прибайкалье интенсифицировались забастовки, аграрные и социальные конфликты. Это привело к радикализации общества, возникновению новых политических партий и организаций на местах. С началом 1890-х гг. политическую повестку в городе ушедших в небытие народников перехватывают социал-демократы. Первый местный комитет социал-демократической партии был основан в 1901 г. Следом за ними в городе получили распространение идеи социалистов-революционеров, однако исследователи подчеркивают [1; 2], что вплоть до 1905 г. степень распространенности их идей и их влияние на иркутскую общественность было относительно невелико.

Апрельский царский реескрипт о разработке проекта введения в Сибири земских учреждений вzbudorажил местную интеллигенцию и Думу. Так, например, местный торгово-промышленный союз выступил с проектом достаточно смелых и радикальных демократических реформ государственного уровня, предусматривающих всеобщее избирательное право и ликвидацию политической роли монарха в государстве [2, с. 30], в то время как рабочие приступили к организации нелегальных на тот момент времени профессиональных союзов.

По сути, в городе сформировались два ярко выраженных оппозиционных лагеря: связанные с местной Думой и торгово-промышленным союзом интеллигенты и служащие, склонявшиеся к поддержке радикальных демократических реформ, а в будущем – к поддержке конституционалистов-демократов, и центры самоорганизации фабричных рабочих, планировавшие легализовать свою деятельность для того, чтобы сделать профсоюзы центрами дальнейшего распространения влияния левых (РСДРП и СР) партий. В целом аналогичные настроения были характерны и для основных «горячих точек» революции 1905 г.

Если в предыдущие годы число забастовок и стачек стабильно колебалось от трёх до пяти, то за один только 1905 г. их насчитывается 18. Местная «маёвка» впервые собрала более тысячи граждан города. Тогда же, в мае, социал-демократы выступили с призывом местным рабочим вступать в «Рабочий союз для борьбы против капиталистов и самодержавия» [4, с. 92].

Полноценная же стачка в городе вспыхнула 16 октября, после получения 13 октября сведении о начале забастовки в Москве. Был организован местный стачечный комитет, в который входило 40 человек разных партийных принадлежностей и рода занятий. Уже 17 октября начались первые столкновения с противниками бастующих. Основным центром противостояния с черносотенцами (полиция и армейские силы бездействовали) стала площадь перед зданием Управления железной дороги (дом Кузнецова) [1, с. 98]. 18 октября началось формирование дружин ополчения стачечников. Обстановка в городе 18–20 октября была напряженной. Несмотря на отсутствие новых боестолкновений стачечников и черносотенцев, полиция начала проводить ночные рейды в отношении членов комитета и наиболее активных бастующих. Было арестовано около 60 человек. Полученные 21 октября в городе вести о подписании царём нового манифеста, фактически означавшего удовлетворение требований стачечников, были встречены общим воодушевлением. 22 октября в городе прошёл массовый митинг [1, с. 99].

Одним из наиболее заметных последствий революции для Сибири стало укрепление прав рабочих. Согласно обнародованному царскому манифесту от 17 октября – в стране разрешалась деятельность профессиональных союзов, после чего в Сибирском крае развернулась работа 66 профсоюзов рабочих и 46 профсоюзов служащих [3, с. 114]. За влияние внутри этих профсоюзов мгновенно развернулась борьба между социал-демократической и социал-революционными партиями: в которой первые отстаивали принцип партийности профсоюзов, а вторые – принцип их автономности. Стачки как политическая тактика рабочего движения продемонстрировали свою эффективность. Особую эффективность показали забастовки на транспорте: за «Всероссийский железнодорожный союз» (профсоюз железнодорожников) началась особенно ожесточенная борьба между эсерами и РСДРП [4, с. 93]. Тем не менее, наиболее частой формой политического протеста после подписания манифеста 17 октября 1905 г. становится митинг. В первом таком мероприятии в Иркутске принимало участие до 6 тыс. человек (при населении города около 50 тыс.), в последующем 1906 г. в городе пройдёт ещё 33 митинга разной интенсивности [1, с. 99]. 30 ноября 1905 г. в здании Управления железной дороги на собрании её рабочих и служащих был организован Совет депутатов, в доме фактически заседала местная секция «Всероссийского железнодорожного союза».

В результате революции 1905 г. новые политические силы, такие как социал-демократы и эсеры, получили широкую поддержку среди рабочего класса и крестьянства. Однако вместе с положительными изменениями революция также принесла социальные и экономические потрясения. Протесты и стачки подорвали экономическую стабильность региона, что привело к ухудшению ситуации в производственной отрасли.

Первая русская революция оказала глубокое влияние на Сибирь как в социально-политической, так и в экономической сфере. Изменения, произошедшие в этот период, сыграли значимую роль в формировании общероссийской оппозиции царскому правлению и стали своеобразной ступенью к следующему витку политической нестабильности 1917 г.

Научный руководитель А. Б. Ринчинов

Литература

1. Васильева Н. Ф., Иванов А. А. Иркутск «Как зеркало русской революции» 1905 года // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2017. Т. 22. С. 93–101.
2. Курусанова Н. П. Нелегальная печать об участии сибирских эсеров в профессиональном движении // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 91–95.
3. Плотников А. Е. Профессионально-политические союзы интеллигенции Сибири в 1905–1907 гг. // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск, 1995. С. 96–117.
4. Харусь О. А. Иркутский торгово-промышленный союз и его планы по реформированию России: о специфике политического самоопределения провинциальных предпринимателей в начале XX века // Новый исторический вестник. 2016. № 2 (48). С. 27–44.

В. М. Дементьев

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

ТУЛЬСКОЕ РУССКОЕ ОБЩЕСТВО ВЗАИМНОГО КРЕДИТА В НАЧАЛЕ ХХ в.

Изучение обществ взаимного кредита входит в круг проблем экономической истории. Исследованием подобных кредитных организаций занимались такие ученые, как А. В. Зотова, Ю. Л. Грузицкий, Е. В. Васильева, Я. А. Васильев [1; 2; 4; 7; 8]. В рамках этой работы мы поставили цель проанализировать организацию и деятельность Тульского русского общества взаимного кредита.

Общества взаимного кредита представляют собой частные кредитные организации, которые были основаны на принципах кругового ручательства своих членов [1, с. 66]. В России общества стали распространяться по инициативе Е. И. Ламанского. За основу был взят бельгийский вариант обществ взаимного кредита [7, с. 525]. В России они получили достаточно широкие распространение. Е. В. Васильева в своей работе, посвящённой истории данных кредитных учреждений, отмечает, что к 1914 г. в Российской империи существовало 1 108 таких обществ [1, с. 67]. Они располагались почти по всей территории Российской империи, в том числе были и в Тульской губернии.

Тульское русское общество взаимного кредита было учреждено 20 сентября 1911 г. в городе Туле. Согласно уставу, целью создания организации было обеспечение лиц «всякого звания и пола», преимущественно занимающимся торговлей, промышленностью и сельским хозяйством, оборотным капиталом [9, с. 2].

Организация общества ничем не отличалось от других подобных кредитных учреждений. Размер выдаваемого кредита зависел от суммы обеспечения, которую предоставляет сам член общества, и от степени благонадежности. При вступлении в общество каждый член обязывался внести 10 % от суммы допущенного ему кредита [9, с. 2]. Характерной чертой любого подобного общества было наличие системы кругового поручительства. Каждый член организации был ответственен за долг другого члена в количестве открытого ему кредита [1, с. 67]. Члены общества также отвечали за его убытки. Если в отчете оказывались расходы, которые не могли быть покрыты прибылью или запасным капиталом, то каждый член должен был внести сумму, причитающуюся на его долю,

по распределению убытков. Доля назначалась пропорционально принятому обязательству [9, с. 10].

Стать членом общества могли лица «всякого звания и пола» за исключением лиц, которые уже имели членство в подобных обществах. Вступать в общество не могли лица иудейского вероисповедания [9, с. 1]. Этот факт отличал Тульское русское общество взаимного кредита от других в Российской империи, так как в их уставах такого пункта не было.

Общество могло вести операции как со своими членами, так и со сторонними лицами. К операциям, которые были доступны только членам общества, относились: учет векселей и ссуды, сроком не более как на 6 месяцев под залог. Лицам, которые не являлись членами общества, разрешалось осуществлять следующие операции: исполнение поручений по получению платежей по векселю, перевод денег в другие места, прием вкладов, заклад собственности, перезалог в других кредитных учреждениях [9, с. 6–8]. Во многом такое разнообразие операций позволяет относить общества к разряду коммерческих банков [3, с. 49].

За период своей работы Тульское русское общество взаимного кредита осуществляло самую разнообразную деятельность. Учреждение взаимодействовало как с частными организациями, так и с органами местного самоуправления. Средства, полученные от общества, могли уходить на расходы по бытовым вопросам или на финансирование разных частных организаций. Обществом были выделены средства по счету земского склада. Также Организацией были выделены средства в размере 50 рублей на нужды типографии [5, л. 2]. Активно учреждение сотрудничало с Тульским купеческим собранием [5, л. 41] и с Тульской кустарной артелью [6, л. 8]. Они часто пользовались услугами учета векселей. Также были выделены деньги на расходы по гербовой марке и на сахар и чай [5, л. 5].

Услугами учреждения пользовались самые разные люди. Из журнала учета векселей можно узнать, что членство в обществе было у тульского промышленника Н. Боташёва [6, л. 8]. Услугами организации пользовался липецкий помешник В. Н. Философов [6, л. 8]. Членами общества были и представители рода Толстых – сыновья Л. Н. Толстого Михаил и Сергей [6, л. 8]. Они упоминаются в книге учета векселей.

Можно говорить о том, что Тульское русское общество взаимного кредита было ориентировано, в первую очередь, на финансирование торговцев и промышленников. Стать членом общества

могли люди любого пола и звания, исключение было только для лиц иудейского вероисповедания, что и отличало общество от других по стране. В своей деятельности общество сотрудничало как с органами местного самоуправления, так и выделяло финансирование для решения бытовых вопросов.

Научный руководитель Е. П. Мартынова

Литература

1. Васильева Е. В. Из истории обществ взаимного кредита // Финансы и кредит. 2005. № 7 (175). С. 65–75.
2. Васильев Я. А. Человеческий фактор в руководстве обществ взаимного кредита Новгородской губернии // Вестник Новгородского государственного университета. 2015. № 4–2 (87). С. 12–15.
3. Грузицкий Ю. Л. Минское общество взаимного кредита (1874–1913) // Банкаўскі веснік. 2004. № 7. С. 48–51.
4. Грузицкий Ю. Л. Общества взаимного кредита в Российской империи (история появления и этапы развития) // Финансы и кредит. 2002. № 13 (103). С. 66–72.
5. ГАТО. Тульское русское общество взаимного кредита (1911–1917) 1911–1918. Ф. 970. Оп. 1. Д. 1.
6. ГАТО. Ф. 970. Оп. 1. Д. 8.
7. Зотова А. В. Общества взаимного кредита в России в 1860–1918 гг.: историография проблемы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, № 3–2. С. 525–533.
8. Зотова А. В. Петербургские общества взаимного кредита в XIX веке // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 9. С. 88–100.
9. Устав Тульского русского общества взаимного кредита. Тула : Тип. Лит. Т/Д И. Н. Грызунов и Ко, 1912. 24 с.

Д. С. Ищенко

Иркутский государственный университет

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В СИБИРИ И НА УРАЛЕ XVII–XX вв.

Во второй половине XVII в. экономическая политика России начала существенным образом меняться. Политическая элита того времени не интересовалась материальными интересами своих подданных, руководствуясь лишь фискальными параметрами. Однако после Вестфальского мира (1648) и возникновения новой системы международных отношений появилась потребность в интеграции и утверждении России в качестве экономической державы. Прежде всего, данный аспект касался развития крупной промышленности [2, с. 15].

С наступлением Нового времени геополитические интересы России претерпевают значительные изменения. После получения в 1721 г. выхода к Балтийскому морю и утверждения на мировой арене в качестве империи, возникает потребность интенсивного развития дальних территорий страны – Уральских и Сибирских наделов. Причём, если территориальные владения на Урале представляли в основном экономический интерес, куда впоследствии направлялись специалисты горного дела, то территории Сибирского генерал-губернаторства нуждались в первую очередь в планомерном географическом освоении [1, с. 217].

После принятия манифеста о позволении иностранцам выходить и селиться в России от 22 июля 1763 г., трудовая миграция иностранцев переселенцев в Россию стала подразумевать под собой привлечение высококвалифицированных кадров. Императорский двор был заинтересован во внедрении новых подходов в промышленности и ведении сельского хозяйства. Обозревая Уральский макрорегион, мы затрагиваем в основном Оренбургский край, включающий территории современных Республики Башкортостан, Челябинской и Оренбургской областей, а также примыкающие северные территории современного Казахстана. Основными районами исходящей миграции становились территории Украины и Поволжья.

Первым шагом немецких поселенцев на Урале стало освоение ими Илецких соляных промыслов. Это поселение было местом ссылки каторжников, осуждённых за тяжкие преступления против государства. Около трёх десятков семей католиков получили разрешение на ведение хозяйственной деятельности в Соль-Илецке, однако тяжкие условия жизни, и постоянная угроза набегов со стороны кочевых племён, вынудили первых поселенцев покинуть степные районы губернии. Дальнейшие попытки к заселению среди немцев были предприняты в 1880-х гг. когда на территории страны шел процесс строительства железных дорог.

В дальнейшем, ближе к концу XIX в., немецкие переселенцы стали прибегать к практике создания колоний (хуторов), первое упоминание о которых датируется 1884 г., и которые располагались на территории Оренбургского уезда (ныне – Соль-Илецкий район). За период 1894–1901 гг. было основано 22 колонии. Хутора переселенцев занимались в основном сельскохозяйственной деятельностью, скотоводством и хлебопашеством, зачастую имея дело с неосвоенными степными территориями. Согласно указанию канцелярии губернатора, каждое поселение освобождалось от всех

податей и повинностей. К началу 1913 г. в Оренбуржье проживало свыше 8 тыс. человек. Было освоено 53,6 тыс. десятин, содерганием которых занималось 130 поселений. С точки зрения конфессиональной принадлежности это были католики, лютеране, а также меннониты. Коммуникация с иноземными и торговыми людьми со временем заставила руководство России к середине XIX в. выйти за рамки национальных экономических интересов, выражавшихся прежде лишь в бесконечном подъёме налоговых сборов в зависимости от расходов власти и социально-экономического положения государства [2, с. 18].

Обозревая экономическое развитие Сибири в XIX – начале XX в. и его влияние на социально-политические процессы, мы наблюдаем, что этнический аспект уже тогда не оставался «за кадром» в системе общественных отношений [5, с. 220]. В историографии немецкого предпринимательства авторы рассматривают этнические особенности промышленников в различных сферах занятости, отмечают национальные традиции среди членов немецкой общины, а также актуализируют само правовое положение этноса [3, с. 122]. Немецкое промышленное сословие сыграло свою роль в «экономическом пробуждении» Сибири. Причём, начало XX в. характеризуется очередным поворотом в миграции представителей немецкой национальности на восточные территории Сибири. Впоследствии этому способствовала проводимая царским правительством Столыпинская реформа [4, с. 48]. В 1906 г. был принят закон о передаче кабинетских земель Алтая в распоряжение департамента землеустройства, с целью координации переселенческих участков. Уже со следующего года эти земли стали активно заселяться переселенцами, в том числе и немцами. В эти же годы в Томской губернии водворилась значительная часть переселившихся в Сибирь немцев-колонистов, причем, основным районом немецкой колонизации стала Кулундинская степь в Барнаульском уезде на Алтае.

Решающую роль в становлении частновладельческих хозяйств в Западной Сибири сыграли немцы, которые наряду с водворением на переселенческих участках в конце XIX – начале XX в., основали в Западной Сибири достаточно большое количество поселений на купленных или арендованных ими государственных, казачьих и частных землях. Основатели этих поселений представляли собой наиболее зажиточную часть немецкой диаспоры в России. В отличие от немецких переселенческих поселков, эти селения возникали, как правило, в достаточно освоенных районах, по-

близости от коммуникаций и рынков сбыта. Большинство из них находились вокруг крупнейшего в Западной Сибири торгово-промышленного центра Омска и вдоль Транссибирской магистрали, т. е. в Омском и Петропавловском уездах Акмолинской области, Тюкалинском уезде Тобольской губернии и Каинском уезде Томской губернии.

К началу Первой мировой войны в Омском уезде немцам принадлежало 73 участка с общей площадью 63 995 десятин земли, что составляло 44 % всей частновладельческой земли в уезде. В Петропавловском уезде немцам принадлежало 17 участков общей площадью в 13 362 десятин земли что составляло 13 % от всей частновладельческой земли в Западной Сибири. Основная масса немецких частновладельческих хозяйств оказалась в пределах Сибирского казачьего войска, станицы которого распределились по десяти уездам Акмолинской и Семипалатинской областей и двум уездам Томской губернии. Первое появление немцев на землях Сибирского казачьего войска относится к концу XIX в. Если в 1895 г. на этих землях жили только 5 немцев, то в 1914 г. – 7821 человек.

Хорошая адаптация переселенцев (в том числе, аграриев), их желание изучать местный язык и культуру, установившиеся прочное немецкое культурное и экономическое присутствие, а также хорошие льготные условия, предоставляемые правительством П. А. Столыпина, обеспечивали высокие показатели в осуществлении предпринимательской деятельности. Занимаясь коммерцией, немцы ориентировались на новые формы и способы организации компаний, активно продвигали рекламу как социальный продукт, а также изучали потребности жителей региона в товарах. Положительную роль играло знание о европейских экономических особенностях, владение иностранными языками давало своего рода преимущество, а также возможность промышленникам оказывать влияние на обмен опытом в ведении торговых дел, способствовало интеграции России с европейскими странами.

Научный руководитель М. Л. Рыбалко

Литература

1. Немцы в Сибири: история, язык, культура : материалы Междунар. науч. конф., Красноярск, 13–16 окт. 2004 г. / отв. ред. В. А. Дятлова. Красноярск : КГПУ, 2005. 216 с.
2. Черникова Т. В. Процесс европеизации России во второй половине XV–XVII вв. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2014. 45 с. // Dissertcat : сайт. URL: <https://www.dissertcat.com/content/protsess-europeizatsii-v-rossii-vo-vtoroi-polovine-xv-xvii/read> (дата обращения: 07.02.2023).

3. Гончаров Ю. М., Климова О. Г. Историография немецкого предпринимательства в Сибири второй половины XIX – начала XX вв. // Журнал фронтирных исследований. 2021. № 4 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriografiya-nemetskogo-predprinimatelstva-v-sibiri-vtoroy-poloviny-xix-nachala-xx-vv> (дата обращения: 09.04.2023).

4. Охотников А. Ю. Сибирские немцы: опыт социальной адаптации в контексте миграционных процессов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 4 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sibirskie-nemtsy-optyt-sotsialnoy-adaptatsii-v-kontekste-migratsionnyh-protsessov> (дата обращения: 24.04.2023).

5. Шайдуров В. Н. Немецкое население Сибири в условиях общественных трансформаций 1900–1920-х гг. // Журнал фронтирных исследований. 2021. № 4 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nemetskoe-naselenie-sibiri-v-usloviyah-obschestvennyh-transformatsiy-1900-h-1920-h-gg> (дата обращения: 14.04.2023).

А. А. Кононов

Новосибирский государственный университет

**ПОСТАНОВЛЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ
ПО ЖАЛОБАМ КРЕСТЬЯН НА РЕШЕНИЯ ВОЛОСТНОГО
СУДА (БАРНАУЛЬСКИЙ УЕЗД ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ,
НАЧАЛО ХХ в.)**

Вышестоящей инстанцией по отношению к волостному суду в Сибири были крестьянские начальники [1]. Крестьяне обращались к крестьянским начальникам с апелляционными жалобами на решения судов для изменения наказания или отмены таковых решений вовсе.

О времени разбора жалобы крестьянам посыпались извещения, но личная явка сторон была не обязательна [3, л. 214]. Это могло быть связано не только с отдалённостью многих сёл от уездного центра, но и с тем, что крестьяне иначе воспринимали уездный съезд крестьянских начальников. Не исключено, что некоторые крестьяне могли и не иметь надежд на удовлетворение своих жалоб.

Разбор дел на уездном съезде отличался от крестьянского волостного суда. На разбирательство не вызывались свидетели, а чиновники работали только с документами. Апелляционные жалобы представляли из себя позицию только одной стороны, а прилагаемые копии протоколов решений волостного суда с показаниями свидетелей и другой стороны были краткими, отчего крестьянским начальникам было непросто разобраться в конфликтах и выстроить объективную картину происшедшего.

Поэтому крестьянские начальники часто не вникали в суть дела, предпочитали не перечить волостным судьям и просто отклоняли крестьянскую жалобу. В таких случаях оформлялся лист с постановлением о том, что решение волостного суда должно оставаться в силе.

Из журналов уездного съезда мы видим, что многие доводы из жалоб крестьян не срабатывали. Часто крестьянские начальники не обнаруживали ошибок в работе волостного суда. Так, по одному из распространённых аргументов крестьянских апелляций о неявке их на суд, крестьянские чиновники не находили в заочных судебных решениях процессуального нарушения [4, с. 157].

Съезд крестьянских начальников обычно не разъяснял свои постановления и в большинстве случаев отклонял жалобы.

Но иногда крестьянам получалось убедить чиновников. Если крестьянский начальник находил решение суда неправосудным, или взыскание было более десяти рублей, то жалоба перенаправлялась на рассмотрение уездного съезда крестьянских начальников. Обсудив жалобу, уездный съезд чиновников утверждал или отменял решение суда.

Общей причиной удовлетворения апелляций и отмены решений судов, несмотря на разные тематики конфликтов, являлась недостаточная доказанность иска. Обоснование этому было разным и не всегда отличалось многословностью, например: «съезд нашёл иск недоказанным и решение потому неправильным» [3, л. 106–106 об.] или «виновность ответчицы в краже денег у истицы не доказана» [3, л. 121–121 об.].

Уездный съезд придавал значение доказательствам, в том числе документальным источникам. Каждое дело было индивидуальным. В некоторых случаях причиной удовлетворения жалобы чиновники находили в том, что волостные судьи не обратили внимание, что истец не предоставил суду доказательств [3, л. 51 об.]. Некоторые свидетельские показания не всегда могли являться доказательствами по судебному делу. Или крестьянские начальники определяли, что между сторонами не было заключено письменного договора [3, л. 230–230 об.].

Другой распространённый вариант постановления уездного съезда крестьянских начальников – это удовлетворение одной части иска и отмена другой. Это могло быть в случаях с двойным наказанием, таким как взыскание денег и арест [3, с. 227].

Частичная отмена иска связана с недостаточными доказательствами. Например, в деле о взыскании денежного долга и

возмещения убытков чиновники посчитали доказанным к взысканию только признанную ответчиком сумму долга, поскольку на остальную часть денег, запрашиваемую на возмещение убытков, истница не предоставила никаких доказательств. [3, л. 51–51 об.]. В другом деле истец просил волостной суд взыскать 10 рублей за прокорм лошади, а судьи определили должным взыскать 14 рублей, но в итоге крестьянские начальники согласились с доводом жалобщика, что об этом истец не ходатайствовал и необходимо взыскать лишь запрошенную истцом сумму [3, л. 133–133 об.]. Однако комментарии чиновников не во всех постановлениях отличались подробностями.

Были и особые решения. Так, чиновники на уездном съезде определили, что приговор волостного суда ошибочен и необходимо изменить ответчика по делу. Это произошло в судебном конфликте о выплате денег по векселю, в этом деле истец выдвинул в качестве ответчика действующего представителя маслодельной артели, а не бывшего члена артели, ранее выдавшего вексель [2, л. 78–78 об.].

Крайне редко съезд мог возвратить дело на повторное рассмотрение в волостной суд для выяснения обстоятельств, изложенных в апелляционной жалобе [2, л. 93–93 об.].

Решения уездного съезда вносились в журнал, копия которого отправлялась волостному старшине. Исполнялись решения должностными лицами местного самоуправления. Если жалобщик оставался недоволен результатом обжалования, имелась возможность подать кассационную жалобу в губернскоеправление в 30-дневный срок со дня объявления решения. Если губернскоеправление определит, что съезд был проведён с нарушениями, то это служит поводом к постановлению на повторном съезде нового решения. Так определили в губернскомправлении по одной из кассационных жалоб, в которой крестьянин обратил внимание на то, что ему не было послано извещение с временем работы съезда по заинтересованному ему делу [2, л. 101–101 об.].

Таким образом, мы можем понять, что крестьянские начальники неактивно вмешивались в разбор жалоб и большинство оставляли без последствий и без комментариев по делу. Но иногда жалобщикам получалось убедить крестьянских начальников. Основная причина частичного или полного удовлетворения жалобы – недостаточная доказанность иска, но подробного обоснования этому чиновники не приводили. Для удовлетворения обжалова-

ния крестьянским начальникам было особо важно наличие доказательств по делу.

Научный руководитель А. К. Кириллов

Литература

1. Временное положение о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской от 2 июня 1898 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3. Т. 18. Отд. 1. 1898. СПб., 1901. № 15503.
2. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 62. Оп. 1. Д. 286.
3. ГАТО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1.
4. Почекевин Е. В. Низовая административно-судебная система в Алтайском округе (конец XIX – 1917 г.). Бийск, 2013. 285 с.

М. А. Кустова

Иркутский государственный университет

НА ПУТИ К «ЗАКОННОЙ МОНАРХИИ»: ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ М. М. СПЕРАНСКОГО

М. М. Сперанский оставил после себя значительное наследие. Наиболее ценная часть его творчества – это заметки и записки, посвященные социальным, политическим и административным вопросам. В историю Михаил Михайлович вошел благодаря разработанным им проектам реформ. Одним из них был план по модернизации политической системы Российской империи [5].

«Введение к уложению государственных законов» было написано М. М. Сперанским осенью 1809 г. Основой для него послужила действующая на территории Франции Конституция – «Кодекс Наполеона» [2]. Оба законодательных акта, действительно, схожи между собой. «Кодекс Наполеона», основанный на классическом римском праве, устанавливает равенство всех перед законом государства (ст. 7, ст. 8); устанавливает нормы приобретения и владения имуществом; гарантирует гражданские права и свободы. Критикуя государственный строй Российской империи, Сперанский в «Введении к уложению государственных законов» затронул не только политические преобразования, но и социальные. По мнению реформатора, крепостное право, по-прежнему действовавшее на территории России, существенно затормаживало развитие страны.

В своем проекте Сперанский давал классификацию государственных законов, выделяя законы государственные и законы гражданские: «Законы государственные определяют отношения

частных лиц к государству. Законы гражданские учреждают отношения лиц между ими» [4]. Законы государственные, в свою очередь, делились на коренные и преходящие. Под преходящими государственный деятель подразумевал законы, которые, по своему существу, изменяются от определенных обстоятельств. Преходящие законы не рассматриваются в «Введении к уложению государственных законов», в отличие от коренных. В отделении первом главы II «О свойстве государственных коренных законов» Сперанский пишет, что управление государством осуществляется за счёт нескольких сил: законодательной, исполнительной и судебной. Если три ветви власти действуют по-отдельности друг от друга, их мощь бессмысленна.

Сперанский считал, что систему управления надлежало организовать по принципу английского механизма. Однако здесь Михаил Михайлович не предусмотрел одного момента: никакой законный монарх не станет ограничивать свою власть по собственному желанию. В отделении втором главы I «Об общем разуме преобразований» он затрагивает два варианта преобразований. Первое устройство характеризуется зависимостью судебной власти от императора и созданием свободного сословия, несущего законодательную власть и зависящего от императора. Второе устройство, наоборот, имеет следующие черты: судебная власть независима от императора, а сословие, обладающее законодательной властью, имеет право на выражение своего и народного мнения. Таким образом, первую установку Сперанский считает недолговечной, потому как она может существовать лишь на определенных этапах развития и иметь лишь вид закона, а не представлять его [3]. Следовательно, автор придерживается второго варианта государственного преобразования, потому как, по его мнению, он раскрывает понятие «гражданского общества».

Для законодательной власти Сперанский выделил многоуровневую систему, которая заключалась в том, что представителей законодательной власти избирают по системе многоступенчатых выборов. Таким образом, предполагаось создание Государственной думы, которая должна была находиться между императором и Государственным советом [1]. По замыслу Сперанского, Дума должна была представлять народ и осуществлять взаимодействие между обществом и государством, а Государственный совет, который осуществлял совещательные функции, – дворянское сословие.

По мнению Сперанского, предложение закона нужно представить державной власти, потому как правительство должно иметь возможность действовать во благо обществу. Однако власть монарха должна быть ограничена Государственным советом – совещательном органом при императоре, где должны обсуждаться крупные государственные мероприятия. Законодательное сословие, по мнению Сперанского, вправе действовать без одобрения правительства и менять законодательство в случаях, если: державная власть нарушает коренной закон; правительство вовремя не предоставляет узаконенных отчетов [4].

Исполнительная власть, по мысли М. М. Сперанского, должна быть едина и осуществляться державной властью. Исполнительная власть, составленная отдельно от законодательства, может привести к произволу. Предполагалось, что в случае нарушения закона Государственным советом или державной властью, ответственность несут их подчиненные – исполнители или министры. Таким образом, деятельность исполнительной власти, в случае нарушения закона, будет контролироваться народом. Кроме того, Сперанский делает акцент на том, что исполнительная власть может создавать подзаконные акты для того, чтобы исполнять законы [1].

Сперанский стремился к упорядочению российской правовой системы. Государственный деятель считал, что осуществление судебной власти должно принадлежать только самодержцу. Таким образом, Михаил Михайлович, по аналогии с российскими арбитражными судами, предлагает ввести практику выбора спорящими судьи. Однако контроль за судами должен осуществлять Сенат, члены которого избираются императором пожизненно. Из этого следует, что осуществление судебной власти косвенно принадлежит самодержцу.

Сперанский делил права на гражданские и политические. По мнению Михаила Михайловича, гражданские права должны быть у всех сословий, потому как во всех передовых государствах уничтожилось «рабство». Государственный деятель был сторонником постепенной отмены крепостного права, разделяя гражданские права на общие и особенные. Под общими подразумевалась, к примеру, покупка движимого и недвижимого имущества всеми сословиями, а под особенными – иметь право приобретать «недвижимую собственность населенную, но управлять ею не иначе, как по закону» [4].

В результате происходит разделение прав на гражданские (всем подданным), политические (принадлежат только тем, у кого имеется собственность) и частные гражданские права (выборочно для тех, у кого имеются дополнительные знания). Сперанский делит общество Российской империи на три сословия: дворянство, купечество (т. е. средний класс) и рабочий народ. Дворянское сословие должно было иметь все права, однако это должно было зависеть от наличия собственности, купечество – все права, за исключением частных гражданских, а рабочий народ – только права гражданские.

Научный руководитель И. Л. Дамешек

Литература

1. Артамонов Р. Д., Дащекевич Н. Г., Охотникова М. А. «Введение к уложению государственных законов» М. М. Сперанского – попытка внедрения октroiированного конституционализма в Российской империи // Ленинградский юридический журнал. 2022. № 4 (70). С. 35–46.
2. Гражданский кодекс Наполеона 1804 года // Сайт профессора Михаила Михайловича Казакова. URL: <http://mmkaz.narod.ru/igpzs/sources/civil.htm> (дата обращения: 14.03.2023).
3. Иванов В. С. Проект конституционного преобразования М. М. Сперанского // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания : сб. материалов Регион. студ. науч.-практ. конф. Новосибирск : Центр развития науч. сотрудничества, 2010. С. 288–291.
4. Сперанский М. М. Введение к уложению государственных законов // Исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова : офиц. сайт. URL : <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/speran.htm> (дата обращения: 12.10.2022).
5. Томсинов В. А. М. М. Сперанский о технологии проведения государственных преобразований // Сайт доктора юридических наук, профессора МГУ В. А. Томсинова. URL: http://tomsinov.com/Great_Reforms/tomsinov_v.a.m.m-speranskij_o_tekhnologii_proveden.pdf?ysclid=l1rjft7sp690841929 (дата обращения: 17.02.2023).

Л. Б. Михайлова

Байкальский государственный университет

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИРКУТСКОГО КУПЕЧЕСТВА В 1870-е гг.

С самого своего основания Иркутск был городом, имевшим, в первую очередь, торговое назначение. Находящийся на путях между Востоком и Западом город был также важным административным центром, столицей обширного Сибирского края. Подобная функция и предназначение долгое время диктовали сообразный социальный состав города: купеческая прослойка сама по себе была относительно невеликой (около 3 % на момент начала XIX в.), однако чрезвычайным образом влияла на развитие региона и постепенно осваивала не только нишевую торговлю, но и старалась объединять под одним началом сразу несколько отраслей производства [5, с. 108].

Несмотря на большое количество существовавших в 60–70-х гг. XIX в. заводов (около 80), фактически, по числу занятых, это были большие ремесленные мастерские. Заняты были они в основном производством кожи, кирпичей, мыла, папирос и т. д. На их фоне существенно выделялись, как по выручке, так и по количеству занятых на производстве рабочих, винокуренный, железноделательный и хлебопекарные заводы [4, с. 67–68]. Тем не менее, за счет подвоза сырья в городе существовала достаточно разветвленная сеть разнообразных производств.

Ведение иркутскими купцами деятельности одновременно практически во всех отраслях экономических отношений объяснялось желанием купцов «подстраховать» себя в случае отсутствия прибыли в какой-либо из отраслей. Именно купцы являлись тем сословием, которое играло огромную роль в развитии экономических отношений в Восточной Сибири. Во второй половине XIX в. в Иркутской губернии, которая вносила весомый экономический вклад в развитие империи, проживали достаточно обеспеченные купеческие семьи. Иркутск по праву можно назвать «городом купеческим». Город населяли в основном купцы и правили им, как правило, представители этого сословия.

«Городовое положение 1870 года» было введено в Иркутске в ноябре 1872 г. В соответствии с этим положением преимущественно именно купеческое сословие получило избирательное право на выборах городской Думы. Мещане и разночинцы не сумели офор-

миться в единый и активный избирательный блок, а потому купечество и их кандидаты фактически монополизировали региональную политику на данном этапе. Ситуация оставалась фактически неизменной до введения нового городового положения в 1894 г. [2, с. 40–43].

Этот период (1872–1894 гг.) характеризуется долгими правлениями двух городских глав Иркутска: Д. Д. Демидова (1877–1886) и В. П. Сукачева (1886–1898). Первый имел под своим контролем золотые прииски и торговал алкогольной продукцией, второй – был, по матери, потомком купеческого рода Трапезниковых. Наиболее именитый представитель этого рода, Константин Петрович Трапезников – стоял у истоков золотодобычи в Олекминском округе [1, с. 17], а с 1860-х гг. развивал в Иркутске железное производство.

В 1860–70-е гг. регион испытывал эффект т. н. «золотой лихорадки». Купцы, принявшие участие в спонсировании локальных экспедиций, такие как М. А. Сибиряков, И. Н. Трапезников, Я. А. Немчинов, И. И. Базанов и их семьи, получали за счет долевого участия в золотодобыче весомые дивиденды, которые вкладывали в развитие местных производств и создание социальной инфраструктуры [1]. По сути, к концу 1870-х – началу 1880-х гг. местные купеческие фамилии за счет сочетания сверхдоходов от золотых приисков выстроили полноценные циклы производства, призванного обеспечить внутреннюю автономность. Свою роль сыграла и удаленность от крупных промышленных центров: масштабирование крупных производств было бы неокупаемым в условиях низкой заселенности, поэтому по своему обороту и количеству задействованных рабочих местные производства сильно уступали столичным.

С административной точки зрения, на протяжении всего XIX в. купечество имело практически полную монополию в процессе принятия решений в муниципальной сфере. Такой статус и влияние они получают за счет своего экономического влияния на регион. Единственной группой, стоявшей в позиции паритета купечеству с точки зрения собственной политической воли, было дворянское служивое сословие, сохранившее за собой монополию на исполнительную власть. Получение статуса административного центра губернии или области в обязательном порядке сопровождалось наплывом большого числа чиновников различных рангов. К 60-м гг. XIX в. в Иркутске действовало 33 учреждения различных ведомств и министерств: внутренних дел, юстиции, фи-

нансов, народного просвещения, почт и телеграфа [3, с. 26–27]. Все эти учреждения и статус требовали большой прослойки управленцев, прибывавших в Сибирь из далёких столиц. Здесь они вливались в местную политическую жизнь. Можно сказать, что биография В. П. Сукачева, фактически олицетворявшего собой слияние местного купечества и столичных управленцев, наиболее красноречиво символизирует сложившуюся в 1870-х гг. XIX в. в Иркутске культуру губернского управления.

Если рассматривать экономическую деятельность Иркутских купцов во второй половине XIX в., то главным толчком развития можно смело назвать открывшиеся золотопромышенные перспективы. Эту отрасль можно назвать основным источником капитала большинства купцов, так как Сибирь в целом была малозаселенной, что сказывалось в нехватке рабочих рук, и неосвоенной, т. е. инфраструктура в регионе была на низком уровне по сравнению с Центральным или Южным регионом Российской империи. Не в последнюю очередь поэтому, многие купцы Иркутска принимали участие в благотворительной деятельности: строили приюты, жертвовали денежные суммы нуждающимся, создавали духовные и культурные центры. Купцы инвестировали в строительство школ, училищ. Не стоит забывать, что кроме оказания влияния на экономическую сферу, представители купечества занимали видные должности в органах государственной власти, тем самым они могли участвовать в жизни региона уже не как представители предпринимательского сословия, а как представители государственного аппарата.

Научный руководитель А. Б. Ринчинов

Литература

1. Владимирский И., Кротова М. В. Золотые прииски сибирской тайги в конце XIX – начале XX в.: Взгляд изнутри // История повседневности. 2021. № 1 (17). С. 6–33.
2. Гаврилова Н. И. Реализация реформ городского самоуправления последней трети XIX в. в малых городах Иркутской губернии: интерпретация законодательных инициатив в повседневных практиках горожан // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2013. № 2. С. 39–46.
3. Гимельштейн А. В. Административный фактор и его влияние на развитие губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник БГУ. 2011. № 7. С. 24–27.
4. Иркутские повествования. 1661–1917 годы. В 2 т. Т. 2 / авт.-сост. А.К. Чернигов. Иркутск : Отгиск, 2003. 431 с.
5. Праторщикова В. Л. Иркутское купечество XVIII в. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 7–2. С. 108–110.

Э. Х. Назаретян

Байкальский государственный университет

ВЕХИ РАЗВИТИЯ ИРКУТСКОЙ ТАМОЖНИ (XVII – НАЧАЛО XX в.)

Иркутск – исторически важный город России, расположенный на берегу реки Ангары. В связи с его стратегическим положением на торговых путях, в том числе по Сибири, Иркутская таможня играла существенную роль в экономическом развитии региона. Именно поэтому представляется важным рассмотреть историю формирования и развития Иркутской таможни, особенности ее работы и влияние на развитие региона.

Точная дата образования Иркутской таможни была выявлена только в 2014 г. Ранее такой датой считали 1682 г., но по запросу Иркутской таможни в Российский государственный архив был найден документ, который являлся оригиналом Указа Федора Алексеевича от 1681 г. об учреждении таможни в Иркутске. Стоит отметить, что Указ был написан на старославянском языке, но архиваторы его перевели и передали Федеральной таможенной службе. С этого момента Иркутская таможня стала «на год старше» [2].

Причиной создания таможни в Иркутском остроге являлось его географическое положение, потому что он находился на пересечении нескольких торговых путей: из Китая, Монголии и Забайкалья. С первых дней своего существования таможня занималась сбором пошлин, проверкой документации и контролем за перемещением товаров через таможенную границу. Безусловно, Иркутская таможня являлась одним из значительных сборщиков платежей, поскольку товаропотоки шли большими объемами, благодаря ее выгодному положению [2].

«Расцвет первой Иркутской таможни пришелся на конец XVII и первые десятилетия XVIII вв., когда сложились условия для караванной торговли с Китаем. Именно из Иркутска в Москву на Большую Московскую таможню в начале XVIII в. поступало большинство китайских товаров. Важную роль Иркутская таможня играла и в торговых отношениях с Северной Монголией и даже с Бухарой» [2].

С образованием Кяхты в 1792 г. роль Иркутской таможни угасла почти на 70 лет, потому что Иркутск не являлся пограничным городом, соответственно акцент грузо- и товаропотоков переместился на пограничный участок, но продолжалось это недолго,

и даже во время Кяхтинского расцвета Иркутская таможня частично возобновляла свою деятельность [5, с. 92–96].

После того как Кяхта «пала» из-за убыточной торговли, а именно, из-за нецелесообразных мер правительства, направленных на сокращение присутствия Кяхты в таможенных делах и снижения пошлины на российские товары, было решено перенести таможню в Иркутск, что в итоге вернуло Иркутской таможне ее статус, роль и значение. Обусловлено это было тем, что положение Иркутска являлось стратегическим, т. е. главным достоинством было соединение двух дорог с Московским трактом. Первая дорога – с востока до Байкала, вторая же, «кругоморская», – к югу от него. Для эффективной борьбы с контрабандистами директор таможни предусмотрел устроить на Байкале и подступах к Иркутску таможенную линию, а именно в селах Лиственичном, Голустном, в Култуке и Тунке, а также на острове Ольхон. И уже с 1861 г. Иркутская таможня возобновила работу. Поскольку штат составлял на тот момент 29 чиновников и 24 вольнонаемных досмотрщиков, выбор мест пал на квартал, находящийся на углу улицы Луговой и Набережной Ангары [3, с. 183–185].

Переломным моментом для Иркутской таможни стал 1879 г., поскольку из-за большого иркутского пожара сгорел весь архив. Большинство материалов спасти не удалось, поэтому до нашего времени сохранилась лишь отрывочная информация об этом периоде [4, с. 329].

После создания беспошлинной таможенной зоны, которая находилась на Амуре и Дальнем Востоке, можно было увидеть, насколько эффективно было такое решение. Прежде всего, оно способствовало развитию товарооборота с такими странами как Монголия, Китай, Корея, что привело к неуклонному росту доходов Иркутской таможни. Так, в 1890-х гг. их сумма составляла ~ 9 млн руб., а в 1900 г. уже 13 млн руб. Помимо этого, немаловажным достижением было и развитие вышеуказанных регионов в экономической сфере [3, с. 183–185].

Значительным нововведением для Иркутска стала и постройка Транссибирской железной магистрали, поскольку железнодорожные пути приводят к увеличению объемов товаро- и грузопотоков. Соответственно, возросло количество задач, стоящих перед таможенной службой, изменился и сам план работы таможенников. Впервые в своей истории таможенная деятельность перешла на новый уровень – так, иркутские таможенники стали участвовать в досмотре грузов и багажа пассажиров, а также в оформле-

нии товаров, которые поступали по Северному морскому пути. Зачастую таможенники даже направлялись в другие города для досмотра уже иностранных судов. Например, в Красноярск или Енисейск. Таможенная деятельность стала одной из самых востребованных в городе, поскольку даже досмотр почтовых отправлений из Забайкалья, Якутска и Маньчжурии осуществлялась именно таможенниками. Благодаря их колоссальному труду в 1914 г. из западных регионов страны было оформлено около 79 тыс. почтовых отправлений [3, с. 183–185].

Важным фактором, который повлиял на деятельность как таможни, так и страны в целом, стала Первая мировая война. Но новым явлением, фиксирующимся с 1915 г., стало резкое повышение цен на товары первой необходимости. Это способствовало тому, что торговцы и те, кто ранее не занимались торговлей, массово начали выезжать за товаром в Маньчжурию. Иркутские таможенники ежедневно проверяли огромное количество грузов, ассортимент которых очень быстро сменился. Люди привозили, все, что им попадалось: пуговицы, обувь, вязаные изделия, гребенки и т. д. Двумя годами позже в этот список вошли даже продукты питания. Последствием столь тревожного и тяжелого времени стало интенсивное развитие отношений между Китаем и Россией. Китайская диаспора стала частью торговли в Иркутске, благодаря беспошлиной торговле. В основном китайцы были мелкими торговцами или же ремесленниками. С начала XX в. их насчитывалось около 200 человек [5, с. 99–100].

Сегодня можно с уверенностью сказать, что современная Иркутская таможня не уступает по показателям другим таможням и продолжает выполнять поставленные задачи, развиваться и внедрять новые технологии. Безусловно, ее деятельность зависит от политической и экономической обстановки в стране, но несмотря на такую разноликую и скачкообразную историю, остается очевидным, что деятельность таможни в регионе является необходимой и стратегически важной для страны. Периодизацию деятельности Иркутской таможни наглядно можно увидеть на рисунке.

Подводя итоги, можно сказать, что Иркутская таможня как в исторические периоды, так и в современности важна для России. Внедрение новых таможенных технологий, противодействие коррупционной деятельности, борьба с преступлениями в сфере таможенного законодательства и многое другое, характеризует Иркутскую таможню как одну из самых эффективных в нашей стране.

Рис. Основные этапы деятельности Иркутской таможни

Научный руководитель Е. О. Завьялова

Литература

1. Статистическая информация об итогах внешней торговли Иркутской области за 2021 год // Сибирское таможенное управление : офиц. сайт. URL: <https://stu.customs.gov.ru/document/text/330162> (дата обращения: 26.10.2023)
2. История // Сибирское таможенное управление : офиц. сайт. URL: <https://stu.customs.gov.ru/folder/128650> (дата обращения: 26.10.2023)
3. Иркутск в панораме веков: очерки истории города / С. М. Алексеев, В. В. Барышников, П. П. Баханов [и др.] ; отв. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск : Вост.-Сиб. издат. компания, 2002. 512 с.
4. Чернигов А. К. Иркутские повествования. 1661–1917 годы. В 2 т. Т. 1. Иркутск : Оттиск, 2003. 464 с.
5. Шахеров В. П. Иркутск купеческий: История города в лицах и судьбах. Хабаровск : Приаргун. ведомости, 2006. 176 с.

Е. С. Стрельцова

Иркутский государственный университет

СФЕРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ И КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В XIX в.

В работе рассматриваются вопросы взаимодействия старообрядцев (семейских) с местным населением Восточной Сибири, преимущественно на территории Забайкалья, в различных сферах жизни.

Старообрядцы-семейские прибыли в Забайкалье в середине XVIII в. Карта расселения старообрядческого населения наглядно показывает, что семейские селились чаще всего на территориях современного Забайкальского края и Бурятии: в Западном Забайкалье – в Петровск-Забайкальском, Красночикойском, Хилокском районах, а в Бурятии – в Мухоршибирском, Бичурском, Заиграевском, Тарбагатайском районах. Селились на свободных землях или уже занятых старожильческим населением деревнях по р. Чикою и Хилку, а образованные ими на территории современной Бурятии населенные пункты, такие как Бичура (которая и сегодня остается самым крупным старообрядческим селом), Никольское, Тарбагатай, Десятниково, Шаралдай, Новая Брянь, Куйтун, Большой Куналей и др., в начале XX в. продолжали оставаться основными местами их проживания.

При существующем обосблении, связанном с их верой, старообрядцев все же нельзя считать замкнутой группой, поскольку они находились в тесном контакте с коренным населением, к которому можно отнести как инородческое население, так и русских сибиряков, уроженцев Сибири.

Семейские отличались от сибиряков и своим видом, и говором, и хозяйством, и ревностным отношением к своей вере. Вели более закрытую и праведную жизнь, не злоупотребляли курением и распитием спиртного, не бралились и не «блудили», благодаря чему подарили региону здоровый, сильный и красивый тип населения. Именно трудолюбие старообрядцев послужило причиной того, что в их общинах больше зажиточных хозяйств, чем в других: «Сибиряк еще спит, а семейский уже работает». Сибиряки нестро-го соблюдали распорядок дня, дому и домашнему хозяйству, одежде и пище уделялось меньше внимания» [3, с. 60]. Несмотря на всё это, их материальная и духовная культуры находились в постоянном взаимодействии.

Так, из отчетов о миссионерской деятельности, напечатанных в газете «Иркутские епархиальные ведомости», узнаем о переходе бурят в старообрядчество, о смешанных браках русских старообрядцев с бурятами и ясачными. Одной из причин смешанных браков старообрядцев была их малочисленность в первые 50 лет после переселения их за Байкал. Бытуют воспоминания о том, что когда кто-то из представителей одного рода вступал в родство с другими народами, их предварительно принимали в старообрядчество [1, с. 310–312].

Браки семейских с православными были осложнены, так как официальная церковь их часто не признавала, считала «ничтожными» и расторгала. Известен случай женитьбы семейского мужчины на сибирячке, за что его предали анафеме, и он перешел в новоправославие (случай в с. Верхний Жирим, вторая половина XIX в.) [2, с. 135]. Нередки были случаи браков семейских с представителями другой народности и вероисповедания (буряты, эвенки). Следует обратить внимание, что чаще женились мужчины на бурятских женщинах, и почти всегда в браке женщины и мужчины переходили в старообрядческую веру.

Можно предположить, что, помимо сердечной симпатии, важную роль в браке с бурятами играли экономические причины. Семейские арендовали землю у бурят, буряты в свою очередь пасли скот семейских, семейские рассчитывались с бурятами хлебом. Таким образом, создавались тесные экономические связи. М. Геденштром, С. Максимов и др. отмечают существование «капиталистов» среди старообрядцев, которые держали бурят и сибиряков у себя в работниках. Они указывают, что те обрабатывали землю и держали много скота [2, с. 129].

Различные жизненные явления вторгались в жизнь староверов со всех сторон, внося новые веяния в их быт и культуру, втягивая их в новые экономические и социальные отношения с окружающим населением. В частности, старообрядцы стали уделять больше внимания разведению скота, чем раньше, и в новых условиях, несомненно, многое переняли из бурятского опыта: уже во второй половине XIX века в таких городах, как Верхнеудинск и Кяхта, процветала торговля мясом, шкурами и салом. «Неслучайно многие названия домашнего скота имеют бурятское происхождение: двухлетний бык – бурун, маленький ягненок – кургашек. Многие предметы быта получали бурятские названия: кусок бревна – сутунок, кожаный мешок – турун, чересседельник – чумбур, ватрушка – тарка, костный мозг – мыцыгун и т. д. Семейские

также заимствовали у бурят некоторые предметы одежды и обуви (зимние шапки, унты), бурятский язык прочно унаследовал названия злаков и овощей, архитектурные термины и обозначения частей дома и хозяйственных построек (шпеница, картофель, карнизы и т. д.)» [1, с. 312]. Хозяйственно-бытовые контакты и межэтнические браки способствовали тому, что большинство семейских хорошо знали бурятский язык.

Сильная жизненная инфраструктура и материальное благополучие старообрядцев были привлекательны для многих ссыльных, и многие из тех, кто прибывал в старообрядческие села и знакомился с жизнью старообрядцев, перенимали их верования и обычай и переходили в старообрядчество. Ф. Ф. Болонев отмечает их «благодетельное влияние на остальное население, на бурят и сибиряков. Прискорбно только встречать в них отпор просвещению» [2, с. 101]. Коренные жители Сибири и старообрядцы довольно быстро нашли общий язык, живя по соседству, обмениваясь опытом, продуктами хозяйственной деятельности, устанавливали родственные отношения. Так, семейские сыграли и роль в появлении нового народа – карымов, появившихся от смешанных браков старообрядцев с бурятами.

Стоит отметить, что старообрядцы качественно повлияли на разнообразие этнических культур в регионе. Появились новые селения и деревни, начали жить бок о бок две цивилизации – скотоводческая и земледельческая. Складывалось их взаимное влияние, расширялся культурный обмен и происходил рост торговли. Все эти факторы положительно сказались на развитии Восточной Сибири.

Научный руководитель Г. В. Оглезнева

Литература

1. Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 340 с.
2. Болонев Ф. Ф. Семейская живая старина за Байкалом. Очерки истории, культуры, быта и межэтническое взаимодействие. Улан-Удэ, 2015. 424 с.
3. Болонев Ф. Ф. Хозяйственные и бытовые связи семейских с местным и пришлым населением Бурятии в XIX и начале XX вв. // Этнограф. сб. БИОН. 1974. Вып. 6. С. 56–66.
4. Осокин Г. М. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья // История и культура семейских Забайкалья : хрестоматия. Улан-Удэ, 2005. Ч. 1. С. 197.
5. Ровинский П. А. Этнографические исследования в Забайкальской области // Изв. СО ИРГО. 1872. Т. 3, № 3. С. 128–127.
6. Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. 480 с.

СЕКЦИЯ

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Е. С. Александрова

Иркутский государственный университет

ВЛАСТЬ И ЗЕМСТВА: О ПРОБЛЕМАХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

1 января 1864 г. Александр II официально утвердил документ под названием «Положение о губернских и уездных земских учреждениях». Документ утверждал создание местных органов самоуправления – губернских и уездных земских собраний. Земства были составной частью «великих реформ» Александра II, которые существенно изменили жизнь в Российской империи. Введение земства создало условия для последовательного развития в империи системы местного самоуправления, однако реформа создавала серьезные противоречия и недомолвки в обществе по отношению к властям. Земства начали вести деятельность по формированию в людях чувства гражданского общества. Между государством и обществом постепенно накапливались противоречия. Например, министр внутренних дел П. А. Валуев в своей записке «О внутреннем состоянии России» от 1862 г. отмечал, что «правительство находится в состоянии изоляции, внушающей серьезную тревогу всем, кто искренне предан императору и отечеству» [3]. Данное замечание является частным случаем, но оно в полной мере отражает настроения и опасения российского общества, особенно проявившиеся в среде либералов, и, тем самым, определяет основ-

ную цель либералов в земских учреждениях – достижение свободы, гласности, ослабления цензуры и децентрализации власти.

Важно отметить, что государство шло на некоторые уступки и частично содействовало автономизации земств, но все равно существенно ограничивало их самостоятельность в политических действиях. Наиболее ярко автономия проявлялась в экономических вопросах. Так, земские деятели были ответственны за определение предстоящих доходов и расходов на осуществление земской деятельности, займы, систему транспортной доставки и транспортные пути, а также за организацию местных выставок и ярмарок. Государство не сковывало работу земских либералов во вверенной им деятельности, но осуществляло чёткий надзор за их действиями. Постепенно земские деятели все чаще начали противопоставлять себя самодержавной власти, последняя же все больше опасалась их деятельности как угрожающей самодержавию.

На уровне губернатора или министра внутренних дел утверждались постановления для земств [1, с. 1]. Государство оставило за собой управление двумя ветвями власти: судебной и исполнительной, а это противоречило идеям либералов о разделении властей и полноценном независимом органе сословно-представительного управления. Например, Б. Н. Чичерин обозначил необходимость более широких автономных прав таким образом: «В самодержавных государствах выбранные местные учреждения, облеченные обширными правами, вдвойне необходимы» [2, с. 22]. А К. Д. Кавелин в «Петербургских ведомостях», говорил о том, что земства – это необходимая и превосходная школа будущего парламентаризма, поэтому он призывал всех образованных людей принять участие в их работе.

Между государством и земскими либералами возникали разногласия и на уровне коммуникации между представительными органами. В 1867 г. последовал запрет губернским земствам поддерживать контакты между собой, также вводилась цензура земских отчетов, журналов и заседаний. С точки зрения государства, это были необходимые меры для большего государственного контроля над земствами. Либералы же наряду с экономическими требованиями, такими как: отмена подушной подати, снижение выкупных платежей, введение прогрессивного подоходного налога, организация переселений и мелкого поземельного кредита для крестьян и пореформенного окончательного раскрепощения крестьянства, стремились к более тесной коммуникации между земствами и в итоге к созданию общероссийского центрального орга-

на, объединяющего и координирующего их деятельность [2, с. 21]. Либералы, руководствуясь принципом «свободы» и видевшие в парламентаризме необходимый шаг для развития Российской империи, начали выражать протестные настроения, однако, не переходившие в открытое столкновение с государственной властью.

Земская деятельность либералов во многом зиждалась на идее развития гражданского общества, которое впоследствии будет включено в политическую жизнь страны и будет занимать осознанную (активную) политическую позицию. Именно земские собрания и первостепенное участие в них либеральных гласных, запустили процесс культивации идей конституционализма и парламентаризма, как необходимых элементов для формирования и развития гражданского общества. Идея более интенсивного институционального развития представительных органов власти и административных единиц всё активнее входила в обсуждение в интеллектуальной среде.

Именно поэтому в 1870-х гг. начался диалог либеральной интеллигенции и государства. Ярким примером такого «диалога с властью» (дискуссии) является адресная кампания И. И. Петрункевича. Суть её заключалась в письменном обращении земских органов власти к государственным органам с изложением наиболее общих проблем и политических требований [2, с. 22]. И. И. Петрункевич сформулировал основные идеи в краткой форме в виде брошюры «Ближайшие задачи земства». Программа содержала следующие положения: требование созыва Учредительного собрания; ликвидация административного произвола и административной ссылки; соблюдение гарантий свободы слова и личности; расширение льгот для населения и уменьшение налогообложения; соблюдение законности и правовых норм (данный пункт был обращен в сторону государства).

Несмотря на то что бюллетень был написан в протестной манере, важно отметить, что И. И. Петрункевич подчеркивал важность реформы 1864 г. и «великих реформ» Александра II в целом. Эта реформа «разожгла» идеи парламентаризма в среде либералов второй половины XIX в. и в целом открыла возможность подготовить страну к самому широкому самоуправлению. «Роль местного самоуправления никогда не может закончиться, так как местное самоуправление всегда будет основой государства. Оно может изменить свои формы, но всегда эти формы будут выражением общественности, т. е. отражением общественной жизни страны», – писал И. И. Петрункевич [2, с. 21].

Таким образом, в период 1870–1880 гг. земским деятелям удалось выработать стройную концепцию своих политических требований. В связи с этим стало возможным начать организационное оформление земского либерализма. Однако не стоит забывать, что государство существенно ограничивало коммуникацию между земскими учреждениями, тем самым ограничив консолидацию самих либералов. Именно в такой внутриполитической обстановке либеральные деятели начали обсуждение созыва Общероссийского земского съезда. Так, в 1879 г. на заседаниях Московского, Тверского, Черниговского, Ярославского, Рязанского и Нижегородского губернских земских собраний этот вопрос был наиболее насущным. Правительство отрицательно отнеслось к идее созыва представителей земских учреждений для обсуждения вопросов и старалось сохранить это обсуждение на земских заседаниях в строгой специализации, а именно: в области экономики, медицины, транспорта и т. п. [2, с. 22].

Несмотря на запреты власти, 1 апреля 1879 г., в Москве на квартире судебного деятеля С. М. Кропоткина на Новинском бульваре нелегально был создан первый общеземский съезд. На съезде либералами вновь был поднят вопрос об Учредительном собрании. Съезд не внес каких-либо существенных подвижек в конституционный и парламентский вопрос, однако был очень важен и показателен для власти как выражение политически консолидированного либерального земского движения. Тем самым, своим стремлением к созданию парламентской структуры и сопротивлением ко всякого рода ограничениям со стороны государства либералы выразили свою политическую позицию.

Научный руководитель И. Л. Дамешек

Литература

1. Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 39. Отд-ние 1. СПб. : [б. и.], 1867. С. 1–21.
2. Панов В. Н. Земский конституционализм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Интерактивная наука. 2018. № 4. С. 20–25.
3. Полунов А. Ю. Валуев П. А. // Большая российская энциклопедия : офиц. сайт. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/1897382?ysclid=lil37mv3ns595243414 (дата обращения: 12.10.2023).

Л. Х. Алиева, К. О. Маркова

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

ВЛИЯНИЕ КОНСЕРВАТИВНЫХ ИДЕЙ НА РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В КОНЕЦ XIX в.

В Российской империи конца XIX в. происходили изменения в состоянии общественного мнения: отношение к российским императорам и мнение о самом институте монархии претерпевали значительную трансформацию. От безоговорочного почитания императора постепенно наблюдался переход к критическому отношению. Влияние революционных идей и настроений на состояние общественного мнения возрастало. В государстве назревал кризис монархии.

На становление и особенности общественного мнения в Российской империи влияло несколько факторов. Во-первых, это доля свободы в стране, в первую очередь, свободы слова и выражения мнений. Во-вторых, это степень информированности в обществе – не только знания о каких-то конкретных событиях, происходивших в государстве, но и умение использовать имеющуюся информацию для оценки ситуации. В-третьих, это форма правления и политический режим в государстве.

1 марта 1881 г. произошло убийство императора Александра II. Великий князь Александр Михайлович Романов в своих мемуарах показывал трагедию этого события не только для династии Романовых, но и для всей России: «Идиллическая Россия с Царем Батюшкой и его верноподданным народом перестала существовать 1 марта 1881 г. Мы понимали, что Русский Царь никогда более не сможет относиться к своим подданным с безграничным доверием... Взрывом был нанесен смертельный удар прежним принципам, и никто не мог отрицать, что будущее не только Российской Империи, но и всего мира, зависело теперь от исхода неминуемой борьбы между новым русским Царем и стихиями отрицания и разрушения» [2, с. 118].

До событий 1 марта 1881 г. в России в конце 70–80-х гг. XIX в. отношение правительствуемых верхов к общественному мнению было совсем иным. В. П. Мещерский передавал содержание своего разговора с М. Т. Лорис-Меликовым, состоявшегося в 1880 г.: «Теперь время такое, – продолжал Лорис, – что нельзя не прислуши-

ваться к общественному мнению: нельзя допускать крамолы, но надо избегать проявления деспотизма» [8, с. 453]. Позже стали распространяться слухи о том, что «правительство желает восстановить времена царствования императора Николая I» и в официальных материалах писалось о «все еще тревожном настроении общества» [4, с. 147].

29 апреля 1881 г. был обнародован манифест, провозглашавший твердое решение государя сохранять незыблемым исконное самодержавие и существующий монархический строй: «...с верою в силу и истину Самодержавной Власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее пополновений» [3, с. 56]. Нельзя сказать, что сразу после убийства Александра II или провозглашения манифеста, самодержавие объявило войну обществу и общественному мнению. Процесс шел постепенно, и «атмосфера сгущалась как бы продвижением мелких тучек, которые все больше и больше заслоняли и раньше не очень-то летнее солнце» [4, с. 147].

Убийство императора стало переломным моментом во взаимоотношениях общества с властью, повлекшее за собой изменения в социально-политической сфере российского государства. Поворот политики правительства к сохранению монархических начал привёл к ликвидации либерализации общества, лишению силы общественной инициативы в решении государственных дел. Это же, в свою очередь, положило начало практически полному политическому бездействию российского общества, равнодушию к общественным делам и политике государства.

Профессор Московского университета А. А. Кизеветтер вспоминал, что российская общественность 1880–1890-х гг. потеряла всякий интерес к делам государства. На смену бурному общественному мнению времен правления Александра II, которое ни много ни мало влияло на российскую действительность, пришло полное безразличие по многим актуальным вопросам [7, с. 189]. Общество в правление Александра III находилось в стадии «спячки», умы народа почти не волновали государственные проблемы, его интересы занимали лишь вопросы личного, частного характера. «Не один торгово-промышленный слой и связанные с ним элементы населения проявляли равнодушие к вопросам общегосударственного значения. Замкнутость в каких-то своих особых мыслях и целях проявляли и интеллигентные общественные круги. Учащаяся молодежь как-то присмирела, в значительной степени отошла от идейных замыслов и как бы погрузилась в мелкие

мещанские интересы. Словом, наступила какая-то передышка в стремительно проявлявшемся в предшествующий период страстном развитии общественной мысли» [6, с. 29].

Однако в 1887 г. произошло событие, которое немного взбудоражило общественное мнение. 1 марта 1887 г., в день годовщины смерти императора Александра II, планировалось совершить покушение на его сына, действующего императора Александра III. Террористический акт не состоялся. Однако огласку этот случай получил. Особенно сильно под впечатлением от произошедшего были студенты и профессура Петербургского университета. «Только в начале 1887 г. вдруг – словно гром среди безоблачного неба – на общество, уже отвыкшее от политических сенсаций, ниспало официальное сообщение «Правительственного вестника» о раскрытии преступного сообщества, готовившего акт цареубийства» [7, с. 81].

О том, что общественность в то время была почти апатична, безразлична к происходящему в стране, свидетельствует следующий факт. В этом же году, в 1887 г., власти решили отметить 50-летие со дня смерти А.С. Пушкина. Предполагалось, что общество будет принимать непосредственное участие в праздновании этого события. Однако ожидания не были оправданы, попытки встремянуть общество оказались провальными, ничего из этого не вышло, не считая лишь нескольких собраний и заседаний. На этих собраниях говорились очень хорошие речи, «но торжественные слова как-то не находили себе надлежащего резонанса, словно от русского общества отлетала способность душевного самовоспламенения» [5, с. 137].

Переломным моментом стал голод 1891 г. во многих Российских губерниях (Саратовская, Казанская, Тамбовская, Нижегородская). Это событие нашло свое отражение в газетах [9; 10]. Постепенно вести о голоде всколыхнули все российское общество, стали главной темой для обсуждения. С этого момента происходит этап усиления роли общественного мнения. Начинается сближение общественности с властями в совместной борьбе с голодом.

Движение по борьбе с голодом породило формирование обще-государственного общественного мнения, когда практически все слои общества, и левые, и либеральный центр, и консерваторы, а также и власть, считали необходимым сконцентрировать максимальные усилия по оказанию помощи голодающим. Трагедия неурожая и голода 1891–1892 гг. заставила задуматься всех, кто принимал участие в борьбе с этим бедствием. Общественность за-

давалась вопросами: почему неурожай привел крестьян к голодной смерти, и почему не хватило запасов хлеба? Эти вопросы, однако, порождали еще более глубокие и серьезные размышления. Голод стал катализатором осознания того, что в социально-политической обстановке Российской империи того времени таился «какой-то глубокий порок, который никак нельзя было более оставлять без внимания... В чем же состоит основная болезнь русского государственного организма и как ее лечить?» [7, с. 101].

Политическую подоплеку движения по борьбе с голодом, осознание «глубокого порока» можно проследить при изучении содержания листовок того времени. Из восьми известных листовок 1891 г. 50 % были посвящены голоду и могут рассматриваться то ли как политические намеки, то ли как памфлеты. В одной из таких листовок дается откровенная критика правительенной политики и даже содержит призыв к созыву земского собора в целях предотвращения революционного взрыва.

Научный руководитель С. В. Ярцев

Литература

1. Богданович А. И. Насущный вопрос. Лондон, 1895. 32 с.
2. Великий Князь Александр Михайлович. Книга Воспоминаний. М. : Современник, 1991. 270 с.
3. Высочайший манифест о незыблемости самодержавия от 29 апреля 1881 г. URL: <http://doc.histrf.ru/19/o-nezyblemosti-samoderzhaviya-vysochayshiy-manifest-29-aprelya-1881-g/> (дата обращения: 29.09.23).
4. Гросул В. Я. Власть и общественное мнение // Труды Института российской истории РАН. 2005. № 5. С. 118–172.
5. Гришина Н. В. Школа В. О. Ключевского в пространстве русских литературно-художественных традиций // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 21. С. 134–146.
6. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М. : Новое лит. обозрение, 2000. 808 с.
7. Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. М., 1997. 311 с.
8. Мещерский В. П. Мои воспоминания: в 2 ч. Ч. 2. СПб.: Тип. кн. В. П. Мещерского, 1898. 514 с.
9. Русские ведомости. 2 июля 1891. № 179 // Государственная публичная библиотека России: офиц. сайт. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/18938> (дата обращения: 29.09.2023).
10. Русские ведомости. 6 июля 1891. № 183 // Государственная публичная библиотека России: офиц. сайт. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/18938> (дата обращения: 29.09.2023)

Ю. И. Бирюкова

Байкальский государственный университет

**СЛАВЯНОФИЛЬСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
ФИЛОСОФСКОГО ВОСПРИЯТИЯ Н. А. БЕРДЯЕВА**

Николай Александрович Бердяев как выдающийся русский философ начала XX в. не мог не иметь собственной позиции по ключевым социальным и культурным вопросам своего времени. Одним из таких вопросов, безусловно, являлось возникновение и столкновение двух основных идеологических предустановок в среде русской интеллигенции XIX в. – западников и славянофилов, хронологически предшествующих Бердяеву. В качестве одного из наиболее видимых выражений социального конфликта двух взглядов на дальнейшую судьбу России он рассматривал творчество великих русских писателей того времени.

В эпоху дореволюционной России Федор Михайлович Достоевский являлся не только величайшим мыслителем и писателем, но и видным представителем славянофильства. По Бердяеву – настоящим пророком грядущей революции. Достоевский, по его мнению, первым обнаружил, что русская революция – в первую очередь феномен метафизический и религиозный [6, с. 129], а не политический и социальный, и такая его позиция содержится в романе «Бесы».

Федор Михайлович жил и творил во время раскола русской интеллигенции на западников и славянофилов. Герцен говорил о них так: «У нас была одна любовь, но не одинаковая». И те, и другие любили свободу. И те, и другие любили Россию, «славянофилы, как мать, западники, как дитя» [1, с. 68]. Однако уже следующее поколение славянофилов и западников разойдутся настолько, что не смогут спорить в рамках одного круга общения, собираясь в одном салоне.

Русские философы стремились разрешить вопрос о смысле и значении реформ Петра, разделивших российскую государственную историю на «до» и «после». Вопрос заключался в том, стоит ли России продолжать идти путём Западной Европы или же она обладает своей самобытной культурой, принадлежит к другой цивилизации? Славянофилы верили в то, что Россия уникальна, и её ждёт особая тропа на почве православия. Западники же целиком приняли реформы Петра и считали, что стране стоит учиться у

Запада, наблюдая за тенденциями там и в дальнейшем. По мнению Бердяева, миросозерцание Достоевского, было сложным и многогранным, отличаясь при этом от остальных славянофилов, уважая в Западе его лихой «динамизм воли», и ценя его монументальную культуру. Множество речей о восхищении наследием европейской культуры было сказано Достоевским. В «Дневнике писателя», например, сказано следующее: «Европа – но ведь это страшная и святая вещь, Европа. Знаете ли вы, как дороги нам эти «чудеса» и как любим и чтим, более чем братски любим и чтим мы великие племена, населяющие ее и все великое и прекрасное, совершенное ими? Никогда вы, господа, наши европейцы и западники, столь не любили Европу, сколь мы, мечтатели-славянофилы, по-вашему, исконные враги ее» [3, с. 185].

Федор Михайлович поддерживал идею о том, что Россия должна обладать своей самобытной культурой, видел в ней мировое начало, и считал, что именно русский народ своим братством и любовью обладает способностью объединять. Но оставался «почвенником», видя настоящих русских людей лишь в трёх племенах, в великорусском, малорусском и белорусском. В отличие от Данилевского, известным своим произведением «Россия и Европа», считавшим необходимым создавать «всеславянский союз» Достоевский считал, что благодарности от освобождённых славянских народов ждать не стоит [3, с. 279–280].

Позиция Достоевского выпукло изображена в романе «Идиот». События разворачиваются в 60-е гг. XIX в., во время идейного брожения молодёжи и утраты твёрдой позиции. Чтобы развенчать западнические идеи, которыми заражена интеллигенция его времени, Достоевский создаёт образ Аглаи и Ипполита, противопоставляя их Князю Мышкину, олицетворению истинного православия. Судьба же главного героя трагична, в одиночку он не способен противостоять падшему обществу, принявшему вредные для ума идеологию нигилизма и католицизм.

Достоевского по праву можно назвать антропологом. В центре всех его произведений стоит тема человека. Он создаёт ему новый образ, возвращая духовную глубину. Федор Михайлович исследует формы человеческой души не в обыденной её жизни, а в подсознательном, в безумии и преступлении. Герои раскрываются в диалектике, в бурной мысли писателя. Сам Достоевский, по мнению Бердяева, лишь подчёркивает собственный динамизм духа, о себе пишет он А. Майкову: «А хуже всего, что натура моя подлая и слишком страстная: везде-то и во всем до последнего предела до-

хожу, всю жизнь за черту переходил» [5, с. 297]. Все герои Достоевского коррелируют с его личностью, в них отражается его собственный путь, опыт, ошибки.

По мнению Бердяева, творчество Федора Михайловича можно разделить на два крупных этапа. Период до написания «Записок из подполья» и после [7, с. 16]. Именно это произведение прокладывает путь к экзистенциализму, разрушая гуманизм и изобличая его сущность. В эпоху утверждения человека высшей ценностью Федор Михайлович пишет: «Чем больше я сознавал о добре и о всем этом прекрасном и высоком, тем глубже я опускался в мою тину и тем способнее был совершенно завязнуть в ней» [4, с. 8]. Он привносит в свои произведения новый тип персонажа – «подпольного» человека, имеющего узкое сознание и неспособного обрести свободу, избежав навязывания своего всевластия. В затворенном сердце этого человека царит антигуманная любовь, лишенная того смысла, который ей необходим для воскрешения. Стоит заметить существенное различие европейского и русского гуманизма. В России не было такого же торжества веры в человека, как в Европе: следом за рассветом светлого гения Пушкина, вновь состоялся переход к трагическим писателям. Как отмечает Бердяев, русский народ обладает существенно большей свободой, сложным духом и именно поэтому никогда не будет обречён на счастливый путь культуры [1, с. 124].

Лишь через страдание и сострадание человек способен обрести свободу и покаяться в грехах. Тема веры является основополагающей для личности Достоевского, это касается не только его произведений. Федор Михайлович, являлся глубоко религиозным человеком, пробыв на каторге и познав все тяжести судьбы, он стремился найти смысл существования в красоте мира, во всеобщей гармонии. Именно им были сказаны слова надежды — «Красота спасёт мир». Таковы основные темы творчества писателя, та-ков его вклад в русскую философскую традицию.

По мнению Бердяева, в 40-х гг. XIX в. писателям предъявлялось гораздо меньше требований из-за чего те были в массе идеалистически настроенным гуманистами. Через творчество Достоевского христианский гуманизм Хомякова трансформируется в его более глубокую, противоречивую версию. Приземлённость, жёсткость и реализм Достоевского, по мнению Бердяева, открывает новые грани для философии христианских гуманистов и славянофилов [2, с. 496–497]. Из корня этой «достоевщины» произрастают такие авторы, как Мережковский, Булгаков, Белый. Рассуждает

философ и о противоречии сложившимся между культурными традициями, заложенными Достоевским и Толстым из, казалось бы, общего «почвенического» наследия. Заканчивает он свое рассуждение о Достоевском апеллируя к тому, как к величайшему гению, обнажившему духовную глубину русского народа и увязавшему идеи раннего славянофильства с многовековой христианской традицией.

Научный руководитель А. Б. Ринчинов

Литература

1. Бердяев Н. А. Русская идея. СПб. : Азбука-классика, 2008. 320 с.
2. Бердяев Н. А. Русская идея. Мироизречение Достоевского. М. : Издательство «Э», 2016. 512 с.
3. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. СПб. : Тип. В. Ф. Пуцкого, 1878. 326 с.
4. Достоевский Ф. М. Записки из подполья. СПб. : Тип. О. Стелловского, 1866. 150 с.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 28. Кн. 2. М. : Наука, 1985. 613 с.
6. Магарил-Ильяева Т. Г. Богословие Достоевского в понимании Бердяева // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 3 (11). С. 117–139.
7. Слобожанин А. В. Творческий путь Ф. М. Достоевского в работах Н. А. Бердяева и Л. И. Шестова // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2017. № 1 (21). С. 13–18.

В. Е. Богданов

Томский государственный университет

ОТРАЖЕНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1894 – ЯНВАРЕ 1904 г. В СИБИРСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Изучение обозначенной темы актуально по причине текущей военно-политической обстановки в мире, на фоне которой Россия видит себя окруженной недружественными странами, среди которых и Япония. На Дальнем Востоке, как и в конце XIX – начале XX в., создается очаг внешнеполитической и военной напряженности, поскольку Япония, ведомая и поддерживаемая западным блоком, возрождает свои амбиции одного из лидеров региона, что отражается в усилении ее военной мощи. Важной проблемой в такой ситуации является отсутствие мирного договора между Россией и Японией, препятствием на пути к которому является «вопрос северных территорий».

Периодическая печать, представлявшая собой медиасферу конца XIX – начала XX в., как и в современных условиях, показывала происходившие события в определённом идеологическом ракурсе. Печать – это форма трансляции информации читателю, в которой важную роль играет форма ее подачи. Она придает изображаемым событиям новые смыслы. В отечественной историографии имеются исследовательские работы, посвященные отдельным аспектам темы освещения русско-японской войны в периодике (таким, как отношение к Британии, к США, образ японцев как врага, образ русской армии). Недостаточно исследований, комплексно рассматривающих отражение соперничества держав на Дальнем Востоке того периода в печати. Авторы (В. В. Фролов, Е. М. Османов, Ф. И. Проконина, Л. Н. Кутаков, Н. Б. Павлович) главным образом анализируют саму борьбу и внешнюю политику государств на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в.

Цель исследования – реконструкция отражения борьбы великих держав на Дальнем Востоке в периодической печати Сибири в 1894 – январе 1904 гг., и выделение ведущих тенденций освещения данных событий.

Задачи исследования:

- 1) определить номенклатуру сибирских газет, в которых освещались события на Дальнем Востоке;
- 2) установить место этой информации в общем объеме публикаций каждой газеты;
- 3) определить основные источники периодической печати по освещению событий на Дальнем Востоке;
- 4) сравнить направления и специфику изображения внешнеполитической обстановки на Дальнем Востоке на страницах частной и официальной периодики.
- 5) раскрыть ведущие тенденции в отражении борьбы великих держав в дальневосточном регионе в сибирских газетах того периода;

В основу исследования положен принцип историзма, а также использован сравнительно-исторический метод. Источниковой базой выступили периодические издания Сибири 1894–1904 гг.

В результате исследования были сделаны следующие выводы:

1. Определены сибирские газеты, в которых освещались события на Дальнем Востоке в указанный период – «Томские губернские ведомости», «Акмолинские областные ведомости», «Тобольские губернские ведомости», «Восточное обозрение», «Сибирская жизнь», «Сибирский вестник»;

2. Место, занимаемое событиями на Дальнем Востоке на страницах указанных газет, варьировалось. Наименьшее место они занимали в «Томских губернских ведомостях» и «Акмолинских областных ведомостях», будучи представленными только в виде телеграмм и указов. Между тем в остальных газетах из вышеприведенного списка кроме документов помещались заметки, очерки, занимавшие значительное место в общем объеме публикаций. «Тобольские губернские ведомости», будучи официальным органом печати, в этом плане отличались от «Томских губернских ведомостей» и «Акмолинских областных ведомостей». Например, есть регулярная рубрика «К событиям в Китае», представленная, помимо данной газеты, и в частных. Например, в номере от 11 июля 1900 г. в статье из рубрики «К событиям в Китае» описывается борьба с восставшими [6, с. 5];

3. Среди источников информационного обеспечения сибирских газет в данный период касательно положения на Дальнем Востоке можно выделить следующие: телеграммы, в частности, Российского телеграфного агентства, репортажи военных корреспондентов, материалы других газет, как российских, так и зарубежных (например, японских), официальные указы и распоряжения, рассказы очевидцев и т. д. Одни и те же события в частной и официальной печати рассматривались по-разному. В официальных органах печати – через призму официальных документов, но были и исключения (об этом ниже). Частная периодика имела больше свободы, публикуя на страницах своих изданий фельетоны, дневники, очерки, т. е., была более разнообразна;

4. Некоторые важные события и тенденции политической жизни нашли отражение только в определенных газетах. Таковыми примерами можно считать восстание боксёров 1900 г. в Китае, о котором говорится в «Восточном обозрении», «Сибирской жизни», «Сибирском вестнике», «Тобольских губернских ведомостях». В них же показано и ухудшение по нарастающей внешнеполитической обстановки перед русско-японской войной. Иллюстрацией данного тезиса может служить информация из газеты «Восточное обозрение». В номере от 9 января 1904 г. содержалось следующее: «Телеграмма из Петербурга сообщает, что тамошний японский посланник заявил, что не стоит начинать войны из-за вопросов, о которых ещё происходят переговоры» [4, с. 1]. В номере от 17 января прямо указывается на воинственные настроения среди японской прессы [5, с. 3], а также приводятся примеры таких японских газет. Наконец, в номере от 27 января читаем: «Вечер-

ние газеты, обсуждая положение на Дальнем Востоке, признают положение опасным: одна газета полагает, что опасность возникновения военных действий возросла до крайности» [6, с. 1]. Официальные источники – «Томские губернские ведомости» и «Акмолинские областные ведомости» – об этом не говорят;

5. Общими аспектами, так или иначе нашедшими отражение во всех анализируемых газетах, являются японо-китайская война 1894–1895 гг. и последовавшая за ней борьба великих держав на Дальнем Востоке;

6. Частная печать имела свою ярко выраженную позицию относительно внешнеполитических событий на Дальнем Востоке, причем каждая газета свою. Например, в газете «Сибирский вестник» писалось о чуждости проблем флота: «Мы не любим моря и с непонятным равнодушием относимся ко всем морским вопросам» (в номере от 2 июня 1895 г.) [7, с. 1]. С другой стороны, подчеркивается справедливость российских претензий на Ляодунский полуостров и опасности японских политических замыслов (в номере от 9 мая 1895 г.) [8, с. 1];

7. Можно проследить параллель с современным периодом, ведь и сейчас идет неизменное подчёркивание враждебной и даже агрессивной политики иностранных государств (США, Англии, Франции и т. д.), стремление их ослабить и даже уничтожить Россию. Сходство также в том, что официальная печать подчеркивала тогда и говорит сейчас о правомерности российской политики на Дальнем Востоке, и в существовании органов печати, излагающих позицию «пятой колонны».

В качестве общего вывода можно отметить, что отражение вопросов внешней политики на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. зависело не только от принадлежности газеты (официальная либо частная), но и от позиции редакции самой газеты, способов донесения информации. Официальная сибирская печать была рупором правительской политики, не имея индивидуальной позиции по данному вопросу, перепечатывая телеграммы и указы (но были и исключения, к примеру, «Тобольские губернские ведомости»). Частные же имели свою чёткую позицию, донося ее через различные виды материалов (очерки, статьи, заметки и т. д.), причём их позиции далеко не всегда совпадали.

В ходе исследования выявлены следующие тенденции: отставание официальной печати от правительской позиции, несогласие некоторых представителей частной печати с официальной политикой, стабильное подчёркивание агрессивной политики ино-

странных держав, нагнетание предвоенной обстановки в частной печати при отсутствии этого в официальной, замалчивание восстания боксеров в одних газетах и освещение в других, разное понимание редакциями газет интересов России на Дальнем Востоке и достаточно широкий спектр мнений по данному вопросу, иногда даже в рамках одной газеты.

Научный руководитель П. П. Румянцев

Литература

1. К событиям в Китае // Тобольские губернские ведомости. 1900. 11 июля. С. 5.
2. Телеграммы Российского Телеграфного Агентства // Восточное обозрение. 1904. 07.01. С. 1
3. Вести с Азиатского Востока // Восточное обозрение. 1904. 8 янв. С. 6.
4. Телеграммы Российского Телеграфного Агентства // Восточное обозрение. 1904. 9 янв. С. 1.
5. Вести с Азиатского Востока // Восточное обозрение. 1904. 17 янв. С. 3.
6. Телеграммы Российского Телеграфного Агентства // Восточное обозрение. 1904. 27 янв. С. 1.
7. «Мы не любим моря...»// Сибирский вестник. 1895. 2 июня. С. 1.
8. «Как уже известно читателям...»// Сибирский вестник. 1895. 9 мая. С. 1.

А. М. Иванова

Иркутский государственный университет

ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ ДВОРЯНСКИХ ДЕТЕЙ В РОССИИ В XVIII в.

Работа посвящена исследованию изменений отношения государства и общества на протяжении всего XVIII столетия к процессу воспитания дворянских детей. Так, в эпоху правления Петра I государственная задача заключалась в подготовке отечественных кадров высшей квалификации, способных управлять реформированным государственным аппаратом и готовых вывести Россию на один уровень с лидирующими европейскими державами, что и объясняет крайнюю заинтересованность государства в учреждении специальных учебных заведений для мальчиков дворянского сословия.

Одной из первых такого рода организаций стала Школа математических и навигацких наук, открытая в январе 1701 г. по указу Петра I Л. Ф. Магницким и А. Д. Фарварсоном, где изучались такие дисциплины, как арифметика, основы грамматики, география, астрономия, навигация, геодезия и т. д.

Отличительной чертой образования высшего сословия в XVIII в. является получение его путем отправки молодых дворян за границу. Такая мера просвещения молодого поколения получила неоднозначный отклик со стороны государственных деятелей: одни говорили об ее пагубности и вероятном внедрении «западных» идеологий и пр., другие же утверждали, что данная мера полностью соответствует целям и задачам государственной политики. Так, один из представителей последних – Феофан Прокопович писал: «Дурно многие говорят, что учение виновное есть ересь, ибо кроме древних от гордого глупства, а не от учения бесновавшихся еретиков... И если посмотрим чрез историю, аки чрез зрительные трубки, на мимошедшие веки, увидим все худшее в темных, нежели в светлых временах» [3, с. 251].

Что касается воспитания, тут важно отметить формирование нового духовного идеала – «человека, служащего своему Отечеству, преисполненного государственных интересов, ставящего эти интересы на первый план» [3, с. 251]. Это ярко прослеживается в таком памятнике, как «Юности честное зерцало», изданном в 1717 г. и применявшемся не только в учебных заведениях, но и в домашних условиях. Особое внимание в документе уделяется правилам поведения отроков по отношению к своим родителям: «Во-первых, наипаче всего должны дети отца и матерь в великой чести содержать...» [4].

Наряду с вышеупомянутой Школой математических и навигацких наук открываются следующие образовательные учреждения: Школа переводчиков в Петербурге (1704 г.), Военно-медицинская школа (1707 г.), Инженерная школа для дворянских детей (1712 г.), Инженерная школа в Петербурге (1719 г.) и др. Такая динамика обусловливается необходимостью формирования в кратчайшие сроки отечественного штата высококвалифицированных специалистов.

При анализе процесса воспитания и образования девушек-дворянок в начале XVIII столетия стоит отметить, что наиболее распространенной практикой обучения девушек являлось домашнее образование, уровень и качество которого обусловливались рядом причин. В частности, В. О. Михневич, историк русского быта, в своем труде, посвященном русской женщине XVIII в., пишет, что «вследствие отсутствия общественных, всем доступных женских школ, хорошее женское образование в те времена было редкой роскошью, которую могла пользоваться только богатая знать, и, следственно, являлось вполне аристократическим. Масса женщин среднего класса усваивала только внешнюю оболочку образо-

вания, и, главное, светскости, а в сущности стояла на крайне низком уровне умственного развития» [1, с. 87].

Со второй четверти XVIII в. большая часть учебных заведений как для дворянских юношей, так и для девушек приобретает закрытый характер, появляются кадетские корпуса, институты благородных девиц и т. д., такая тенденция к изолированности объясняется заинтересованностью государства в уменьшении влияния со стороны семьи и общества на молодое дворянство.

Одной из подобных образовательных организаций для мальчиков стал Первый сухопутный шляхетский кадетский корпус (1731 г.), где преподавались следующие дисциплины: фортификация, верховая езда, музыка и др. В годы правления Елизаветы Петровны открывается Московский университет (1755 г.), идея создания которого родилась у М. В. Ломоносова и была обоснована неэффективностью действующей Академии наук в области подготовки и формирования широкой базы отечественных кадров обученных. Университет не являлся привилегированным учебным заведением, а цель его заключалась в подготовке «довольно национальных достойных людей в науках, которых требует пространная империя к разным изобретениям сокровенных в ней вещей и ко исполнению начатых предприятий и ко учреждению впредь по знатным городам российскими профессорами училищ» [2, с. 345].

В частных школах и пансионах для девушек, в основном получивших в Москве и Петербурге широкое распространение в эпоху царствования Елизаветы Петровны, центральное место среди преподаваемых дисциплин занимали иностранные языки, история, рисование, нравоучение, а также надлежащие девушкам вопросы, связанные с домоводством, и правила поведения.

Следующим этапом развития женского образования можно назвать период правления Екатерины II, в котором первостепенная задача заключалась в создании «новой породы людей», т. е. совершенствовании человеческой природы и общественных нравов путем правильной организации процесса воспитания. Так, в 1764 г. был открыт Смольный институт благородных девиц в Воскресенском Новодевичьем монастыре, где преподавались русский, французский и немецкие языки, арифметика, сведения о домашнем хозяйстве, история и т. д., при этом стоит отметить, что сохранилась уже известная нам обособленность учебных заведений.

После смерти Екатерины II император Павел I передал своей жене Марии Федоровне управление над Воспитательным обществом благородных девиц, в результате чего, к началу XIX в. женская школа стала областью контроля не государства, а ведомства.

Таким образом, на протяжении всего XVIII столетия наблюдаются различия в государственной образовательной политике по отношению к мальчикам и девочкам дворянского сословия. В частности, в отношении мальчиков со временем отмечается послабление со стороны властей, т. е. высокие требования начала XVIII в., характерные для эпохи Петра I, во многом смягчаются к концу данного столетия. Что касается девушки, то в начале XVIII в. государство было заинтересовано прежде всего в интеграции женщин в процесс европеизации общества. В последующие годы женское образование продолжает развиваться, и в эпоху правления Екатерины II становится основой для претворения в жизнь концепции создания «новой породы людей». Эта идея не была реализована, но сформировался образ верной жены и образцовой матери – идеал женщины, на достижение которого и были направлены все меры и средства воспитания и обучения.

Научный руководитель Г. В. Оглезнева

Литература

1. Михневич В. О. Русская женщина XVIII столетия : исторические этюды Владимира Михневича. М. : Панорама, 1990. 402 с.
2. Прояева И. В. М. В. Ломоносов и открытие Московского университета // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 17. С. 341–346.
3. Стародубцев М. П. Теория и практика российского воспитания и образования в XVIII веке // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2012. № 150. С. 249–261.
4. Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению // Азбука веры : сайт. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/6/yunosti-chestnoe-zertsalo-ili-pokazanie-k-zhitejskomu-obhodzeniyu/> (дата обращения : 19.04.2023).

А. С. Митряшкин

Санкт-Петербургский государственный университет

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904–1905 гг. В ВОСПРИЯТИИ НАРОДОВ ВОСТОКА (ПО ЗАПИСКАМ В. М. ДОРОШЕВИЧА)

Тема образа России в странах Азии и Африки в период XIX–XX вв. остаётся одной из наименее изученных проблем исторической имагологии. На данный момент существует лишь небольшое число работ, которые посвящены анализу взглядов общественно-политических и религиозных деятелей Востока на политику Российской империи и СССР в различные промежутки времени.

Особенно справедливо данное утверждение для периода русско-японской войны 1904–1905 гг., за ходом которой пристально следили в заморских владениях европейских империй. Причем с самого начала конфликта значительная часть интеллектуалов поддержала «Страну восходящего солнца», возвеличивая в своих сочинениях силу японского «Давида», одержавшего блистательные победы над зазнавшимся русским «Голиафом» [2, с. 612]. Успехи молодой нации в противостоянии с крупнейшей континентальной державой развеяли миф о превосходстве «европейской цивилизации» над «культурно неполноценными» азиатскими народами. Последовавшая за поражением России революция 1905–1907 гг. только укрепила надежды стран Востока на скорое крушение старого миропорядка. Наиболее ожесточённые дискуссии об этом велись в Османской империи. В частности, во время тайных переговоров турецких и японских дипломатов озвучивались планы раздела России и её ликвидации как значимого субъекта мировой политики [3, с. 41–43].

Рост антироссийских настроений на Востоке во время русско-японской войны зафиксировал видный отечественный писатель, редактор дореволюционной газеты «Русское слово» Влас Михайлович Дорошевич (1865–1922). В самый разгар конфликта в 1904 г. он отправился в турне по Азии и Северной Африке, во время которого ему удалось выяснить подлинное отношение проживающих там народов к России и Японии. За несколько месяцев он побывал в Турции, Греции, Египте, Цейлоне и Индии. Все наблюдения автор изложил в 1905 г. в работе под названием «Восток и война» [1]. В этой книге В. М. Дорошевич критикует и высмеивает ненависть «восточного человека» к православной империи, называет проблемы, связанные с формированием имиджа российской монархии на Востоке, выявляет их причины. Помимо разбора политических предпочтений арабов, турок и индийцев автор уделяет значительное внимание описанию их традиций, религии, условий и образа жизни, сопровождая размышления иллюстрациями городов, местной природы, памятников архитектуры и т. д. В сочинении он также отразил мнения о русско-японской войне, преобладавшие среди жителей Великобритании, Австралии и Китая. Немало времени автор уделил и анализу местных газет, приводя целые отрывки из статей о боях на Дальнем Востоке.

Истоки озлобленности «азиатов» к России В. М. Дорошевич видит, прежде всего, в религиозном фанатизме, вызванном страхом местного населения, что в случае прихода русской власти их

страна будет насильственно обращена в православие. Подобного рода опасения сочетаются и с традиционными стереотипами о «коварстве» русских: «Россия жадна, хитра и жестока! «...» «Россия» – это звучит для восточного человека как угроза. «Россия» – это потеря самостоятельности. Это обращение покорённой страны в рабство. Это потеря того, что для фанатичного восточного человека дороже всего в жизни – религии» [1, с. 30].

Как замечает В. М. Дорошевич, именно мусульманское население обозначенных стран относится к России с наибольшим недоверием и даже неприязнью, нарекая её «главным врагом ислама», а русских («московов») – «белыми варварами» [1, с. 40–46]. Объяснение этому явлению он находит в том, что османский султан-халиф является духовным лидером мировой исламской общины (уммы) [1, с. 42, 138–140]. Поскольку российское государство уже на протяжении столетий вело борьбу с Портой, то оно закономерно являлось врагом халифа, а, следовательно, и врагом ислама: «Россия для них – это страна, которая несёт стяг христианства против священного знамени пророка» [1, с. 42]. Конкретно у турок был ещё один повод для поддержки японской стороны – жажда реванша за поражение в войне 1877–1878 гг., желание добиться максимального истощения России и вернуть утраченные земли в Закавказье [1, с. 14].

Обиды к России затаили и греки, в собственной печати выражавшие сочувствие Японии. Это был своеобразный ответ Афин на отказ Петербурга в 1897 г. поддержать Элладу в войне с Турцией [1, с. 27].

В Южной Азии наибольшее сочувствие японцам проявило население о. Цейлон – в те годы отдельной колонии Британской империи. Согласно В. М. Дорошевичу, сингальцы, будучи буддистами, радовались каждой неудаче русских войск, превознося смелость своих «единоверцев» [1, с. 83]. Особую популярность в городах Цейлона приобрели японские лубочные картины, на которых изображались разбитые русские отряды, потопленные корабли Тихоокеанского флота, падение Порт-Артура и т. д. [1, с. 24, 80, 82]. Местные астрологи выпускали прогнозы о грядущих победах японской армии [1, с. 84–87]. Население жертвовало деньги на помощь раненым японским солдатам, а жрецы совершили молитвы за успехи Токио [1, с. 94–95, 101]. В. М. Дорошевич отмечает и наличие втайне сочувствующих русским сингальцев, однако добавляет, что это, скорее, «исключение» и «редкость» [1, с. 95].

«Индуистская» Индия, «равнодушная ко всему, что не касается религии и каст, равнодушна к войне», хотя симпатии индийцев склоняются к японцам из-за страха перед «экспансией» русской церкви: «Россия придет и разрушит наши храмы, а нас всех заставит принять христианство. А при англичанах всякий спокойно исповедует ту религию, какую хочет» [1, с. 144]. К поддержке Японии индийцев также подталкивало желание продемонстрировать свою лояльность британской короне, осудив действия главного противника Лондона на континенте [1, с. 142].

Тезисы о «русской угрозе» активно распространялись английской и восточной прессой. Причём некоторые издания занимались открытыми фальсификациями, призванными усилить прояпонские симпатии читателей. Например, автор вспоминает как он, находясь в Каире, слушал переводы статей из арабских газет, в которых в том числе говорилось, что «на Дальнем Востоке магометанские принципы восстали и ведут теперь войну с врагом ислама» [1, с. 43]. В дополнение к этой легенде, журналисты призывали свою аудиторию оказать помощь японцам в их борьбе против России [1, с. 46].

Любопытно и то, что при всей искренней поддержке Токио, народы рассмотренных стран (за исключением разве что Цейлона), в большинстве своём не верили в реальность победы Японии над Россией. По их мнению, ввиду неограниченных ресурсов «Россия, в конце концов, «задавит» Японию» [1, с. 14, 28, 146–147].

Таким образом, можно констатировать, что книга «Восток и война» в достаточной мере позволяет понять, какие представления о России доминировали в тех или иных уголках Азии и Африки во время русско-японской войны 1904–1905 гг. и насколько народы этих регионов были погружены в эту тему. Следует добавить, что очерки В. М. Дорошевича не были упомянуты ни в одном исследовании о влиянии конфликта России и Японии на мировоззрение колонизированных народов. Поэтому обозначенная тематика требует дальнейшего глубокого анализа.

Научный руководитель Н. Н. Дьяков

Литература

1. Дорошевич. В. М. Восток и война. С рисунками в тексте. М. : Изд. т-ва И. Д. Сытина. 1905. 235 с.
2. Marks Steven G. «Bravo, brave tiger of the East!». The Russo-Japanese war and the rise of nationalism in British Egypt and India // The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero / ed. by J. W. Steinberg, B. W. Menning etc. Leiden, Brill, Boston, 2005. P. 609–627.
3. Арслан А. Музаккарат [Воспоминания]. Каир : Му'ассасат Хиндави ли ат-Та'лим ва ас-Сакафа, 2022. 101 с.

М. С. Семичевская

Иркутский государственный университет

**ЭПИТАФИИ (ИЗ СОБРАНИЯ Н. С. РОМАНОВА)
КАК ЭЛЕМЕНТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЖИТЕЛЕЙ
Г. ИРКУТСКА В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД**

В 1912 г. в журнале «Сибирский архив» вышла статья Н. С. Романова (псевдоним Н. Мокеев), посвященная найденным им надгробным надписям, составляющим важный элемент ландшафта Иерусалимского кладбища, анализ которого помогает понять, как жители г. Иркутска идентифицировали себя, конструировали свой образ согласно актуальному социальному делению. Память об умершем – первичная форма культурного воспоминания и часть коммуникативной памяти. Но памятник (могильная плита, эпитафия на ней) – окаменелый остаток, «письменный» источник, элемент уже культурной памяти, оторванный от ее носителей. То есть анализируя памятник, мы уходим от воспоминания реального человека и создаем его образ, а в данном исследовании группу образов – горожан дореволюционного Иркутска.

Основным актором общественной жизни дореволюционного Иркутска долгое время являлся мужчина, подтверждение этому мы находим и в разнообразии «мужских» эпитафий. Вначале обязательно упоминался либо его титул: почетный гражданин, указание рода занятий и гильдии для купцов, либо полное имя (сокращений нет), затем указываются даты его жизни. Как мы видим, ключевую роль в репрезентации играют общественный за-слуги и экономические достижения, тогда как семейный статус указывается в незначительном количестве случаев.

Наиболее простая форма «женской» эпитафии: имя и дата, когда скончалась. Она могла быть более подробной, видоизменяясь в двух формах: первая – «имя + личный статус + представитель + история», вторая – «личный статус + представитель + имя + история». Под личным статусом мы встречаем прежде всего такие маркеры как «дочь» или «жена», в репрезентации представителя включено ФИО мужа (отца) и его статус (почетный гражданин, купец 1 гильдии и т. п.). Под историей – дата смерти, дата рождения, в редких случаях указывались дети, место рождения. Как видим, часто образ женщины определяется ее семейными связями, наличием мужа и его положением в обществе. Кажется, в отношении «простых» эпитафий все не так однозначно, хотя бы потому что трактовать их можно абсолютно по-разному. Но встреча-

ется и вполне однозначная надпись, свидетельствующая об особом положении конкретной женщины, где главенствует личный статус женщины, а ее представитель отсутствует: «Анна Федоровна Трапезникова. Почетная гражданка Иркутская 1 гил. купчиха скончалась 7 января 1858 г. в 5 часов дня 78 лет, было в супружестве 50 лет» [3, с. 932]. Но таких случаев куда меньше.

Иногда в начало добавляли символическое вступление: «Сей памятник покрывает тело», «Погребено тело Рабы Божией», «Здесь покоятся прах», «Под сим памятником погребено тело» или «В память ...» [3, с. 930–935]. Это, как представляется, скорее показатель достатка, чем социального статуса. Тем не менее, такое добавление выделяет памятник на фоне других, а каждая из надписей может довольно однозначно трактоваться.

Интересен факт того, что в какой-то степени, участвуя в сохранении памяти предков, человек сохраняет и себя. Наглядна в этом отношении надпись на могиле трехлетнего Евгения Кушковского, умершего в 1880 г. В начале эпитафии описана судьба ребенка: «Зачем в сей край привез тебя? / Здесь от климатических болезней / Я не мог спасти тебя» [3, с. 937]. В дальнейшем показана трагичность всей ситуации для родителя, а заканчивает все символическим прошением к Богу: «Мой Бог услышь мое моленье / Мои страдания прекрати / Иль дай мне силы и терпенье / Крест тяжелый мой нести» [3, с. 937]. Анализируя текст, можно указать на определенные моменты. Во-первых, акцент на то, что покойный не сибиряк. Во-вторых, страдающий родитель в данной эпитафии такой же полноправной «образ», причем куда более яркий, чем сам погибший ребенок. Его глазами мы смотрим на смерть сына, именно через его скорбь мы и воспринимаем весь ужас трагедии.

Иерусалимское кладбище было разделено на зоны, каждая из которых отводилась определенной конфессии, а так как Иркутск являлся, в том числе, городом политической ссылки, мы можем найти памятники революционно-националистического характера. Это, например, могила поляка Людвига Ясинского, на памятнике из белого мрамора значится: «В 1863 г. боролся за отчизну, вольность и братство» [2, с. 173].

Итак, памятник, как «учреждение оставшихся в живых», позволяет нам не просто говорить о механизме сохранения памяти о погибшем, но и о процессе формирования культурной памяти жителей Иркутска, и использовании механизма презентации погибшего для идентификации собственного общества и рефлексии по поводу современных реалий.

Научный руководитель Л. М. Дамешек

Литература

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славян. культуры, 2004. 368 с.
2. Дулов А. В. Иерусалимское кладбище // Сибирь. 2010. № 3. С. 141–180.
3. Мокеев Н. Иркутское Иерусалимское кладбище // Сибирский архив : журн. археологии, истории и этнографии Сибири. 1912. № 12. С. 927–939.

СЕКЦИЯ

ЭПОХА РАДИКАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: ИСТОРИЯ РОССИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО И СОВЕТСКОГО ПЕРИОДОВ

Г. С. Васильев

Томский государственный университет

ФЕНОМЕН НЕФОРМАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ПЕРИОДА ПЕРЕСТРОЙКИ

В 1985 г. в СССР началась перестройка, которая привела к активизации большого количества неформальных движений. В связи с этим в разных публицистических материалах начались попытки осмыслиения данного явления и поиск его истоков со стороны учёных из разных сфер науки: философов, социологов, историков и т. д. Поэтому анализ представлений о природе неформального движения в позднесоветской публицистике представляется актуальным.

В первую очередь необходимо обратиться к причинам и обстоятельствам возникновения неформальных движений. В статье философа В. Чурбанова и историка А. Нелюбина в качестве причин массового возникновения самодеятельных объединений выделялись преобразования, вызванные перестройкой. Это касалось преобразований, связанных с политической сферой, экономикой, сферой образования [3, с. 19–20]. Реформы породили появление объединений в разных областях общественной жизни. Повышенный интерес к участию в объединениях со стороны молодёжи авторы связывали как с психологическими особенностями молодых людей, такими как энтузиазм, потребность в самореализации, интерес ко всему новому и т. д., так и с проблемами в профессио-

нальном росте, материальном обеспечении, с низкой долей молодёжи на руководящих должностях [3, с. 23–24].

А. В. Громов и О. С. Кузин в своей работе провели небольшой экскурс в историю общественных объединений в дореволюционной и советской России и пришли к выводу, что появление общественных организаций связано с демократизацией общества. Возникновение неформальных движений было вызвано, по мнению авторов, тем, что существовавшие на тот момент общества не выражали интересы своих членов, которые, в свою очередь, не участвовали активно в работе объединений, а вся общественная работа сосредотачивалась в руках руководящих лиц [1, с. 15]. Развитию неформальных объединений способствовали как начавшаяся демократизация общественной жизни, так и «снятие неоправданных ограничений на объединения граждан». С точки зрения авторов, эти факторы способствовали бурному развитию и появлению новых неформальных движений [1, с. 16].

Своё видение причин роста неформальной активности также высказали философы И. Сундиев и С. Юшенков. Первый выделил несколько волн неформальной активности. Появление современных неформалов он объяснял как деградацией социальных отношений («противоправные действия перестали вызывать резкое неприятие»), так и начавшейся перестройкой и связанной с ней политикой гласности. Эта политика, по мнению автора, позволила говорить о существующих проблемах в обществе и привела к развитию разных форм неформальной активности [2, с. 8]. Сергей Юшенков выделил две группы причин: «постоянно действующие» и «специфические». К первой группе он отнёс существование интересов у разных групп населения, которые требуют их представленности в государственных органах и ведения свободной политической деятельности. К этой же группе были отнесены потребность человека в «многообразии форм жизнедеятельности, включая и политическую», а также многонациональный характер государства и возникновение, в связи с этим, национальных движений [4, с. 45]. Специфические причины относились непосредственно к Советскому Союзу и включали в себя, по мнению автора: кризис административной системы, сложившейся к 1980-м гг., провозглашение плюрализма «не только на словах, но и на деле», современные проблемы (экологические и проблемы «войны и мира»), а также современную публицистику, которая побуждала, с точки зрения автора, к активным действиям [4, с. 46].

Другой аспект проблемы касался классификации неформальных объединений. В. Чурбанов и А. Нелюбин ссылались на данные Научно-исследовательского центра Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ, который выделял около семидесяти объединений и движений. К таким относились политические, развлекательные, пацифистские, националистические и т. д. [3, с. 18] Сами авторы выделяли: политические, рабочие, крестьянские объединения, объединения в сфере производства, потребления, национально-культурные центры, педагогические движения, любительские и асоциальные группы [3, с. 19–22]. По отношению к политическим группам авторы использовали стандартную классификацию по идеологии: левые, центр и правые [3, с. 31]. Однако они отмечали, что в эти понятия вкладываются разные значения. Так, согласно авторам, разделение могло происходить в зависимости от социальной принадлежности (по мнению авторов, правые – это представители аппарата, левые – это активная интеллигенция и молодёжь, центр – люди, которые не принадлежат к власти, но и «не отвергающие её огульно»), методов деятельности, позиций по национальному вопросу [3, с. 32]. Сами авторы считали, что важнейшим индикатором принадлежности к той или иной идеологии являлось отношение к социализму, поскольку, с их точки зрения, из этого вытекают все остальные характеристики. По их мнению, правые являлись противниками социализма, левые стремились построить уравнительный или «казарменный социализм», а представители центра выступали в поддержку КПСС и её программы [3, с. 33]. В этой же статье авторы провели анализ различных объединений в разных идеологических спектрах.

В своей работе А. В. Громов и О. С. Кузин привели два варианта классификации. Согласно первой, существовали официально зарегистрированные движения, к которым относились любительские объединения, общественные организации и общественные движения, и незарегистрированные, включавшие в себя неофициальные самодеятельные формирования и формирования негативной направленности [1, с. 9–10]. Вторая классификация основана на принципе политизации. Исходя из этого, по мнению авторов, существовали политизированные и неполитизированные неформальные формирования [1, с. 16]. В рамках такого деления авторы ввели разграничения в каждой группе. Неполитизированные формирования были разделены на те, чья деятельность имела положительную направленность и те, которые приносили вред людям. Среди политизированных движений выделялись те, кото-

рые стремились законными средствами улучшить политический строй, и те, которые желали изменить его [1, с. 17].

И. Сундиев выделил несколько форм деятельности неформалов. Первая – это «агрессивная самодеятельность», которая основана на насилии и противостоянии разных групп [2, с. 10]. Вторая форма – «эпатажная самодеятельность», заключающаяся в стремлении бросить вызов существующим моральным и общественным нормам [2, с. 12]. В качестве примера автор привел стиль панков и «хэви-металл». Ещё одной формой являлась альтернативная самодеятельность, которая заключалась в существовании отличных от официально принятых форм образа жизни и проведения досуга [2, с. 13]. Экономическая самодеятельность предполагала существование других форм создания материальных благ и увеличения дохода, например, кооперативов, которые активно развивались в период перестройки. Социальная и политическая самодеятельность проявилась в образовании разных движений, имеющих свою идеологию и направленных на решение определённых общественно-политических проблем [2, с. 16].

Таким образом, авторы публикаций имели общее представление о том, что причиной активизации неформального движения стали преобразования, вызванные перестройкой. Различие взглядов по проблеме классификации движений может говорить как о разнообразии подходов авторов к этому вопросу, так и о большой разнородности неформальных объединений. Публикация приведённых материалов стала возможна благодаря повышению внимания к неформальному движению со стороны советской власти и поиску дальнейших путей взаимодействия с ними.

Научный руководитель М. В. Грибовский

Литература

1. Громов А. В., Кузин О. С. Неформалы: кто есть кто? М. : Мысль, 1990. 269, [2] с.
2. Сундиев И. Нашествие марсиан?.. // Неформалы. Социальные инициативы : сборник / сост. С. Н. Юшенков. М. : Моск. рабочий, 1990. С. 4–43.
3. Чурбанов В., Нелюбин А. Неформальные объединения и Перестройка: надежды и тревоги // Неформалы: кто они? Куда зовут? / под общ. ред. В. А. Печнева ; ред.-сост. В. И. Вьюницкий. М. : Политиздат, 1990. С. 9–47;
4. Юшенков С. Н. Неформальное движение: общая характеристика и основные тенденции развития // Неформалы. Социальные инициативы : сборник / сост. С. Н. Юшенков. М. : Моск. рабочий, 1990. С. 44–55.

Д. А. Вершинина

Байкальский государственный университет

**ЗНАЧЕНИЕ ТАМОЖЕННО-ТАРИФНОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ В НАЧАЛЕ НЭПа
(НА ПРИМЕРЕ КАРЕЛО-МУРМАНСКОГО КРАЯ)**

Начало НЭПа задало новый вектор развития в таможенном регулировании. Советская власть не только признала необходимость смягчения действующего протекционизма, но и достаточно успешно применяла меры таможенно-тарифного регулирования на практике [1, с. 285; 2, с. 418]. Примером тому явился Карело-Мурманский край.

Карело-Мурманский край обладал огромными рыбными и минеральными ресурсами, а также выгодным географическим положением – выходом в Белое море и Северный Ледовитый океан. Но из-за удаленности Края от административного и промышленных центров страны, на все его преимущества долгое время не обращали должного внимания. И только во время Первой мировой войны была проложена железная дорога от Мурманска до Петрограда, которая с прекращением военных перевозок после окончания войны не имела средств к существованию. С приходом советской власти в 1923 г. была выдвинута идея «канадизации» Края, предполагавшая экономическое развитие региона за счет железной дороги, которая могла обеспечить свою жизнедеятельность только с помощью транзитных грузоперевозок. Для их привлечения 23 мая 1923 г. Совнаркомом был утвержден Мурманский дифференциальный таможенный тариф.

Таможенно-тарифные льготы для Карело-Мурманского края разделялись на три группы.

К первой группе относились льготы для населения пограничных с Финляндией волостей Карельской АССР. С проведением линии железной дороги все же имелись районы, значительно удаленные и не связанные с ней никакими подъездными путями. Население этих районов снабжалось в основном за счет финской магистральной дороги, которая проходила параллельно советской границе и от которой в глубь Карело-Мурманского края шли наезженные пути и тропы. Льготы являлись временными и заключались в том, что некоторые товары (скот, кожа, семена, изделия из меди, крючки рыболовные, ножевой товар, сельскохозяйственные машины, рыболовные сети) пропускались в пригранич-

ные волости беспошлинно, а иные (стекло, железо, сталь, свинец, гвозди, ткани, вязаные изделия, белье, платья) пропускались со значительной скидкой с общего тарифа (от 10 до 75 %) [3, с. 131]. Мурманская железная дорога как раз была заинтересована в том, чтобы втянуть эти районы в сферу своего экономического и производственного влияния и сделать указанные таможенные льготы излишними.

Вторая группа льгот касалась почти всех необходимых для жизни населения и производства товаров. Эти товары пропускались беспошлинно, благодаря чему население Края и отрасли промышленности получили чрезвычайно благоприятные условия для своего существования и дальнейшего развития. Беспошлинный ввоз был установлен: для продовольствия (кофе, чай, лимоны, молоко сгущенное, сало свиное и мясные консервы) в размере около 60 т в год; для одежды и обуви промысловой и гражданской в размере свыше 14 т на год; для промысловых судов; для принадлежностей рыбного и охотничьего промыслов и крупной промышленности – около 170 т; для прочих товаров производственного назначения – всего свыше 340 т; для медицинских препаратов и товаров – свыше 3 т [3, с. 132].

Третья группа таможенных льгот для Карело-Мурманского края – специальные скидки с общих таможенных тарифов по привозной и вывозной торговле, установленные Мурманским дифференциальным таможенным тарифом 1923 г. Мурманский порт расположен у выхода в открытый океан, он отличается глубиной, допускающей прием самых глубокосидящих морских судов, а также обладает незамерзаемостью в течение круглого года. Однако воспользоваться этими преимуществами мешает его отдаленность от производящих сельскохозяйственных и потребляющих промышленных районов и центров страны. Поэтому рассчитывать на «естественное» привлечение значительных грузов внешнеторгового оборота на Мурманское направление можно было лишь с того момента, когда Карело-Мурманский край сам бы превратился в высокоразвитый промышленный и сельскохозяйственный район. Поэтому грузы внешнеторгового оборота, без которых не могут существовать ни Мурманский порт, ни Мурманская железная дорога, могли быть привлечены лишь мероприятиями искусственного характера. Для этого был разработан Мурманский дифференциальный таможенный тариф с его значительными скидками на провоз товаров через Мурманск.

Для определения размера скидок с общего таможенного тарифа Таможенно-тарифным комитетом была исчислена стоимость провоза товаров по трем направлениям: Лондон – Мурманск – Москва, Лондон – Ленинград – Москва и Лондон – Рига – Москва. Наиболее дешевым направлением оказалось направление через Ригу, а наиболее дорогим – направление через Мурманск. Чтобы уравнять шансы Мурманского порта по сравнению с Ленинградским, в период летней навигации были установлены скидки с таможенного тарифа в пользу Мурманского направления, в размере разницы между стоимостью провоза товаров на Ленинград и Мурманск, с некоторой надбавкой к этой разнице, в качестве компенсации за лишнюю потерю времени при перевозке через Мурманск, и за другие невыгоды этого направления. Предполагалось, что Ленинград вполне будет обеспечен грузами за счет Финляндии, Швеции, Германии и других более выгодных для него стран. Что же касается зимней навигации, когда Ленинградский порт бездействует, то в целях усиления конкурентоспособности с Рижским и Эстонским направлениями, Мурманский таможенный тариф содержал для наиболее важных товаров скидки в еще более повышенных размерах (от 10 до 100 %) [3, с. 135].

Благодаря указанным скидкам, многие товары, обложенные пошлинами по общему тарифу, оказались беспошлинными при ввозе их через Мурманский порт. К числу таких товаров по Мурманскому тарифу относилось наряду с некоторыми продовольственными товарами (рис, мука, крупа, соль), также и важнейшее промышленное сырье (кожи и шкуры невыделанные, каучук, олово, свинец, цинк).

Результаты экспортно-импортных операций Мурманского порта и Мурманской железной дороги представлены в таблице [сост. авт. по: 3, с. 140].

Таблица

Год	Общий вес вывозимого товара (т)	Общая сумма вывозимого товара (руб.)	Общий вес ввозимого товара (т)	Общая сумма ввозимого товара (руб.)
1921	3625	4,850 млн	59 536	1,783 млн
1922	333	40 тыс.	36 391	598 тыс.
1923	29	17 тыс.	50 857	3,481 млн
1924	44044	2,706 млн	111 320	48,226 млн
1925	17096	1,487 млн	189 831	134,385 млн
1926	47960	4,778 млн	189 940	124 млн

По данным таблицы видно оживление экспорта через Мурманский порт в 1924–1926 гг., произошедшее за счет установленных для Мурманска льгот для перевозки по железным дорогам экспортных хлебных грузов – зерна, семян масличных, жмыхов и муки, которые и являлись основными экспортными товарами (падение экспорта в 1925 г. связано с плохим урожаем в тот год).

Основным импортным товаром, провозимым через Мурманск до 1923 г., был каменный уголь. В 1923 г. впервые в советском импорте через Мурманский порт появляются рис, сахар, сельди и треска, хлопок, части машин, суда и др., что было вызвано, опять же, введением льготно-торгового тарифа на все перечисленные товары. Еще более показательным является развитие импортных операций за эти годы.

Таким образом, при помощи таможенно-тарифного регулирования импорта в сочетании с льготами на железнодорожные тарифы при экспорте удалось осуществить мощное финансирование железной дороги Карело-Мурманского края, благодаря которому она и получила свою жизнеспособность. Железная дорога, в свою очередь, являлась базой для развития всех хозяйственных организаций края, имеющих задачу эксплуатации естественных богатств региона для его процветания и развития.

Научный руководитель Е. О. Завьялова

Литература

1. Кисловский Ю. Г. История таможенного дела и таможенной политики России / под общ. ред. А. Е. Жерихова. 3-е изд., доп. М. : РУСИНА-ПРЕСС, 2004. 592 с.
2. Агеева Е. А. Государственное регулирование потребительского рынка в период нэпа: возможности и противоречия // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков : материалы XVIII Междунар. науч. конф. Иваново, 3–4 апр. 2019 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2019. С. 416–422.
3. Потяев А. И. Теория таможенного дела. М. : Изд-во Наркомтога СССР и РСФСР, 1927. 164 с.

Ю. А. Геворкова

Иркутский государственный университет

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ 1917 ГОД В ИСТОЧНИКАХ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Начало XX в. Россия встретила на этапе перехода от традиционного общества к индустриальному. По мнению историков, такой переход сопровождается не только экономическими потрясениями, но и социальными.

Революционный 1917 г. – самый выдающийся год XX в., возведший начало новой постимперской эры в жизни россиян, истоками зарождения которой являлись, в первую очередь, рабочие демонстрации, подрыв экономики страны и протесты армии против участия в Первой мировой войне [3, с. 7]. Жажда перемен в России и стала основной движущей силой трансформации страны.

В связи с этим 2 марта 1917 г. под давлением народных масс во главе с пролетариатом, а также под влиянием объективных обстоятельств произошло свержение самодержавия. При активном участии В. В. Шульгина, А. И. Гучкова и А. Ф. Керенского Николай II подписал акт отречения от престола, приведший к разложению связей бюрократической элиты и существовавших партий [3, с. 39].

Определено, в стране царил невероятный революционный подъём. Были созданы Советы рабочих и солдатских депутатов и сформировано буржуазное Временное правительство. В результате, в России сложилось двоевластие с переплетением диктатуры буржуазии и революционно-демократической диктатуры. Как отмечает Н. В. Стариakov: «Почти сразу новая власть забрала Зимний дворец под свои учреждения. Там разместилось само Временное правительство» [3, с. 47]. Но несмотря на итог Февральской революции, параллельно подпольными силами РСДРП(б) стал разрабатываться план перехода России к социализму. В. И. Ленин отмечал, что существовавшая на тот момент экономическая отсталость не могла стать препятствием дальнейшему развитию политической системы страны [3, с. 32].

Февральская революция, отречение императора и возрастание роли рабочих являются тем «крутым переходом» от политического гнёта и правления буржуазного правительства к широкой политической свободе, приведшей к Октябрьской революции и установлению советской власти [1].

События февраля – октября смогли оставить в памяти современников не только основные особенности происходящего политического процесса, они имели ярко выраженную эмоциональную окраску для каждого из свидетелей или участников революционного 1917 г.

Целью данного исследования является представление образа повседневности и реакции на революционные события, нашедших своё отражение в воспоминаниях участников политической жизни России 1917 г.

Так, говоря о повседневности исследуемого нами периода, В. М. Зензинов, член партии социалистов-революционеров, писал в своём дневнике, что стачечное движение начиналось с раннего утра, все бастующие целенаправленно проникали в центр Петрограда, где они собирались в разных уголках города. Народ кричал: «Долой войну!», «Да здравствует свобода!». Люди выглядели мрачными, угнетёнными, как пишет автор: «Серые будни скрасили не только улицы, но и лица людей» [1, с. 139].

В. М. Зензинов смог дать очень чёткое описание обстановки февраля 1917 г. Читая его воспоминания, можно прочувствовать настроения, господствовавшие не только среди простых рабочих, но и в кругу политических лидеров. Например, автор особое внимание уделяет А. Ф. Керенскому. Последний предстаёт перед нами в лице сформировавшегося адвоката и политика, любимца общественности. Он постоянно над чем-то думал, размышлял, делая заметки в своих бумагах [1, с. 142]. В то же время, С. Д. Мстиславский, политик близкий к левым социалистам-революционерам, писал о А. Ф. Керенском, что он был твёрд в своём решении свергнуть самодержавие. У него не было мысли, чтобы всё бросить в самом начале его революционного пути. Ведь он шёл к этому уже с юности [2, с. 316].

Авторы воспоминаний отмечали, что с 27–28 февраля А. Ф. Керенский являлся первым человеком, кто начал арест жандармов, генералов, министров. А его первым арестантом был Б. В. Штюрмер (МИД). Те, кто был им арестован, считались «великими преступниками против революции» [1; 2].

В. М. Зензинов и С. Д. Мстиславский очень ярко смогли отразить, что в день отречения императора от престола А. Ф. Керенский наказал своим товарищам ни в коем случае не давить словесно и тем более не требовать от императора его решающей подписи. Он считал, что император и так понимает, что нужно делать, ведь уже тогда все условия были только для этого и созданы [1, с. 147; 2, с. 322].

Воспоминания указанных авторов позволяют нам детально познакомиться с настроениями, господствовавшими не только среди жителей Петрограда, но и в умах творцов революционного 1917 г.

То, что происходило в это же время с В. И. Лениным, нам помогли восстановить воспоминания его супруги, Н. К. Крупской. О том, что началась революция, В. И. Ленин узнал 27 февраля с некоторым возмущением: «Ни за что снова по типу второго Интернационала! Непременно более революционная программа и тактика! Завоевание власти «Советами рабочих и депутатов», а не кадетскими жуликами и трудовиками» [2, с. 220]. Собственно, как мы понимаем, под последними словами подразумевался А. Ф. Керенский. Н. К. Крупская не раз подчёркивает, что В. И. Ленин так и не смог принять революционную программу своего политического оппонента. М. А. Горький пишет о В. И. Ленине: «Мне часто приходилось говорить с Лениным о жестокости революционной тактики и быта. «Чего вы хотите? – удивлённо и гневно спрашивал он. – Возможна ли гуманность в такой небывало свирепой драке?»» [2, с. 224].

Можно сказать, что В. И. Ленин видел ту реальность, которая ожидает Россию. При этом и воспоминания таких авторов, как А. И. Судаков, В. Д. Набоков, П. Н. Милюков говорят нам о неизбежности тяжёлых и кровавых дней 1917 г. Владимир Ильич был суров не просто так, по мнению авторов, он понимал, что никто России не поможет, Европа ее блокирует, и задача России только бороться и сопротивляться, не допустить гибель великой страны на радость западным партнёрам [2, с. 286; 1, с. 200, 264].

По воспоминаниям Л. Д. Троцкого, члена РСДРП(б), известно, что сама по себе революционная борьба продолжалась до октября и завершилась «бесповоротной победой РСДРП(б)» [1, с. 436].

Такого же мнения придерживался и М. Д. Ботоев, член КПСС, развивая мысль о том, что народом страны и её лидерами (А. Ф. Керенский и В. И. Ленин) был сделан невероятный шаг вперёд. Ведь люди смогли открыть новые перспективы в развитии не только своих условий жизни, но и социально-экономических условий такой большой страны как Россия [3, с. 345].

Таким образом, дневники и воспоминания представляют собой ценный источник информации о революционных событиях и настроениях людей в 1917 г. Хотя, конечно, они не могут претендовать на всеобъемлющее и исчерпывающее описание нового политического этапа, выпавшего на долю России и Петрограда в тот период.

Рассмотренные нами источники личного происхождения позволяют оценить вклад таких лидеров, как В. И. Ленин и А. Ф. Керенский, в развитие политических событий в стране в период от февраля к октябрю 1917 г. Являясь отражением личного опыта и переживаний, данные источники, тем не менее, позволяют воссоздать картину революционной России и проследить эволюцию массового сознания в указанный период.

Научный руководитель А. А. Кружалина

Литература

1. Революция 1917 года глазами её руководителей : воспоминания / авт.-сост. Д. Анин. Рим : EDIZIONI AURORA, 1971. 531 с.
2. Крушение царизма: воспоминания участников революционного движения в Петрограде (1907–1917 г.) / авт.-сост. Р. Ш. Ганелин, В. А. Уланов. Л. : Лениздат, 1986. 432 с.
3. Стариakov Н. В. Разгадка «русской» революции. СПб. : Питер, 2012. 416 с.

М. А. Гущина

Иркутский государственный университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИТЕТОВ СОДЕЙСТВИЯ НАРОДНОСТЯМ СЕВЕРНЫХ ОКРАИН В 1924–1935 гг.

Большевики смотрели на развитие народов Севера с двух точек зрения. Во-первых, основной приоритет заключался в национальном возрождении и развитии периферийных территорий в рамках социалистического строительства. Во-вторых, им было необходимо более активное вовлечение коренных жителей в процесс формирования и развития советского государства [1, с. 27].

Однако социально-экономическое развитие территории расселения коренных народов Севера имело свою специфику. Эта территория очень велика, и отличается разнообразием природных условий, полезных ископаемых, транспортной ситуации. У живущих там людей разные виды основных занятий, различные социальные устройства и организация хозяйства. Для учета этой особенности и координации народов Севера 20 июня 1924 г. при Всесоюзном центральном исполнительном комитете создается Комитет содействия народностям северных окраин, с целью развития и поддержки народностей, проживающих на северных окраинах СССР. Особая политика проводилась именно по отношению к малочисленным народам, а не ко всем нерусским народам, живущим

щим на Севере. Это объясняется тем, что многочисленные народы СССР, такие как буряты и якуты, имели собственные национальные республики, и с точки зрения государственного устройства могли иметь собственный политический голос. А малочисленные народы не имели государственности и структуры управления.

В силу особенностей исторического развития эти народы не могли сами себя защищать, они нуждались в особом центральном органе, который бы представлял и защищал их интересы напрямую, таким органом и стал Комитет Севера при президиуме ВЦИК СССР.

Возглавлял Комитет содействия народностям северных окраин Петр Гермогенович Смидович. Весной 1925 г. согласно Декрету СНК РСФСР от 23 февраля 1925 г. Комитет приступил к работе [3].

Члены Комитета считали народы Севера жертвами нищеты и угнетения. Виновной в бедственном положении народов Севера сотрудники считали колониальную политику царского правительства, которое лишь эксплуатировало окраины, не заботясь о нуждах и просвещении местных народов. Поэтому задачей Комитета Севера стало исправление ситуации, защита интересов подопечных от пришлого населения и содействие экономическому и культурному развитию этих народов.

Для того чтобы выделить места компактного проживания коренных народов Севера, в начале 1930-х гг. создаются национальные округа и районы. Очень важное политическое наследие этой реформы – это вынесение имени коренных народов в название регионов, эти названия создали в сознании граждан страны некоторую связь между территорией и коренными жителями этой местности. Всем было ясно, что осваивать Север без опоры на коренное население почти невозможно. Во-первых, у людей из центра не было достаточных знаний местности, не было транспорта, чтобы передвигаться по региону, отсутствовали навыки для выживания на Севере. Изучение территорий и народов, подведомственных Комитету, стало первым шагом их работы. Для этого были организованы исследовательские группы, объединенные в рамках районных экспедиций, а также разрабатывались проекты землеустройства. В состав экспедиций нередко были включены инженер-землестроитель, охотовед, экономист, медик, чтобы участники могли профессионально оценить ситуацию на исследуемой территории [1, с. 28].

В процессе своей деятельности Комитет Севера определил задачи хозяйственного освоения территорий, населенных северными

народами. 5 сентября 1925 г. состоялось заседание Краевого комитета, на нем присутствовали представители различных отраслей, включая железнодорожников и речников. В северной части Сибири практически не было регулярного транспорта как водного, потому что использование рек было ограничено, так и наземного, именно эта проблема была рассмотрена на заседании. По итогу было рекомендовано ускорить строительство Илимского тракта, а также решено активно сотрудничать с Комитетом северного морского пути для поставки товаров коренным жителям по устьям сибирских рек [1, с. 29–30].

В Комитете Севера понимали, что нужно срочно развивать и поднимать культурный уровень населения. Ситуацию усложняло то, что все северные народности были неграмотными, отсутствовала образованная прослойка, на которую можно опереться при создании школ, не было учебников на родных языках и письменности с грамматическим описанием этих языков. Часто не было даже хоть каких-то поселков, в которых можно было открыть школы. Поэтому комитеты севера ставили перед собой задачу подготовки национальных кадров, для школ, где бы преподавание велось на родном языке.

В 1931 г. создается письменность, которая использует латинскую графику для эскимосского, чукотского и корякского языка, а позже, в 1936–1937 гг., эти языки переводятся на русскую систему письма. Над разработкой алфавитов работали ученые, лингвисты, писатели и поэты, коллегиально они исследовали всевозможные варианты. Окончательный вариант письменности принимали сами носители языка, ведь именно им предстояло его учить [2].

Для того чтобы школы стали доступными, а советская власть была ближе к населению, по решению комитетов севера создаются специальные форпосты советской власти и культуры – культбазы, которые включали кочевые школы и красные чумы – передвижные учреждения культуры, в том числе занимавшиеся ликвидацией неграмотности. Культбазы делились на три звена: школа-интернат, медико-профилактический пункт и ветеринарно-зоотехнический пункт.

Специальное внимание в школах уделялось вопросам социалистической реорганизации северного хозяйства. В учебных заведениях проводились занятия, посвященные различным производственным навыкам, таким как ремонт ружей и капканов, обработка мехов, слесарные работы. В рамках медико-профилактического пункта, включавшего медико-диагностический кабинет, стацио-

нарную и амбулаторную больницы, предоставлялись различные медицинские услуги. Такой пункт организовывал детские сады, больницы и проводил вакцинацию оспы. Он также занимался подготовкой кадров низшего медицинского персонала и занимался санитарным просвещением. В ветеринарном пункте внедрялись зоотехнические понятия в хозяйство оленеводов. Пункты были оборудованы для проведения диагностики и лечения животных. Например, ветеринары на Туринской культбазе боролись с распространением инфекционного заболевания среди оленей, проводя систематическую работу по контролю и лечению [4, с. 28–38].

После включения Комитета содействия народностям северных окраин в государственный механизм, были предприняты попытки решить проблемы, с которыми сталкивалось коренное население Севера. Однако из-за серьезности характера этих проблем и ограниченности ресурсов советского государства не все из них удалось решить полностью. Основная задача деятельности комитетов заключалась в привлечении внимания к проблемам коренных народностей Севера в освоении Арктики. Они стремились дать огласку социальным, экономическим и культурным проблемам, с которыми сталкивались этнические группы, проживающие в суровых условиях Севера. Благодаря работе комитетов удалось получить представление о ресурсах северного ареала, предпринимались первые шаги по укреплению экономики коренных народностей Севера и по борьбе с вымиранием населения.

Научный руководитель В. А. Шаламов

Литература

1. Исаев В. И. Деятельность Сибирских комитетов содействия народностям северных окраин по освоению арктических территорий во второй половине 1920-х гг. // Северный регион: наука, образование, культура. 2019. № 1–2. С. 41–42.
2. Киреенко А. Лингвистическое строительство в СССР: как бесписьменные народы получали алфавит. 2020 // Vatnikstan.ru : сайт. URL: https://vatnikstan.ru/history/soviet_lingvoconstr/. (дата обращения: 20.10.2023)
3. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР за 1925. М. : Упр. делами СНК РСФСР, 1925. № 18. Ст. 113
4. Суслов И. М. 15 Культбаз // Советский Север. 1934. № 1. С. 28–38.
5. Чурсина А. С. Культбаза – центр просветительской работы среди коренного населения Сибири // The Newman in Foreign policy. 2018. № 43 С. 87.

Н. В. Кулиш

Иркутский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ И КОНФЛИКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ КОММЕМОРАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СССР

Интерпретация Гражданской войны как особого исторического события, а значит и инструмента для проведения политики памяти, всегда занимала особое место и в пантеоне государственной пропаганды, и в общественном сознании. На протяжении более чем 70 лет советской власти, Гражданская война являлась объединяющим символом, и логика работы с этим историческим событием пусть и проходила в едином русле мифа основания, но имела различные официальные трактовки, в зависимости от политической ситуации внутри правящей партии, или внутри страны в целом. Общественная же трактовка событий являлась менее гибкой и консервативной, и оттого не менялась с каждой попыткой поворота политики памяти в удобное русло.

С точки зрения государства, Гражданская война представлялась героическим событием, которое должно сыграть на благо общества и установить более прогрессивный порядок. И несмотря на то, что идеологически государство брало на себя ответственность за «освобождение масс» и перенос войны внутрь России, ужасы массовой войны, которые всегда присутствуют в народном сознании, как правило перекладывались на противника. Прямыми тому подтверждением могут служить работы В. И. Ленина, главного идеолога государства и самой популярной политической фигуры 1920-х гг. «Превращение империалистской войны в гражданскую не может быть «сделано», как нельзя «сделать» революции, – оно вырастает из целого ряда многообразных явлений...» [3, с. 289]. «И такое вырастание невозможно без ряда военных неудач и поражений тех правительств, которым наносят удары их собственные угнетенные классы. Отказываться от лозунга поражения – значит превращать свою революционность в пустую фразу или одно лицемерие» [3, с. 289]. Таким образом, поскольку советская власть брала на себя ответственность за «освобождение масс» и перенос войны внутрь России, то ей требовалось особенно тщательно освещать собственную точку зрения на историческое событие, конфликт памяти начинался уже с первооснов.

Первый период существования политики памяти включал в себя 1920-е гг. и характеризовался ещё несформировавшимся официозом. Из-за непрерывной политической борьбы было невозможно сформировать единый и универсальный образ события, поэтому всяческие «народные» трактовки, немыслимые в более поздних эпохах, шли вразрез с линией расколотого политического центра. Однако само желание выстроить собственную систему коммеморации создавало первый важный конфликт в дальнейшей истории политики памяти. В первую очередь этот конфликт отразился в литературных произведениях эпохи, яркий пример тому «Конармия» Исаака Бабеля. Поначалу сборник рассказов хоть и сталкивался с критикой, но всё же считался в высших армейских и политических кругах, как произведение, прославлявшую победившую сторону. Однако описывая реалистичный образ советского солдата, который, например, мог позволить себе мыслить категориями пренебрежения по национальному признаку, Бабель совершенно не попадал в нарратив нарождающейся пропаганды, стремившейся создать чистый и выхолощенный образ солдата РККА. К тому же, поскольку «Конармия» описывала реальных людей, служивших в одном из самых элитных военных формирований РККА, то спустя время, когда эти люди попадали в опалу, государственная цензура убирала упоминания персонажей из рассказов [4, с. 229–286].

Благодаря многочисленным жестоким и репрессивным мерам со стороны белого движения, массово травмированное общественное сознание укрепило традиционный способ коммеморации событий – мемориализацию могил. Учитывая специфику репрессий, их массовость, захоронения зачастую становились групповыми, и их мемориализация становилась главным символом народной памяти. Здесь государственный интерес прямо пересекался с общественным: помимо сохранения памяти о погибших бойцах революции, государство могло рассчитывать на установку памятников, на которых бы увековечивался воинский подвиг, но при этом не сохранялись имена людей, которые могли выпасть из политического курса правящей элиты. Однако периодические конфликты всё равно случались и в этой области, так, нам известен случай, когда память о региональных героях Гражданской войны смещалась на память о периоде революции 1905 г. [2, с. 63].

Мемориализация, шедшая по линии ВООПИиК, в основном была связана именно с общественной коммеморацией в виде установки памятников местным героям и памятников на месте массо-

вых захоронений, в то время как государственный нарратив о героях революции и войны, хоть и не противоречил линии ВООПИиК, но иногда всё же порождал курьёзы. «Так, основным памятным местом Новосибирска, связанным с революцией, стал считаться вокзал, поскольку условно в месте его расположения один раз в жизни побывал В. И. Ленин, ехавший в ссылку в с. Шушенское» [2, с. 63].

В сфере кинематографа, не подчиненного государственному нарративу полностью, конфликты обретали не столь явный характер, как в случае с мемориализацией. Поскольку общество, в отличие от государства, является менее монолитной структурой, то и конфликты строились на проблемах отдельных его частей, и одной из таких частей стала творческая интеллигенция. Начиная с конца 1960-х гг., с популяризации жанра истернов, образ врага в кинематографе начинает меняться от явно отрицательного до умеренного-положительного, в частности, происходят попытки реабилитации белых солдат и офицеров [5, с. 27]. Такой образ, диктуемый режиссёрской модой начала застоя, если не вызвал в партийных рядах дискуссию, то как минимум послужил одной из причин усиления партийного контроля над работой киноиндустрии [1, с. 520].

Таким образом, представляя картину частных конфликтов, и имея представление об их глубине, мы можем сделать несколько выводов об их особенностях и причинах. Конфликты можно поделить сразу на несколько групп: затрагивающие широкие народные массы, как в случае конфликта с перепредставленностью центральной власти по отношению к местным местам памяти, и затрагивающие представления отдельных групп общества, будь то армия, интеллигенция или профессиональное сообщество, как это происходило в сфере культуры.

Учитывая волнообразную периодичность смены государственного нарратива, конфликты могли возникать не сколько по причине принципиальной разницы во взглядах, сколько из-за желания государства подчеркнуть свою роль в событиях Гражданской войны, сделать ее не столько определенно решающей, сколько подчеркнуто важной. Наиболее глубокие же проблемы имели место быть не с памятью широких масс, а с памятью узких групп, чьи взгляды отличались от государственных ввиду особого статуса. Особенно это становится заметно в переходные периоды, либо когда «официальная легенда» уже изменилась, а общество осталось на прежних позициях, либо когда общественные взгляды отделялись от государственных. Такая особенность взаимоотношений

общества и государства началась как родовая травма советской политики памяти, и последовательно пройдя через все этапы её эволюции и развития, она сохранится вплоть до распада Советского Союза, в дальнейшем оставив своё наследство уже новообразовавшимся государствам.

Научный руководитель В. А. Шаламов

Литература

1. Волков Е. В. Белое движение в культурной памяти советского общества: эволюция «образа врага» : дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2009. 608 с.
2. Красильникова Е. И., Наумов С. С. Исторические символы революции и гражданской войны в публичном пространстве сибирских городов: изгибы политики памяти (1920-2010-е гг.) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2020. Т. 7, № 2(26). С. 58–69.
3. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М. : Изд-во полит. лит., 1965. Т. 26 : Государство и революция. 590 с.
4. Парсамов Ю. В., Фельдман Д. М. Границы скандала: цикл новелл И. Бабеля «Конармия» в литературно-политическом контексте 1920-х годов // Вопросы литературы. 2011. № 6. С. 229–286.
5. Laruelle M., Karnysheva M. Memory politics and Russian Civil War: Reds Versus Whites. London : Bloomsbury Publishing, 2021. 158 p.

Д. Е. Середа

Томский государственный университет

МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ

В условиях проведения всевозможных государственных преобразований всё большую актуальность приобретают вопросы модернизации действующей системы высшего юридического образования. Однако совершенствование такой системы, в первую очередь, предполагает исследование исторического опыта прошлого. В перспективе именно такое исследование позволит избежать повторения системных ошибок при проведении реформы юридического образования на современном этапе.

Тема воспроизводства профессиональных юридических кадров на протяжении длительного периода времени оказывалась внутри актуального правоведческого дискурса. При этом вопросы усовершенствования подготовки юристов в переходные периоды истории страны системного отражения в исследованиях по развитию юри-

дического образования так и не получили. Данный факт обусловил выбор темы настоящей работы, целью которой стало выявление особенностей модернизации системы высшего юридического образования в 1985–1991 гг.

Общеизвестно, что в середине 1980-х гг. начался новый этап советской истории, связанный с началом в СССР перестройки. Именно в этот период была осуществлена очередная попытка модернизации отечественной системы высшего юридического образования, которая к этому времени считалась недостаточно эффективной, не способной к нормальному функционированию в условиях рыночных реформ и интеграции страны в международное правовое поле.

С началом перестройки в системе высшего образования получили своё развитие новые процессы, обусловленные, в том числе, актуализацией прежних и появлением новых (альтернативных советскому варианту марксизма) теорий. Активно утверждались новые политico-правовые ценности: свобода слова, гласность, плюрализм мнений и т. п. Жизнедеятельность советского общества определялась политическим курсом, выработанным XXVII съездом КПСС, наметившим, среди прочего, реализацию системы мер по совершенствованию идеейно-политической и пропагандистской работы партии, а также укреплению связи идеологии с жизнью.

Большое значение в вопросе модернизации действовавшей на тот момент системы образования по-прежнему имели партийные постановления в области совершенствования организации высшей школы в изменяющихся социально-политических условиях, а также в области кадровой политики 1986–1987 гг. В частности, на организацию подготовки юридических кадров оказали влияние следующие Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР: «О мерах по коренному улучшению качества подготовки и использования специалистов с высшим образованием в народном хозяйстве» [5], «О повышении роли вузовской науки в ускорении научно-технического прогресса, улучшении качества подготовки специалистов» [6], «О мерах по улучшению подготовки и использования научно-педагогических и научных кадров» [7] и т. п. В упомянутых документах определялся курс на очередное повышение качества подготовки студентов юридических специальностей, а также была сформулирована программа практических действий по реформе высшего образования. Однако реализация такого курса была затруднена ввиду отсутствия законодательно закреплённых организационных, финансовых и контрольных механизмов, спо-

собных оказать позитивное воздействие на активность различных ведомств в обеспечении юридической подготовки своих сотрудников. Кроме того, всё ещё отсутствовал чётко закреплённый перечень должностей, которые могли замещаться исключительно лицами с высшим юридическим образованием.

Обострение внутриполитической ситуации в стране оказало большое влияние на реформирование высшей юридической школы к концу 1980-х гг. На первый план стали выдвигаться требования деполитизации и декоммунизации общественно значимых процессов в стране. Пожалуй, наибольшее значение в этом смысле имело принятие приказа Госкомитета СССР по народному образованию № 685 «О перестройке преподавания общественных наук в высших учебных заведениях» 1989 г. [8]. В вузах прекращалось изучение такой дисциплины, как «Научный коммунизм». Вместо «Истории КПСС» вводился курс «Социально-политическая история XX века».

Главным образом, модернизация высшего юридического образования проявлялась в изменениях, происходивших в структуре учебных курсов, а также методике обучения студентов. Отныне внедрялись методологические новации, в том числе, новые принципы обучения учебному курсу советского государственного права [4, с. 73], деловые игры с использованием ЭВМ [3, с. 76] и т. п.

Именно в этот период началось возрождение некоторых традиций дореволюционной юридической школы в методической сфере. В юридической литературе всё чаще обращалось внимание на необходимость усвоения такого полезного опыта. В. С. Основин справедливо указывал на то, что преподавание советского государственного права долгое время осуществлялось «по принципу безудержного восхваления советских государственно-правовых институтов и разносной критике буржуазных. Оставались в тени позитивные достижения буржуазной демократии, накопленные ею ценности, служившие достоянием человеческой культуры в целом, ценности, которые должны быть использованы и в практике социалистической государственности» [4, с. 74].

Свое развитие получили различные формы проведения семинарских занятий. Изменялась методика проведения лекций и семинаров, основной функцией которых становился контроль за самостоятельной работой студентов. Соответственно, лекционная нагрузка уменьшалась в пользу семинарских занятий, что не могло не сказаться на качестве подготовки будущих юристов.

Учебный процесс все еще находился под большим влиянием марксистско-ленинской идеологической парадигмы, что создавало некоторые ограничения в совершенствовании уровня теоретической подготовки студентов. В статье авторского коллектива юридического факультета Ростовского государственного университета в 1988 г. подчеркивалось: «Смысл реформы в том, чтобы сформировать специалиста с глубоким марксистско-ленинским мировоззрением, основательными теоретическими знаниями, развитым правовым мышлением – гибким, подвижным, способным анализировать и синтезировать явления жизни» [1, с. 13].

К концу 1980-х гг. отставание уровня подготовки юридических кадров от потребностей государства продолжало сохраняться. Научно-педагогические кадры нередко переходили в предпринимательский сектор, во властные структуры или же в более успешные вузы, что также негативным образом отражалось на качестве преподавательского корпуса. В «Концепции юридического образования в СССР на 1990–2000 гг.» указывалось, что юридический корпус страны, «насчитывающий ныне 218 тыс. юристов с высшим образованием и 51 тыс. юристов со средним юридическим образованием», по своему количественному составу «не отвечает требованиям, предъявляемым к нему обществом, не соответствует уровню и перспективным тенденциям развития юридических служб в мире» [2, с. 21].

Ограничиваясь изложенным, можно заключить, что модернизация юридического образования периода перестройки во многом характеризовалась своей фрагментарностью и неоднозначностью. С одной стороны, осуществлялось внедрение новых научно-педагогических методик, происходила корректировка методологических основ юридического образования в сторону их либерализации, с другой же стороны – такие новшества были ограничены рамками марксистско-ленинской правовой парадигмы. Большинство принципов системы высшего юридического образования остались прежними, но вместе с тем именно в этот период были заложены научно-теоретические и методические основы для будущих изменений в этой области в конце XX в.

Научный руководитель Д. В. Хаминов

Литература

1. Методические и учебно-воспитательные проблемы перестройки высшего образования / И. С. Вишневская, С. А. Зинченко, К. Д. Кормасова, Э. В. Лисневский, В. Я. Любашец // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1988. № 3. С. 12–17.

2. Концепция развития юридического образования в СССР // Вестник МГУ. Серия 11, Право. 1989. № 6. С. 20–27.
3. Молдован В. В. Совершенствовать методику обучения студентов юридических вузов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1989. № 3. С. 76–78.
4. Основин В. С. О совершенствовании преподавания курса советского государственного права в условиях перестройки // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1990. № 1. С. 72–75.
5. О мерах по коренному улучшению качества подготовки и использования специалистов с высшим образованием в народном хозяйстве : постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 13 марта 1987 г. № 325 // Собрание постановлений Правительства СССР. 1987. Отд. 1. № 23. Ст. 82.
6. О повышении роли вузовской науки в ускорении научно-технического прогресса, улучшении качества подготовки специалистов : постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 13 марта 1987 г. № 326 // Собрание постановлений Правительства СССР. 1987. Отд. 1. № 24. Ст. 84.
7. О мерах по улучшению подготовки и использования научно-педагогических и научных кадров : постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 13 марта 1987 г. № 327 // Собрание постановлений Правительства СССР. 1987. Отдел 1. № 24. Ст. 85.
8. О перестройке преподавания общественных наук в высших учебных заведениях страны : приказ Государственного комитета СССР по народному образованию от 22 авг. 1989 г. № 685 // Бюллетень Государственного комитета Российской Федерации по народному образованию. Серия. Высшие и средние педагогические учебные заведения, средние общеобразовательные школы всех типов, дошкольные и внешкольные учреждения. 1989. № 11.

И. В. Шиколовский

Иркутский государственный университет

ПРИЧИНЫ СОЗДАНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО- ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Было бы неправильно сказать, что расследование преступлений немецко-фашистских захватчиков на территории СССР началось только после создания Чрезвычайной государственной комиссии в ноябре 1942 г. Если опираться на датировку, приведенную в научной статье И. Ф. Алферовой и В. Ф. Блохина, то фиксация преступлений Вермахта и его союзников началась уже с февраля 1942 г., а расследования партизанскими отрядами проходили спустя полгода, т. е. летом – в начале осени 1942 г. [1, с. 10]

Но речь о возмездии, наказании за преступления шла еще до этого. Ведь уже в 1941 г. в газете «Известия», «Правда», «Знамя

Ильича», да и во многих других изданиях, была опубликованы статьи под названиями вроде «Фашистско-немецкие мерзавцы». Суть данных статей заключалась в том, чтобы донести до обычного советского человека, который находился на фронте и в тылу, что вытворяют «мерзавцы» на советской земле. Если брать за основу ранее упомянутую статью, то фашистские войска насилуют и сгнояют в публичные солдатские дома (бордели) матерей, сестер и жен советских граждан, немцы расстреливают из MG, основного пулемёта немецкой армии, обычных и безоружных мирных граждан, уничтожая при этом госпитальные суда с больными и ранеными, бомбят санитарные поезда, расстреливают из тяжелой артиллерии госпитали и из орудий ПВО санитарные самолеты [4]. Это обобщающее описание действий врага, которое, скорее, было способом его демонизировать, чтобы не было никакой жалости к нему, как покажут расследования, могло вполне соответствовать реальности.

Затем была опубликована нота народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова, посвященная повсеместным грабежам, разорениям населения и чудовищным действиям германских властей на захваченных ими советских территориях [3], где также говорилось о преступлениях захватчиков. В ноте был упомянут факт совершения военного преступления группой армий «Центр», возглавляемой генерал-фельдмаршалом Федором фон Боком. В ходе масштабного наступления на Москву, в деревне Колпино Смоленской области, немецко-фашистские солдаты захватили каждого советского гражданина, невзирая на его расу, пол, принадлежность к партии. Пленников использовали в качестве рабочей силы для ремонта и постройки мостов, а также блиндажей. После завершения строительства укреплений всех причастных казнили [3]. Это лишь один из примеров, хотя Вячеслав Михайлович приводит достаточно большой список всех зверств, которые совершали не только по отношению к гражданскому населению, но и по отношению к военнопленным красноармейцам, т. е. солдаты вермахта нарушили 82-ю статью Женевской конвенции, а также «Положение о военнопленных», созданное СССР в качестве альтернативы международной конвенции.

В Женевской конвенции упоминается важный момент, суть которого заключается в том, что положения конвенции должны соблюдаться всеми сторонами при всех обстоятельствах. Если на момент военных действий какая-либо страна, участвующая в конфликте, не подписала этот документ, то его положения остаются обязательными для всех воюющих, которые подписали конвенцию

[2]. Это означает, что если страна подписала конвенцию, то должна в любом случае её соблюдать, даже если вражеское государство не подписало ее или имеет альтернативный, но схожий документ.

В указанной ноте В. М. Молотова говорилось, что советское правительство и им созданные органы ведут полный учет всех зверских преступлений гитлеровской армии и ее союзников, за которые весь негодующий советский народ требует и добьется возмездия. То есть основа для деятельности Чрезвычайной государственной комиссии была создана, если исходить из слов народного комиссара иностранных дел [3].

Летом 1942 г. управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) было принято решение о создании специальной Чрезвычайной государственной комиссии. Суть заключалась в расследовании преступления фашистов, но была проблема в том, что в первую очередь акцент делался на материальной составляющей ущерба. Комиссию возглавил Георгий Фёдорович Александров, который подготовил письмо, где говорил, что ряд организаций взяли на себя полный учет и сбор материалов о преступлениях вермахта, дивизий СС и союзников Третьего Рейха в 1941–1942 гг. [1, с. 12], но в нём же было упомянуто, что полученный материал можно использовать лишь в пропагандистской деятельности, а после завершения войны он будет совершенно бесполезным. Поэтому было принято решение на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. о создании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

Когда орган был создан, было понятно, что поражение Третьего Рейха и его союзников являлось лишь делом времени, а вопрос о преступлениях солдат Вермахта и подразделений СС и наказании для совершивших их будет поднят одним из первых.

Каковы же были направления деятельности Чрезвычайной государственной комиссии?

Всего можно выделить четыре направления:

1) учет всех преступлений, совершенных солдатами вермахта и их союзниками, а также учёт материальных потерь;

2) организация совместной работы государственных органов по учёту преступлений и ущерба, нанесенного солдатами вермахта и союзниками;

3) определение ущерба, нанесённого немецкими захватчиками и их союзниками гражданам Советского Союза, и установление размеров возможного возмещения за понесенный личный ущерб;

4) установление личности каждого преступника, независимо от его политической принадлежности, страны происхождения и т. д., который совершил преступления на территории Советского Союза, чтобы подвергнуть его имя огласке в ходе расследования [1, с. 13].

Это были основные векторы деятельности Чрезвычайной государственной комиссии, с опорой на результаты которой началось масштабное расследование преступлений немецко-фашистских войск. Результаты расследования были использованы на Нюрнбергском процессе и всех последующих судебных процессах.

Научный руководитель В. А. Шаламов

Литература

1. Алферова И. В., Блохин В. Ф. Основание и деятельность Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (1942–1945 гг.) // Вестник Брянского государственного университета. 2020. № 4 (46). С. 9–19.
2. Женевская конвенция об обращении с военнопленными (1929) // Викитека : [сайт]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Женевская_конвенция_об_ обращении_с_военнопленными_\(1929\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Женевская_конвенция_об_ обращении_с_военнопленными_(1929)) (дата обращения: 16.10.2023).
3. Нота народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова // Красная звезда. 1942. № 5 (5069). 7 янв.
4. Фашистско-немецкие мерзавцы // Известия. 1941. № 210 (7586). 5 сент.

А. Р. Юсопова

Иркутский государственный университет

СИМВОЛИКА РЕТРОТОПИИ В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Процессы глобализации и интеграции культур побуждают исследователей обратить внимание на символы, несущие в себе ценности, выступающие в роли универсального элемента коммуникации. Символ – это образ, выступающий в качестве посредника в процессе познания человеком мира [3]. Стоит отметить, что в культуре взаимодействуют разнообразные символы, наполненные новыми смыслами или, напротив, сохраняющие в себе образ историко-культурной эпохи. Использование символов прошлого прослеживается в современной массовой культуре на примере кинофильмов, музыки, живописи и т. д. Это явление получило название «ретротопия», и было введено в научный оборот британским социологом Зигмунтом Бауманом в одноименной книге [1].

Основную суть концепции ретротопии можно охарактеризовать словосочетанием «будущее кроется в прошлом». Именно прошлое становится источником стабильности и безопасности для человека, в свою очередь, как будущее наполнено тревогами и страхами, связанными с внутренней неудовлетворенностью ситуацией современной неустойчивости [1]. Но, необходимо отметить, что феномен ретротопии не подразумевает возврата к подлинному прошлому, а наоборот, выстраивает образ идеализированной эпохи, транслируемый в информационной повестке. Сконструированный образ прошлого постоянно трансформируется под влиянием ностальгирующих индивидов и групп, становясь для них иллюзорной опорой. Ретротопический дискурс можно обнаружить в российской культуре последнего десятилетия, активно проявляющийся в современных фильмах и сериалах, описывающие события советской эпохи [5]. Чаще всего кинокартины посвящены периодам «оттепели» и «застоя». Перечислим некоторые из них: «Обратная сторона луны» (2012 г.) Александра Котта, «Красная королева» (2015 г.) Алены Семеновой, «Наше счастливое завтра» (2016 г.) Игоря Копылова, «Довлатов» (2018 г.) Алексея Германа-младшего, «Обленихове лето» (2018 г.) Виктора Алферова и др. [2; 4] Популярность ретрофильмов объясняется несколькими факторами: во-первых, они олицетворяют образ стабильного прошлого, помогая человеку, хотя и мимо, справиться с внутренними страхами, обеспечивая чувство безопасности, непредсказуемое будущее же выступает как антитеза. Во-вторых, они отчасти помогают преодолеть распад идентичности тем, кто потерял представление о себе и не смог до конца приспособиться к изменениям в современном обществе. В-третьих, ретротопии помогают возвращаться в прошлое для того, чтобы справиться с актуальными вызовами.

Современные фильмы, описывающие советскую эпоху, в основном посвящены конкретным событиям или периоду, однако зачастую в них прослеживается описание творческой биографии. Так, например, байопик «Обленихове лето» режиссера Виктора Алферова описывает последний год жизни прозаика и драматурга Александра Вампилова [2]. Фильм насыщен эпизодами советской действительности, однако при просмотре возникает чувство пустоты и одиночества из-за переживаний А. Вампилова и других героев, безлюдных улиц Иркутска. Тоска подкрепляется серыми красками, в которых снят фильм, такое решение режиссера показывает зрителю тяжёлые и трагические события жизни А. Вампилова [2]. При погружении в биографию драматурга, перед человеком

предстает советская эпоха, с ее трагическими эпизодами и травмами, с которыми приходилось справляться обычным людям. Себя тонна фильма олицетворяют собой эпоху «застоя», герои, жаждущие изменений, погружаясь в ностальгические чувства, подталкивают зрителя проводить параллели между экранными персонажами и современной действительностью. Следовательно, ретротопии не всегда идеализируют прошлое, наоборот, иногда они сосредотачивают внимание на его негативных аспектах. Но в этом и проявляется парадокс этого феномена: никогда не существовало «хорошего» прошлого, всегда присутствовали негативные события, в чем же тогда человек ищет опору? Он воспринимает и принимает за действительность прошлое, укоренившееся в массовом сознании большинства населения страны [5]. Ретротопия не претендует на создание идеального мира, напротив, она показывает пороки прошлого, но для человека они не так страшны, потому что уже проходены, а будущее таит в себе еще неизведенную опасность, заставляя человека постоянно жить в состоянии неопределенности.

Таким образом, советские ретросимволы занимают особое место в современной массовой культуре, это связано с ностальгическими чувствами по Советскому Союзу. Символы прошедшей эпохи выстраивают в сознании общественности определенные убеждения, ценности и направления, создавая, таким образом, образ гарантии стабильности для человека, обеспечивая ему чувство уверенности в себе. Манипулирование коллективной памятью за счет создания и навязывания конкретных символов приводит к утверждению ценностей современного общества за счет отрицания утопии минувшей эпохи. Другими словами, использование символов включает в себя механизмы манипулирования общественным сознанием за счет создания мнимой интерпретации реальности.

Научный руководитель И. В. Олейников

Литература

1. Бауман З. Ретротопия / пер. с англ. В. Л. Силаевой ; под науч. ред. О. А. Оберемко. М. : ВЦИОМ, 2019.
2. Брюханова Ю. М., Олейников И. В. Современный российский байопик: реализация сюжета «Художник и Власть в эпоху застоя» // Культ-товары. Коммерциализация истории в массовой культуре : монография / ред. М. П. Абашева, М. А. Литовская, И. Л. Савкина, М. А. Черняк. М. ; Екатеринбург : Кабинет. ученый, 2020. С. 273–286.
3. Демидова М. В. Понятие символ: социально-философский подход // Актуальные вопросы общественных наук: социология политология, философия, история. Новосибирск : СибАК, 2013. С. 23–30. URL: <https://clek.ru/36DQx6> (дата обращения: 23.10.2023).

4. Липовецкий М. Н. Сериальная ретротопия // Культ-товары. Коммерциализация истории в массовой культуре / ред. М. П. Абашева, М. А. Литовская, И. Л. Савкина, М. А. Черняк. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2020. С. 286–301.

5. Шапинская Е. Н. Символика ретротопии в (пост)современной массовой культуре: новая жизнь советского мифа // Вестник культурологии. 2023. № 2 (105). С. 245–258. URL: <https://clck.ru/36CJAh> (дата обращения: 23.10.2023).

СЕКЦИЯ

МИРОВАЯ ИСТОРИЯ ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

М. В. Артемьевичева

Иркутский государственный университет

ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК В КАРОЛИНГСКОЙ ИМПЕРИИ: РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ, УРОВЕНЬ ВЛАДЕНИЯ И СТАТУС

В начале IX в. в Европе существовали две империи, считающие себя наследницами античной Римской империи – Каролингская и Византийская. Франкское государство в непродолжительный период расцвета Каролингской монархии, наравне с Византией, являлось одним из основных акторов международных отношений в Европе. Этим объясняются высокие оценки важности взаимоотношений с Константинополем у представителей франкской знати той эпохи, пример чего можно встретить в записи за 814 г. в Анналах Королевства франков [1]. Такие суждения франкской знати интересны и значимы не только тем, как авторы отзываются о греках в текстах, написанных на латинском языке, но и тем, что они позволяют оценить отношение знати к греческому языку, уровень его распространённости и качество владения им у элиты Каролингской эпохи.

Отметим, что владение греческим языком было редким явлением в Меровингской Галлии, даже среди южных знатных галло-римских семей. Это объясняется негативным отношением Церкви к образованию из-за его всё ещё тесной связи с античным наследием: подобные взгляды были у папы Григория Великого – одного из главных раннесредневековых христианских авторитетов в Ев-

ропе [2, с. 227]. Однако по косвенным признакам можно предположить, что знающие греческий язык в Меровингской Галлии были. Так, у Григория Турского можно найти свидетельства о немногочисленных франкских посольствах в Византию (например, в главах 2, 4 книги X [9, с. 285–288]), в состав которых могли входить знатные люди, владеющие греческим. Также у Григория Турского (в книге III, главе 33) можно встретить упоминание о человеке, который был постоянным послом в Византии от двора короля Теодеберта – знатного галло-римлянина Секундина. Являясь постоянным послом в Византии, он не мог не знать язык Восточной Римской империи. Своим положением Секундин очень гордился (сам Григорий Турский с позиций христианской морали осуждает гордыню Секундина) [9, с. 78], что может говорить о высоком статусе постоянного посла в Константинополь и знающего греческий язык человека.

Со второй половины VIII в. положение греческого языка во Франкском государстве меняется. Эти изменения были вызваны трансформацией во внутренней и внешней политике франкских правителей и появлением, по сути, полноценной Каролингской «идеологии» или «общей идеи» богоспасительной империи. Главными направлениями внешней политики Каролингов, и это было задано упомянутой «идеологией» империи, стали стремление к объединению, расширению христианского мира, и к доминированию франкской власти в нём. Поэтому, начиная с 757 г. (константинопольское посольство этого года, прибывшее с подарком (музыкальным органом) к Пипину «Короткому», упоминается сразу в нескольких анналах: в Мецких, Петавианских, Назарианских и в Анналах королевства франков [1; 3; 4; 5]), обоядная франкская и византийская посольская деятельность становится особенно оживлённой. В анналы даже заносили имена как франкских, так и греческих послов (как в записи за 797 г. в Анналах королевства франков [1] или как в главе 9 «Деяний короля Людовика» Тегана [7]). В то же время, вследствие борьбы за доминирование в христианском мире Франкское государство вступало в конфронтацию с Византией за территории (например, в 806–810 гг.) и духовное лидерство. Примером последнего могут являться Церковные поместные соборы в Галлии, которые обсуждали «иконные» споры греков, осуждение VII Вселенского Собора и издание *Libri Carolini*. Некоторые исследователи выдвигают предположение, что иконоборческие периоды в Византии могли порождать миграцию творческого (художники, книжные иллюстраторы) или несо-

гласного с иконоборчеством греческого духовенства: данной гипотезы придерживается, например, А. И. Сидоров [6, с. 198, 201]. Все перечисленные мирные и немирные контакты с Византийским миром должны были способствовать росту популярности и развитию более глубокого изучения греческого языка среди франкских элит.

Однако коренных изменений не произошло. Сейчас в науке консенсусным является мнение, что знание франками греческого языка было поверхностным и было слабо распространено в IX в. [6, с. 156; 8, с. 88]. Специфичным у франков был и первичный путь получения знаний о греческом языке – через мигрировавших во Франкское государство ирландских интеллектуалов [6, с. 156]. Хотя при дворе Людовика Благочестивого у интересующихся греческим языком появилась возможность консультироваться с греческими дипломатами [10, с. 16]. Также при Людовике Благочестивом в монастырях Тура, Санкт-Галлена, Корби и Рейхенау начали переводиться на латинский язык греческие рукописи [7]. Ярким примером этой деятельности является рукопись Санкт-Галленской Библии, написанная по-гречески и построчно переведённая на латынь. Эта рукопись может указывать как на существование людей, хорошо знающих греческий, так и на потребность учить греческому других франков [6, с. 156]. Но вместе с примером удачного перевода есть выразительный пример и плохого – перевод «О небесной иерархии» Псевдо-Дионисия Ареопагита, подарка византийского императора Людовику Благочестивому. Этот сборник богословских произведений переводили дважды в Каролингской империи: в первый раз неудачно перевели в Сен-Дени, второй раз более удачно его переводил Иоанн Скот Эриугена в 860-е гг. [8, с. 88]. Данные хорошо и плохо переведённые рукописи показывают, что количество знающих греческий язык (хоть и поверхностно) при Каролингах увеличилось в сравнении с Меровингскими временами, и что в рассматриваемый период действительно существовала потребность обучения греческому языку.

В самих франкских рукописях греческий выделялся особым шрифтом (унциалом) на фоне каролингского минускула. Примечательным является то, что таким же шрифтом в каролингских рукописях прописывались некоторые имена, географические названия, и всегда им писались названия глав, разделов, первые строки текста и заглавные буквы [6, с. 177]. Это может указывать как на специальное выделение греческого как чужого языка, так и его на высокий статус. О высоком положении греческого свиде-

тельствуют и стремление приписать владение им представителям императорской семьи. Так, в произведениях того времени можно прочитать, что Карл Великий и Людовик Благочестивый понимали греческий язык на слух (Карл Великий даже умел читать на нём), но совершенно не говорили по-гречески [7; 10, с. 253]. Однако некоторые члены Каролингской династии и правда могли хорошо знать греческий: сестра Карла Великого Гизела и его дочь Ротруда обучались при императорском/королевском дворе византийскими учителями греческому языку по «Искусству грамматики» Аристотеля, сочинениям Дионисия Ареопагита, трактатам по геометрии, орфографии и другим текстам [6, с. 172]. Информации о других светских знатных лицах, владеющих греческим, в письменных источниках эпохи Каролингов нет. Из этого следует, что владение греческим было свойственно более духовной знати (примерами могут служить Эйнхард, Луп Серватский, Готшальк из Орбе [10, с. 16] и др.), нежели светской.

Таким образом, если сравнивать с Меровингским периодом, владение греческим языком было более распространено среди каролингских элит (особенно среди духовных), что было связано с реализацией Каролингской «идеологии» во внешней политике. Уровень познаний в греческом среди франкской знати был различным. Неизменным с эпохи Меровингов оставался высокий статус греческого языка.

Научный руководитель С. Ф. Шмидт

Литература

1. Анналы королевства франков : анналы / пер. с лат. А. Волынец // Vostlit.info : [сайт]. 2009. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus17/Annales_Regni_francorum/frametext1.htm (дата обращения: 06.10.2023).
2. Каролингская эпоха. Из истории Западной Европы в раннее Средневековье : сборник переводов с латыни актовых, делопроизводственных документов, художественной литературы / под ред. А. А. Сванидзе, Г. П. Мягкова. Казань : Мастер Лайн, 2002. 422 с.
3. Мецкие анналы ранние : анналы / пер. с лат. И. Дьяконова // Vostlit.info : [сайт] 2010. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Mettenses/frametext1.html (дата обращения: 06.10.2023).
4. Назарийские анналы : анналы / пер. с лат. И. Дьяконова // Vostlit.info : [сайт] 2010. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Nazariani/frametext.htm (дата обращения: 06.10.2023).
5. Петавианские анналы : анналы / пер. с лат. А. Голованова // Vostlit.info : [сайт] 2006. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus15/Ann_Petaviani/text.phtml?id (дата обращения: 06.10.2023).
6. Сидоров А. И. В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов, VIII–X века / ред. Л. А. Галаганова, тех. ред. И. М. Кашеварова. СПб. : Наука, 2018. 223 с.

7. Теган. Деяния императора Людовика : биография / пер. с лат. А. И. Сидорова // Vostlit.info : сайт. 2003. URL: <https://www.vostlit.info/Texts/rus14/Tegan/frametext.htm> (дата обращения: 06.10.2023).
8. Тейс Л. История Франции. В 2 т. Т. 2. Наследие Каролингов IX–Х века : монография / пер. с фр. Т. Чесноковой. М. : Скарабей, 1993. 272 с.
9. Турский Г. История франков : история / отв. ред. М. Л. Гаспаров ; [вступ. ст., пер. с лат., коммент. В. Д. Савуковой]. М. : Наука, 1987. – 461 с.
10. Эйнхард. Жизнь Карла Великого : биография / рец. В. П. Буданова, В. И. Уколова ; [вступ. ст. и пер. с лат. М. С. Петровой]. М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 304 с.

Р. О. Афонин

Иркутский государственный университет

ВОСТОЧНЫЕ КУЛЬТЫ В РИМСКОМ ЯЗЫЧЕСТВЕ

Достижения римлян в военной сфере привели к господству Рима над большей частью ойкумены. И если религии проживавших к западу от римлян народов – кельтов и иберов – были менее развиты, то восточные верования были, наоборот, более развиты и богаты, они отличались от традиционной для римлян «формальностью» религии тем, что сильнее воздействовали на чувства. В них не было сухости и строгой четкости ритуалов, «юридической до-точности» как в греко-римском политеизме, восточные религии привлекали новых адептов пышными, яркими и торжественными церемониями, возбуждая самые разные эмоции. Этим можно объяснить их распространение [4, с. 57]. Но какое влияние восточные верования оказали на римское язычество? Обновили и сделали его более крепким или же наоборот ослабили и поспособствовали распространению христианства на территории Римской империи?

Первым из восточных культов римляне восприняли поклонение великой богине Фригии, почитаемой в Пессинунте и на Иде, которая на Западе получила имя Magna Mater deum Idea (Идейская Великая Матерь богов). В римскую среду эта религия проникла в период Второй пунической войны. В Сивиллиных книгах, к которым обращались по поводу знамений, указывалось, что необходимо призывать Великую матерь. Этот кульп был в крайней степени аскетичным и жестоким. Участники культа во Фригии, откуда он происходит, устраивали дикие ритуалы, в неистовых танцах наносили себе раны, пьяняли от вида крови, окропляли алтари, считая, что так воссоединяются со своим божеством, также

они оскопляли себя, как бы принося жертву богам. Римский сенат, узнав подробности культа, не мог ни изгнать, ни принять его, единственное что оставалось – изоляция [4, с. 82–83]. К периоду империи отношение к культу поменялось, он был разрешен, а пышность праздников в Италии стала превосходить Пессинунтские. Со временем поклонение Кибеле поглотило культы других фригийских богов, прибывших в Италию.

Следующий культ – культа Сераписа и Исиды, прибыл в Италию из Египта. Сам Серапис был создан при содействии Птолемея I Сотера, основавшего серапиум в Александрии. Целью создания культа было объединение пришлого греческого и местного египетского населения, и новый кульпт справился с этой задачей [4, с. 116]. Египтяне восприняли кульпт легко, угадывая в Сераписе своего бога Осириса, греки должны были ему поклоняться наравне с египтянами. Кульпт Сераписа был распространен среди греков южной Италии, и где-то во II в. до н. э. начал проникать в римскую среду. Сенат тщетно пытался бороться с кульптом, разрушались алтари и статуи [4, с. 116]. Причинами для борьбы с этим кульптом были религиозная – иная мораль, оскверняющая *mos maiorum* – римское понятие о благочестии и гражданственности, и политическая – Птолемеевское происхождение кульпта.

Семитские кульпы, прибывшие в Италию, не объединялись с другими и были достаточно изолированными. Первыми божествами была Атаргатис и её муж Хадад, а первыми их почитателями, вероятно, были рыбы, завезенные после победы над Антиохом Великим. Дальнейшее распространение сирийских верований проходило при помощи торговцев, которые проникали во все уголки Римского государства, распространяя свои диковинные кульпы [4, с. 144–145]. Огромную роль сыграли солдаты легионов, дислоцировавшихся в Леванте, и особенно вспомогательных частей, сформированных из сирийцев, ведь эти части отправлялись во все уголки огромной империи. В греко-римский мир проникли такие боги как Адонис, Балмаркодес, Балтис, Азиз, Малакбел, вскоре эти боги почитались в Риме, Нутии, Дакии. Распространение семитских кульпов, начав покорять латинский мир при республике, набрало силу в I в. н. э., достигло своего могущества в III в. н. э. и стало почти преобладающим, когда у власти утвердилаась династия Северов.

Особенная ситуация произошла с воцарением Гелиогабала, который попытался сделать своего Эмесского бога главным, создав кульпт *Sol Invictus Elagabalus* (Непобедимое солнце Элагабала),

новый бог должен был заместить старого Юпитера, сам же Гелиогабал объявлялся чуть ли не равным богу и требовал такого же поклонения [4, с. 151]. Это и в целом вызывающее поведение императора крайне не понравилось римлянам – Гелиогабал был убит и предан *damnatio memoriae* (проклятию памяти). Позже Аврелиан вновь создал кульп *Sol Invictus*, и вновь ориентировался на Сирию. Популярность сирийских религий среди римлян можно объяснить, во-первых, сохранившейся первобытной дикостью, придававшей экзотики ритуалам, а, во-вторых, тем, что *dominus caeli* (Владыка неба) ассоциировался с императором, и, в свою очередь, отношения между богом и подданными были традиционно восточными на уровне повелителя и раба, что объясняет популярность культа среди императоров [4, с. 155].

О происхождении поклонения Митре мало что известно, но древние авторы сходятся в том, что сам Митра иранского происхождения. Этот кульп появился в Риме в конце I в. до н. э., и связывают его появление с победой Помпея Великого, одержанной над киликийскими пиратами, исповедавшими этот кульп [6, с. 545]. Кульп Митры нельзя назвать исключительно персидским, в нем больше сирийской астрологии, от иранских верований был взят, прежде всего, сам образ Митры и дуализм, который был диковиной для римлян. Митраизм проповедовал братство, уважение к власти, объяснял существование зла и обязывал воздавать почести как «хорошему» богу, так и антибогу, или «злому» богу [4, с. 193–194]. Начиная с I и по IV в. н. э. мистерии Митры доминировали в армейской среде, легионы разнесли эту религию по всей территории империи, поэтому митреумы были даже в Британии. Эта религия оказывала существенное влияние и на римских императоров, так, известно, что Коммод участвовал в мистериях, хоть и не пытался сделать это государственным кульпом. В 307 г. н. э. Диоклетиан, Галерий и Лициний, которых свела вместе торжественная встреча в Карнунте на Дунае, освятили там святилище Митры, «покровителя их империи» (*fautorī imperii sui*) [4, с. 191].

Так как же повлияло проникновение восточных верований на римский политеизм? Я считаю, что восточные религии обогатили и вдохнули новую жизнь в традиционную религию, римские императоры обращались к восточным кульпам для того, чтобы укрепить свою власть, сделать её основой для объединения огромной языческой Империи. Эта политика привела к переходу от принципата к доминату, когда власть императора стала священной, например, император Константин объявлял себя сыном Непобедимого Солнца [3, с. 13]. Восточные верования во многом пережи-

ли древних итальянских богов, соперничая уже не с ними, а с христианством, набравшим силу к III в. и окончательно укрепившимся к концу IV в. н. э. Тем не менее, несмотря на противостояние с христианством, многие культуры «подготовили почву» для него, таким образом облегчив христианизацию Империи.

Научный руководитель Т. В. Алаева

Литература

1. Зелинский Ф. Ф. История античной культуры / ред. и прим. С. П. Заикина. 2-е изд. СПб. : Марс, 1995. 380 с.
2. Зелинский Ф. Ф. Римская Империя. СПб. : Алетейя, 2000. 489 с.
3. Куликова Ю. В. Культ Sol и религиозная реформа императора Аврелиана // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. № 3. С. 11–27.
4. Кюмон Ф. Восточные религии в римском язычестве / пер. с фр. А. П. Саниной. СПб. : Евразия, 2002. 352 с.
5. Мостовщикова Е. А. Сакрализация власти в Римской империи и куль Солнца // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2009. Т. 2. № 3. С. 186–193.
6. Плутарх. Жизнеописания, Биография Помпея / пер. с древнегреч. В. Алексеева. М. : Изд-во АСТ, 2022. 1056 с.
7. Штаерман Е. М. Кризис античной культуры. М. : Наука, 1975. 182 с.
8. Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. М. : Наука, 1987. 320 с.

Н. А. Васильева

Байкальский государственный университет

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ СССР И МНР

Автором термина «мягкая сила» (soft power) является американский политолог, профессор Гарвардского университета Джозеф Най (род. 1937 г.). Понятие впервые используется в труде «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской власти» («Bound to Lead: The Changing Nature of American Power»), вышедшем в 1990 г., а более подробно рассматривается в исследовании «Мягкая сила. Путь успеха в мировой политике» («Soft Power. The Means to Success in World Politics»). Под «мягкой силой» Дж. Най подразумевает непрямое распространение власти и влияния на основе симпатий, добровольного согласия, политического предпочтения [1, с. 8]. Однако характерные инструменты «мягкой силы» использовались государствами задолго до появления термина в научном обороте.

Одним из важнейших рычагов влияния СССР на провозглашенную в 1924 г. Монгольскую Народную Республику являлось активное взаимодействие в области образования. В течение кризисного периода начала 1990-х гг. во взаимоотношениях некогда братских государств было упущено большое количество возможностей сотрудничества в различных сферах. Мировоззрение целого поколения монгольского населения изменилось. В наши дни социализация подрастающего поколения проходит без опоры на интернациональное воспитание в традициях российско-монгольской дружбы. Упущенное время значительно осложнило процесс реанимации отношений в начале 2000-х гг. Тем не менее, Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве 1993 г. стал новой основой для построения российско-монгольских связей [5, с. 76]. «Возвращение» монгольских студентов в стены российских вузов, выстраивание отношений с опорой на опыт прошлых лет видится важным шагом для того, чтобы интенсивно взаимодействовать с восточным соседом на современном этапе.

По большому счету, система образования МНР была сформирована «с нуля» при непосредственной братской помощи страны Советов. Соглашение «Об установлении дружественных отношений» между МНР и молодым Советским государством положило начало сотрудничеству в политической, военной, экономической и культурной сферах. Фактически обязательство сотрудничества в сфере образования закрепило за Советским Союзом соглашение «Об основных принципах взаимоотношений между СССР и МНР» от 27 июня 1929 г. [7, с. 253]. МНР после периода революционных потрясений по большому счету не располагала высококвалифицированными кадрами и специалистами в области науки. Не было учреждений, способных дать образование, отвечавшее требованиям времени. Одним из вариантов решения проблемы стало направление монгольской молодёжи на учёбу в СССР. Острая необходимость присутствовала в ликвидации неграмотности и малограмотности взрослого населения. Без качественной подготовки и формирования высококвалифицированных кадров не могло быть и речи о дальнейшем, ускоренном движении по пути социализма [4, с. 18].

В области народного образования изменения последовали уже после 1921 г. Активно внедрялась политика организации ликбезов, создания и развития общегосударственной системы народного образования. Советские педагоги оказывали помощь в организации школ и налаживании в них учебно-воспитательной работы.

Один за другим на территории СССР открывались курсы и отделения при высших учебных заведениях, средние специальные учреждения, в которых проводилась подготовка педагогов для монгольских школ. Начиная с 1926 г. подготовкой первой группы посланцев из МНР занимался Иркутский университет, действовали «Монгольские курсы при Иргосуне», созданные непосредственно для подготовки национальных кадров [6, с. 27]. Процесс обучения монгольской молодежи осуществляли и Монгольский рабочий факультет в Улан-Удэ (до 1934 г. – г. Верхнеудинск), монгольское отделение Кяхтинского педагогического техникума, монгольский сектор при Восточном институте в Ленинграде, сектор в Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве. Монголрабфак был сформирован в 1930 г. с одобрения Министерства просвещения МНР и успешно функционировал до начала 1940-х гг. В июне 1941 г. заведение было переведено в г. Улан-Батор. При поддержке и финансировании СССР 5 октября 1942 г. в МНР был открыт Монгольский государственный университет, а позднее и другие высшие учебные заведения.

В течение долгого времени существовала закономерная тенденция формирования высшего звена аппарата управления МНР из числа выпускников учебных заведений СССР. В 1938 г. Юмжагайин Цеденбал окончил Сибирский финансово-экономический институт в Иркутске и стал первым секретарем ЦК МНРП и председателем Совета Министров МНР. Среди посланцев монгольской молодежи, прибывшей в СССР для получения образования, был Хорлогийн Чойбалсан, в последующем ставший маршалом монгольского правительства. Президент Академии наук МНР с 1961 г. Базарын Ширэндэв часто вспоминал время обучения на Монголрабфаке [8]. Лавсанцэрэнгийн Шагдарсурэн, ставший первым заместителем Министра народного образования МНР, в 1944 г. окончил физический факультет ИГУ. Выпускник 1949 г. Цыдендамбын Готов, окончивший исторический факультет, продолжительное время являлся секретарем Президиума Великого Народного Хурала – высшего законодательного органа страны. Всего за довоенный период в СССР было подготовлено более 500 специалистов из Монголии [2, с. 78]. Многие политические лидеры современной Монголии получили высшее образование в советских вузах. Первый президент Монголии Пунсалмагийн Очирбат окончил Ленинградский горный институт, президент Нацагийн Багабанди – Одесский технологический институт пищевой промышленности, президент Намбарын Энхбаяр – Московский лите-

ратурный институт, президент Цахиагийн Элбэгдорж – Львовское высшее военно-политическое училище. Одной из известных выпускниц Иркутского государственного педагогического института является Цэдэнбалын Цогзолмаа, занимавшая пост Министра образования, науки, культуры и спорта Монголии в 2017–2019 гг.

Эффективное идеологическое воспитание молодых людей и их активная аккультурация происходили посредством взаимодействия государств в сфере образования. Связь трудящихся МНР с советским народом в области культуры способствовала коренному преобразованию их духовной жизни, преодолению влияния феодально-теократической культуры. Социалистическая по содержанию и национальная по форме культура монгольского народа с самого начала формировалась под влиянием социалистической культуры СССР, постепенно вбирая марксистско-ленинскую идеологию.

Помимо качественной подготовки национальных кадров для МНР, создавались условия для ускоренной адаптации к новой действительности, организовывался досуг студентов. Аккультурации советского и монгольского студенчества способствовало проведение интернациональных смотров художественной самодеятельности, КВНов, спортивных встреч по разным видам спорта, вечеров дружбы советской и монгольской молодежи, коллективные посещения театров и концертов, совместный просмотр телевизионных передач, встречи с передовиками производства и многие другие мероприятия. Бюро обкома КПСС обязывало парткомы, ректораты вузов обеспечивать усиление идеологического влияния на монгольское студенчество, принимать меры к укреплению связей комсомольских и ревсомольских организаций, усилению их влияния на советских и монгольских студентов. Сильно было идеологическое влияние на монгольскую учащуюся молодежь. В печати, по радио и телевидению освещались взаимные достижения в развитии экономики и культуры, росте благосостояния, вопросы расширения и укрепления советско-монгольской дружбы и сотрудничества, проводилась активная пропагандистская работа. Осуществлялся периодический обмен печатными изданиями, выставками, фотомонтажами и другими материалами, отражающими трудовую деятельность, культуру и быт страны Советов и монгольского государства [3, с. 46]. Для скорейшей адаптации, освоения языка, изучения культурно-исторического своеобразия народов СССР, в институтах действовало безусловное правило: заселение в студенческие общежития осуществлялось с таким расчетом, при котором монгольский студент или студентка проживали в комнатах, где основное количество жильцов составляли советские учащиеся.

Активизация международного сотрудничества Монголии со странами Запада, Южной Кореей, Японией привела к развитию взаимодействия в сфере образования, расширению в Монголии сети иностранных учебных заведений. В последнее десятилетие ХХ в. российская внешняя политика дала мощный крен в сторону Запада. В свою очередь, правящий круг Монголии принял оправданное решение взять курс на создание политических и экономических связей с США, Японией, Индией, Канадой и другими государствами, что повлекло за собой изменения и в сфере образования. Монгольская молодежь все чаще стремится к получению образования за пределами родины, отдавая предпочтение вузам Кореи, КНР, США и т. д. – действует ресурс «мягкой силы» стран Запада и Востока. В этом контексте чрезвычайно важными видятся формирование положительного образа сотрудничества двух государств в масс-медиа, воспитание молодого поколения на основах российско-монгольской дружбы, конкуренция с влиянием США, Великобритании и прочих государств коллективного Запада.

Несмотря на временный спад взаимоотношений начала 1990-х гг., в современных условиях существует пространство возможностей для развития всестороннего взаимодействия между Российской Федерацией и Монголией. Острая необходимость в укреплении российско-монгольских отношений с опорой на исторический опыт и фактор «мягкой силы» во взаимодействии СССР и МНР заключается в том, чтобы не позволить монгольскому государству находиться исключительно в фарватере западной политики.

Научный руководитель И. В. Олейников

Литература

1. Ганжуров В. П. Россия – Монголия (на трудном пути реформ). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 107 с.
2. ГАНИИО. Справка о результатах проверки учебно-воспитательной работы со студентами-гражданами МНР, обучающимися в Иркутском государственном университете им. А. А. Жданова. Ф. 127. Оп. 78. Д. 157.
3. ГАНИИО. Справка о подготовке специалистов из числа монгольских студентов в иркутских вузах. Ф. 127. Оп. 78. Д. 146.
4. Грайворонский В. В. От соглашения о дружественных отношениях к Договору о всеобъемлющем стратегическом партнерстве // Мөнгө, санхүү, баялаг. 2021. № 26. С. 74–77.
5. Очерки истории Иркутского государственного университета : учеб. пособие / И. В. Олейников, С. И. Кузнецов, Ю. А. Петрушин ; под ред. Ю. А. Зуляра. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. 144 с.
6. Сборник торговых договоров, конвенций и соглашений СССР, заключенных с иностранными государствами до 1-го января 1941 г. / сост. : Ф. Р. Горбов; под ред. Д. Д. Мишустина. М. : Междунар. кн., 1941. 408 с.
7. Чимитдоржиев Ш. Б. Б. Ширэндэв: учеба на Монголрабфаке (Улан-Удэ). М. : Институт востоковедения РАН, 2013. 192 с.
8. Nye J. S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York : Public Affairs, 2004. 192 р.

Н. А. Герасименко

Иркутский государственный университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ IV – НАЧАЛЕ V в.

Византия, безусловно, являлась самым могущественным и культурно развитым государством позднеантичного мира, оказавшим огромное влияние на многие средневековые общества. Тем не менее, политическая система Византии в течение большей части её истории продолжает традиционно рассматриваться с точки зрения непрерывности развития позднеримской формы правления известной как «доминат». Однако более тщательный анализ событий конца IV–V вв. в Восточной Римской империи и новейшие исследования позволяют говорить о трансформации системы домината в более республиканскую, гражданскую и ориентированную на полисное самоуправление форму правления.

Истоки взгляда о разделении политической системы имперского Рима на две стадии лежат в труде Эдуарда Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи». Английский историк связывал падение Рима с христианизацией [3, с. 239], разделяя раннюю империю Августа и позднюю, созданную солдатскими императорами. Термины «принципат» и «доминат» были введены в научный оборот Теодором Моммзеном, стремившимся показать конституционное развитие Римской империи от дуализма власти сената и императора в ранней империи к восточной деспотии с широким бюрократическим аппаратом в поздней [6]. До 1970-х гг. это понимание развития политической системы Римской империи оставалось доминирующим. Однако уже со второй трети XX в. стали появляться труды историков, оспаривающих взгляд на позднюю Римскую империю и Византию как на сугубо восточную деспотию.

К сегодняшнему дню понимание политической сущности домината значительно усложнилось. Несомненно, империя конца III–IV вв. сформировала гораздо более крупную и разветвленную бюрократию, эффективнее контролирующую страну [9, стр. 228], пережила окончательный упадок значимости сената и традиционно важных должностей вроде должности консула, расширение влияния всаднического сословия, включение в список титулов императора ранее неприемлемого *dominus et deus* (господин и бог) [7, с. 771], масштабную административную и военную реформу [7, с. 775]. Но в то же время кажется ошибочным отождествление до-

мината и восточной деспотии, хотя бы в формальном смысле. Как известно, республиканские должности и церемониал никогда полностью не упразднялись, никаких династических традиций, так и не сложилось [5, с. 173]. Не стоит придавать чрезмерного значения и использованию титула *dominus* [8]. Исключительный момент, характеризующий римскую историю 250–400 гг. – это ключевая роль армии и её командиров, становившихся императорами, в политической жизни империи. Несмотря на в целом неправовой характер правления в стиле военной диктатуры, императоры этого периода, как утверждает Энтони Калделлис, изображали квази-республиканские формы поведения и легитимации власти [12, с. 110].

Тяжелейшее поражение римской армии в битве при Адрианополе и гибель значительной части ее состава вынудило нового восточного императора Феодосия принять в армию большее количество готов. Особенно сильно варваризация коснулась командирского состава [1, с. 242]. После смерти Феодосия в 395 г., на трон Западной и Восточной части империи вошли его сыновья Гонорий и Аркадий соответственно. Они не отличались способностями к государственному управлению, что сделало истинными правителями Рима варваров-регентов. На востоке таковым ненадолго стал Руфин, на западе – Стилихон [4, с. 463]. Оформившаяся в IV в. политическая система домината, опиравшаяся на диктатуру императора-полководца, вошла в состояние кризиса.

Противостояние двух регентов продолжалось вплоть до убийства Руфина в конце 395 г. военачальником готского происхождения Гайной. Фактическим правителем Восточной империи стал евнух Евтропий [4, с. 466]. Однако уже в 399 г. во Фригии восстали готы во главе с Требигильдом, возможно сговорившимся с Гайной, занявшим к тому времени должность военного магистра. Посланный на подавление восстания, Гайна вступил в переговоры с бунтовщиками и добился от правительства отставки, а впоследствии и казни Евтропия. Несмотря на все уступки императора Аркадия, Гайна остался недоволен интригами аристократической фракции двора и занял Константинополь, установив своё полное политическое господство.

Однако вскоре недовольство населения столицы засильем варваров вылилось в бунт и резню 7 тыс. готов. Гайна был разбит другим готом на римской службе, Фравиттой, и бежал за Дунай, где был убит гуннами [4, с. 469]. Уже в следующем году был казнён и сам Фравитта, что окончательно положило конец угрозе военной узурпации власти на Востоке, как это произошло на Западе

[14, с. 92]. Всё последующее правление Аркадия и Феодосия II прошло под неформальным регентством гражданских лиц, таких как бывший консул Аврелиан и префект Антемий [10, с. 62].

Вскоре после разгрома Гайны в 400 г. последовала целая серия реформ, направленных на укрепление положения гражданского чиновничества, куриального и торгово-ремесленного населения городов, «либерализацию» политической жизни, отстранение армии от вмешательства в управление государством и обращение вспять её варваризации.

Так, именно в начале V в. появляются первые упоминания о «цирковых партиях» крупных городов, обладающих собственными вооружёнными отрядами [11, с.150], резко возрастает значение «аккломаций», посредством которых народные массы выражали недовольство, были прощены налоговые недоимки за сорок лет, в некоторых провинциях произошло снижение налогов на 2/3, возросла роль Константинопольского сената. Это имело положительное воздействие на состояние византийской экономики, достигшей известной степени процветания в V в. [10, с. 62]. Византийская бюрократия V–VI вв., вопреки широко распространённым мифам, была гораздо более эффективной и рационально устроенной, чем в эпоху домината [15, с. 190].

Эдиктом 429 г. провозглашалась подвластность Императора законам [12, с.72]. В это же время вновь большее значение обретает процесс избрания и утверждения Императора народом, сенатом и армией [12, с.106]. Стабильность нового политического режима была такова, что частые в III–IV вв. перевороты отсутствовали в Византии вплоть до восстания Фоки в 602 г.

Для укрепления контроля за армией ряд военных полномочий был передан к магистру оффиций [13, с. 208]. В Восточной империи сохранились пять отдельных полевых армий, каждая со своим командованием [14, с. 92]. Практика массового найма в армию варваров была полностью прекращена [1, с. 247].

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что в Восточной Римской империи на стыке IV–V вв. произошёл переход от прежней, находящейся в глубоком кризисе, военно-бюрократической диктатуры к особой форме позднеантичной монархии, органично включающей традиции полисной демократии и классического римского республиканизма. Новый политический режим способствовал экономическому подъёму и политической стабилизации Византии, позволив избежать судьбы Западной Римской империи.

Научный руководитель Т. В. Алаева

Литература

1. Банников А. В., Морозов М. А. Византийская армия (IV–XII вв.). СПб. : Евразия, 2013. 688 с.
2. Вальденберг В. Е. Государственное устройство Византии до конца VII в. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 226 с.
3. Гиббон Э. История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи. В 7 т. Т. 4 / пер. с англ. М. : Терра–Книжный клуб, 2008. 624 с.
4. Голдсурти А. Падение Запада. Медленная смерть Римской империи / пер. с англ. А. В. Короленкова, Е. А. Семеновой. М. : АСТ, 2014. 733 с.
5. Джонс А. Х. М. Гибель античного мира / пер. с англ. Т. В. Горяйнова. Ростов : Феникс, 1997. 572 с.
6. Егоров А. Б. Теодор Моммзен и его «Римская история». Предисловие к переизданию перевода «Римской истории» (1939–1949) // Noblit.ru : сайт. URL: <https://noblit.ru/node/1447> (дата обращения: 24.10.2023)
7. Ковалев С. И. История Рима. Новое издание, исправленное и дополненное / под ред. Э. Д. Фролова. СПб. : Полигон, 2002. 864 с.
8. Коптев А. В. Princeps et dominus: к вопросу об эволюции принципата в начале позднеантичной эпохи // История Древнего Рима : сайт. URL: <https://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1263933087> (дата обращения: 25.10.2023)
9. Кризис империи, 193–337 гг. : в 2 полут. / под ред. А.-К. Боумана, А. Камерона, П. Гарнси ; пер. с англ., предисл., прим. А. В. Зайкова. М. : Ладомир, 2021. Полут. 1. 616 с.
10. Сиротенко В. Т. История международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI в. / под ред. М. Ю. Сюзюмова. Пермь : Перм. госуниверситет, 1975. 280 с.
11. Чекалова А. А. Константинополь в VI веке. Восстание Ника. СПб. : Алексея, 1997. 329 с.
12. Kaldellis A. The Byzantine Republic: People and Power in New Rome. Cambridge : Harvard University Press, 2015. 290 p.
13. Kelly C. Ruling the Later Roman Empire. Cambridge : The Belknap Press of Harvard University Press, 2004. 341 p.
14. Lee A. D. From Rome to Byzantium AD 363–565: The Transformation of Ancient Rome. Edinburgh : Edinburgh University Press Ltd, 2013. 337 p.
15. Mitchell S. A. History of the Later Roman Empire, AD 284–641. 2nd ed. Chichester : John Wiley & Sons, Inc, 2015. 544 p.

И. В. Есенков

Иркутский государственный университет

ЗНАЧЕНИЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ (1853–1856 гг.) ДЛЯ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Крымская война (1853–1856 гг.) стала одним из ключевых конфликтов XIX в., повлиявших на формирование основных принципов современного гуманитарного права. Масштабный театр военных действий, вовлеченность в войну сразу нескольких крупных акторов международных отношений, прогресс в области вооружения и ведения войны привели к крупным разрушениям и людским потерям с обеих сторон. Повсеместно использовалось оружие центрального боя, задействованная артиллерия увеличила радиус поражения, а раненые солдаты оставались на поле боя без возможности получить необходимую медицинскую помощь. Все перечисленные выше причины сделали очевидным факт того, что существующие правила не соответствовали современным реалиям и подлежали немедленному пересмотру. Переосмысление основ ведения войны способствовало разработке принципов, регулирующих ход вооруженных конфликтов, и принятию ключевых документов в истории международного гуманитарного права – Гаагских конвенций 1899 г. и 1907 г.

Стоит отметить, что Крымская война сыграла решающую роль в формировании военной медицины и этики обращения с военно-пленными. Первые отряды медицинских сестер были сформированы в России в 1854 г. по просьбе известного хирурга Николая Ивановича Пирогова, который в ходе Крымской войны получил обширную практику военно-полевой медицины и стал основоположником русской школы анестезии [3]. В это же время в османских госпиталях начала свою работу служба сестер милосердия, создание которой было инициировано британкой Флоренс Найтингейл. Опыт полевых медицинских сестер в этой войне заложил основу для защиты раненых на поле боя в будущем. И даже в своем описании ужасов войны Анри Дюнан, в последующем основатель Международного Комитета Красного Креста (МККК), ссыпался не только на битву при Сольферино, но и на предыдущие масштабные битвы Восточной (Крымской) войны. Он обратился к международному сообществу с призывом создать специализированную организацию по оказанию первой медицинской помощи,

которой и стала МККК [2]. Результаты Крымской войны, в частности переосмысление проблем обращения с ранеными на поле боя, легли в основу Первой Женевской конвенции 1864 г., международно-правового договора, регулирующего правила обращения с больными и ранеными на войне.

Отдельного внимания заслуживают российские дипломаты того периода. Они внесли неоценимый вклад в разработку правил гуманного обращения с военнопленными и создали механизмы по защите гражданского населения во время боевых действий. Одним из таких дипломатов был Анатолий Николаевич Демидов, который во время Крымской войны занимался переговорами о достойном и гуманном содержании пленных и предоставлении им своевременной медицинской помощи. Он призывал к созданию специальных лагерей для военнопленных, где были бы созданы все гуманитарные условия для проживания, а также настаивал на обмене тяжелоранеными пленными между противоборствующими сторонами как на способе облегчить их страдания [1].

Другой заметной фигурой, не раз выступавшей за улучшение условий для солдат, пленных и гражданского населения во время вооруженных конфликтов, был генерал-адъютант Михаил Дмитриевич Горчаков, руководивший обороной Севастополя во время Крымской войны. В своих докладах он не раз описывал те ужасные условия, с которыми сталкиваются солдаты и гражданские лица во время войны. Он указывал на отсутствие санитарии и повсеместное распространение болезней, которые оно несет, подчеркивал необходимость гуманного обращения с захваченными в плен солдатами даже во время войны [4]. Взгляд военного специалиста на ужасы войны позволил посмотреть на проблему более внимательно, а также детально описать цели и задачи, которые должны были быть достигнуты дипломатами в процессе подготовки первых конвенций международного гуманитарного права.

Общими усилиями военных и дипломатов было привлечено внимание международного сообщества к необходимости соблюдения гуманитарных принципов. Гуманитарные итоги Крымской войны способствовали установлению будущих основных принципов международного гуманитарного права, сформировали правила, которыми в последующем пользовалось движение Красного Креста, обсуждался запрет определенных видов вооружения, которое наносило наиболее серьезный вред и использование которого было признано негуманным.

Впервые была затронута проблема защиты гражданского населения во время вооруженных конфликтов, был поднят вопрос жестокого обращения с военнопленными, что привело к разработке норм обращения с захваченными комбатантами [5]. Не менее важным итогом войны стало озвучивание инициатив о необходимости проведения международных конференций и совещаний, на которых должны были быть сформулированы и приняты универсальные гуманитарные правила для конфликтующих сторон. Так появились национальные для международного гуманитарного права конвенции, принятые в Женеве и Гааге.

Научный руководитель А. С. Куклина

Литература

1. Вербицкая Т. В. Вклад Анатолия Николаевича Демидова в развитие международного гуманитарного права по оказанию помощи раненым и военнопленными во второй половине XIX в. // «Уральцы боятся здорово...»: вклад Урала в военную мощь России. 13-е Уральские военно-исторические чтения, посвященные 80-летию победы под Сталинградом и 210-летию победы в Бородинском сражении. Екатеринбург : Сократ, 2022. С. 55–59.
2. Дюнан А. Воспоминание о битве при Сольферино / пер. с фр. С. Н. Норман. М. : МККК, 2015. 84 с.
3. Исмнев А. Э., Шаленков Е. А. Сестры милосердия в Крымской войне // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sestry-miloserdiya-v-krymskoy-voyne> (дата обращения: 17.10.2023).
4. Катюшин А. Е. Крымская война: к вопросу о тыловых коммуникациях / А. Е. Катюшин // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока : материалы III Междунар. науч. конф. Севастополь, 6–8 июня 2019 г. / отв. ред. А. Д. Васильев. Севастополь : Пробел-2000, 2019. Т. 1. С. 133–137.
5. Ореховский В. О. Возникновение и развитие международного гуманитарного права (до середины 60-х гг. XIX в.) // Естественно-гуманитарные исследования. 2014. № 2 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknenie-i-razvitiye-mezhdunarodnogo-gumanitarnogo-prava-do-serediny-60-h-gg-xix-v> (дата обращения: 17.10.2023).

Э. А. Заусаева
Байкальский государственный университет

О РОЛИ ВНЕШНЕГО ФАКТОРА В ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

История индийской цивилизации насчитывает более 44 веков, в течение которых она испытывала влияние различных внешних факторов, проявлявшихся в религиозных течениях, войнах, захватах и выдающихся личностях. Внешние факторы играли важную роль в процессе формирования культуры, экономики и политического устройства страны, создавая уникальный путь ее развития.

Наиболее важным этапом становления индийской цивилизации является древность. С древних времен Индия была известна своим культурным и духовным богатством, а также обширными торговыми связями с другими странами, такими как Рим, Китай, Персия и Греция. Торговые связи являются одним из ключевых факторов развития государства. Они позволяют странам обмениваться товарами и услугами, а также распространять знания и технологии. Благодаря торговым связям, государства могут получать доступ к ресурсам, которые они не могут производить самостоятельно, что способствует экономическому росту и развитию. Кроме того, торговые связи могут способствовать культурному обмену и взаимопониманию между странами, что в свою очередь может привести к улучшению политических отношений и снижению уровня конфликтов.

Одним из первых внешних факторов, повлиявших на развитие Индии, были вторжения Александра Македонского в IV в. до н. э. [1, с. 75–77]. Несмотря на то что его завоевания не привели к постоянному господству греков в Индии, они способствовали распространению греческой культуры и науки на территории страны.

После смерти Александра в 323 г. до н. э. его империя была разделена между его военачальниками [3], что послужило началом существования эллинистического мира. Некоторые из греческих царей продолжали экспансию на восток, что привело к эллинистическому влиянию на Индию. Персидская империя также продолжала расширяться на восток, включая территории, ранее контролировавшиеся Александром Македонским. С расширением эллинистического мира на восток Индия стала территориально ближе к Римской империи и, следовательно, контакты с ней значительно активизировались. Римские купцы и торговцы начали

проникать на Восток, и Индия стала частью большого торгового пути между Востоком и Западом. В результате этих контактов, миграции и культурных обменов, Индия подверглась влиянию греческой, персидской и римской культуры.

Полноценная интеграция индийской и греческой традиций связана с Индо-греческим царством, которое существовало в период с 180 г. до н. э. до 10 г. н. э. Оно было основано греческим генералом Менандром, который завоевал северо-западную Индию для царя Антиоха III Селевкида [4, с. 238–240]. Деметрий I был одним из царей этого царства. Он правил в период между 190 г. до н. э. и 185 г. до н. э. Его правление было отмечено военными успехами и расширением границ царства.

Влияние Индо-греческого царства на Индию было значительным. Греческая культура и наука были привнесены в Индию, что способствовало развитию индийской науки и культуры. Кроме того, греки установили торговые связи с Индией, что привело к экономическому росту и развитию торговых путей [5]. Индо-греческие цари также поддерживали развитие буддизма в Индии, что сыграло важную роль в распространении этой религии по всей Азии. В целом Индо-греческое царство оказало значительное влияние на историю и культуру Индии, способствуя ее развитию и взаимодействию с другими культурами.

В период с III в. до н. э. по V в. н. э. Индия испытала целый ряд вторжений со стороны иных народов, таких как скифы, парфяне, саки и кушаны. Влияние скифов, парфян и саков на развитие Индии было относительно незначительным. Эти народы были кочевыми племенами, которые жили в основном в степях Центральной Азии и не имели сильного влияния на индийскую культуру или политику. Однако кушаны, которые были иранским народом, основали империю, которая контролировала большую часть Центральной Азии и значительную часть Индии. Кушанская империя [6] существовала с I в. до н. э. по III в. н. э. и ее влияние на индийскую культуру и общество было значительным.

Кушаны принесли в Индию греческую культуру и науку, а также буддизм. Они также способствовали распространению индийской культуры и науки за пределами Индии, особенно в Центральной Азии и Китае [1, с. 100–102]. Благодаря подобной интеграции в начале нашей эры индийская цивилизация была достаточно прогрессивной и имела серьезные достижения в различных областях научных знаний, таких как архитектура, медицина, астрономия и математика.

Благодаря внешнему влиянию со стороны кушан, к началу нашей эры индийцы изобрели десятичную систему исчисления с использованием нуля и внесли значительный вклад в развитие математики. В начале нашей эры было известно число «Пи». В эпоху Гуптов индийские астрономы знали о движении светил, о причинах затмений солнца и луны. Ученый Брахмагупта полагал, что падение предметов происходит из-за силы земного тяготения. Если говорить о медицине, то индийские врачи обладали хорошими знаниями анатомии и физиологии человека. Также индийцы были сведущи в рудах, металлах и сплавах. Они умели изготавливать красители, стекло, искусственные драгоценные камни, ароматические эссенции и яды. Постепенно развивается архитектура и скульптура: именно в V–VI вв. формируется уже знакомый нам облик индийских храмов, формируется известный сегодня индуизм, продолжает развиваться и литература [2].

В целом влияние греков, римлян, скифов, парфян, саков и кушан на Индию было разнообразным и сложным. Оно включало в себя культурный обмен, торговые связи и политическое взаимодействие, которые оставили свой след в истории и культуре Индии.

Таким образом, внешние факторы сыграли ключевую роль в развитии древней индийской цивилизации, стимулируя торговые связи, научный и культурный обмен между различными народами. Подобное послужило дальнейшим толчком для развития индийской цивилизации уже в наше время.

Научный руководитель М. А. Балашова

Литература

1. Синхараджа Т. Д. Индия. История страны / пер. с англ. П. Крылова. М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2010. 352 с.
2. Наука и жизнь. Научные достижения древней Индии // Наука и жизнь : сайт. URL: <https://nkj.ru/archive/articles/14930/> (дата обращения: 07.11.2023).
3. Попов А. А. Эллинистические традиции в греко-бактрийской армии // Вестник СПБГИК. 2019. № 2 (39). С. 40–45.
4. Ярыгин С. А., Кишкенбаева Ж. К. Исторические основания к гипотезе В. М. Жирмунского о связях Одиссея и Алламыши // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2021. № 1. С. 235–243.
5. Гумелев В. Ю., Бандурка В. Б., Юдин Т. М. Великий шелковый путь как историческая ось глобализации: скифо-сарматская эпоха // Синергия наук. 2019. № 32. С. 1297–1311.
6. Шомахмадов С. Х. Индобрудийская культура в Кушанской империи // Труды СПБГИК. 2015. Т. 210. С. 205–207.

Ю. О. Маслакова

Байкальский государственный университет

РОЛЬ СССР В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КНДР В 1953–1967 гг.

После завершения Корейской войны (1950–1953 гг.) существенную помощь в развитии КНДР оказали СССР, Китай и социалистические страны Восточной Европы. Советский Союз и Северная Корея тесно сотрудничали в военной, экономической и культурной сферах. Однако после смерти И. В. Сталина руководство СССР начало проявлять осторожность в отношениях с северокорейскими коллегами.

В 1954 г. правительство КНДР выдвинуло трехлетний план развития народного хозяйства (1954–1956 гг.), согласно которому планировалось восстановление экономики до довоенного уровня [7, с. 251]. Значительную помощь в выполнении этого плана оказали социалистические страны, выделив безвозмездную помощь на сумму более 800 млн руб. Эти средства были направлены на закупку и поставки в КНДР автомашин, рыболовных судов, сельскохозяйственной техники, оборудования для горнодобывающей, энергетической и строительной отрасли промышленности, а также для производства минеральных удобрений и нефтепродуктов. В послевоенный период (1954–1956 гг.) в импорте КНДР удельный вес товаров, полученных в счет безвозмездной помощи и кредитов, составил 77,6 %. [3, с. 156]. В страну были направлены советские инженеры и рабочие для участия в восстановлении разрушенной инфраструктуры и промышленности, а также для строительства жилых и общественных зданий. Дополнительно страны укрепляли сотрудничество в области культуры, образования и науки. Множество студентов из КНДР приезжало в СССР для получения образования, а советские специалисты помогали в развитии науки и промышленности в Северной Корее. Благодаря столь масштабной ресурсной поддержке за 1953–1956 гг. в стране было восстановлено 240 и построено 80 новых промышленных предприятий, большинство этих предприятий были национализированы [6, с. 116].

СССР оказал содействие в восстановлении и строительстве ряда крупных промышленных объектов – Супхунской ГЭС, металлургического завода в Чондине, сталелитейного завода в Ким Чхэке, завода цветных металлов в Нампхо, завода азотных удобрений в Хыннаме, цементного завода, крупного текстильного комбината в Пхеньяне, мясокомбината, рыбоконсервных заводов и др. [5].

В апреле 1956 г. правительством КНДР был представлен пятилетний план развития (1956–1961 гг.), предусматривающий шаги к индустриализации страны, и в июне этого же года Ким Ир Сен посетил Советский Союз. На встрече с Н. С. Хрущевым он согласился с необходимостью преодоления культа личности в КНДР и развития внутрипартийной демократии. Также он обратился к советскому руководству с просьбой о списании финансовой задолженности, возникшей в связи с поставкой в военный период технического оборудования и продовольствия, об отсрочке погашения имеющихся кредитов КНДР, а также рассмотрении возможности предоставления дополнительных кредитов для оплаты поставок нового промышленного оборудования и товаров общего потребления. В свою очередь, советское руководство постановило: «оказать помощь в разрешении вопросов, поставленных правительственной делегацией КНДР, без каких-либо условий» [5]. Таким образом, к прежней безвозмездной помощи в 1 млрд руб. выделялась новая безвозмездная помощь в размере 300 млн руб. [5].

Период 1956–1961 гг. характеризуется началом противоречий между КНДР и СССР, поскольку Советский Союз рекомендовал пересмотреть план развития и направить инвестиции на развитие легкой промышленности и сельского хозяйства, тогда как северокорейское руководство продолжало развивать тяжелую промышленность. В связи с этим, пятилетний план был объявлен досрочно выполненным в 1959 г., а резкая критика со стороны советского союзника вызвала недовольство в корейском руководстве [4, с. 138]. Несмотря на это, Ким Ир Сен, заручившись финансовой и военной помощью от СССР, стал добиваться заключения договора о сотрудничестве между двумя государствами.

6 июля 1961 г. «исполненные решимости оказать друг другу помощь и поддержку в случае вооруженного нападения какого-либо государства или коалиции государств на одну из Договаривающихся Сторон, уверенные в том, что укрепление дружбы, доброго соседства и сотрудничества между Советским Союзом и Корейской Народно-Демократической Республикой отвечает жизненным интересам народов обоих государств и будет наилучшим образом способствовать их дальнейшему экономическому и культурному развитию» [1], страны подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной поддержке между КНДР и СССР. В это же время аналогичный договор был подписан между КНДР и КНР. Однако, несмотря на подписание столь значимых документов, Ким Ир Сен принимает решение дистанцироваться от Моск-

вы и Пекина перенося принципы «чучхе» («Опора на собственные силы») во внешнюю политику [5].

Очередной, но уже семилетний план развития народного хозяйства (1961–1967 гг.), в отличие от пятилетнего, был представлен советскому руководству уже утвержденным и его одобрение не требовалось. Советский Союз, в свою очередь, стал более осторожным в выстраивании двухсторонних отношений, чтобы удержать Северную Корею в сфере своего влияния [4, с. 138]. Таким образом, семилетний план не был пересмотрен и остался направленным на развитие тяжелой промышленности и машиностроения.

В мае 1966 г. состоялась непубличная встреча Л. И. Брежнева и Ким Ир Сена, которая способствовала уменьшению напряженности в отношениях двух стран. По результатам встречи, также была достигнута договоренность об отправке северокорейцев работать на советском Дальнем Востоке. С 1967 г. начался массовый (ежегодно в количестве 15 тыс. чел.) заезд северокорейских рабочих на лесозаготовительные работы в Верхнебуреинском районе Хабаровского края [2].

Сменяющийся формат советско-корейских взаимоотношений в период с 1953 по 1967 г. определил политику Союза в отношении КНДР в направлении экономической поддержки, но с наименьшим вмешательством в её национальные интересы, что позволило северокорейскому государству развивать свою экономику, внутреннюю и внешнюю политику согласно национальным интересам и интересам партии.

Научный руководитель И. Н. Ерицян

Литература

1. № 6045. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Корейской Народно-Демократической Республикой от 6 июля 1961 г. . URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Договор_о_дружбе,_сотрудничестве_и_взаимной_помощи_между_СССР_и_КНДР (дата обращения: 15.10.2023)
2. Забровская Л. В. КНДР – Россия – РК: обмен трудовыми ресурсами // Демоскоп Weekly. 2008. № 333-334. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0333/analit04.php> (дата обращения: 15.10.2023)
3. Захарова Л. В. Внешнеэкономическое сотрудничество и его значение для экономики КНДР // КНДР и РК-70 лет : сб. ст. по материалам XXII конф. корееведов России и стран СНГ, ИДВ РАН, Москва, 29–30 марта 2018 г. М. : ИДВ РАН, 2018. С. 164–177.
4. Матвеева Н. И. Экономическое развитие Северной Кореи и эволюция советско-северокорейских отношений в 1950-х гг. // Россия и Корея: взгляд из Сибири – 2021 : тез. и докл. Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 9–10 окт. 2021 г. / отв. ред. К. В. Иванов. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2021. С. 136–140.

5. Торкунов А. В., Денисов В. И., Ли Вл. Ф. Корейский полуостров: Метаморфозы послевоенной истории. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. URL: http://www.plam.ru/hist/koreiskii_poluostrov_metamorfozy_poslevoennoi_istorii/index.php (дата обращения 15.10.2023).
6. Хан В. С. История Кореи. Ташкент : Baktria press, 2013. 128 с.
7. Kim Il-sung. Works. Vol. 8. August 1953 – June 1954. Pyongyang : Foreign Languages Publishing House, 1981. P. 251–256.

Я. Н. Опарин

Иркутский государственный университет

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ЕЕ СУЩНОСТЬ И ВЛИЯНИЕ НА МИР

Научные революции сыграли если и не решающую, то одну из основных ролей в становлении современного человечества. За всю историю жизни человека на Земле можно выделить три научных революции: античную (которую в основном относят к эпохе Древней Греции), научную революцию Позднего Возрождения XVI–XVII вв. (или Раннего Нового времени) и революцию XIX–XX вв. Именно эти события изменили мир навсегда и дали пространство для дальнейших открытий и последующего развития науки, а с ней и всего человечества.

Научная революция, начавшаяся и протекавшая в Древней Греции, стала уникальным событием своего времени. Кроме того, что она является первой в своем роде, следует упомянуть и её огромное влияние на все последующие эпохи. Многие учёные, причастные к научной революции (далее НР) XVI–XVII вв., опирались именно на работы древнегреческих учёных, несмотря на то, что между этими двумя событиями прошло 18 веков [5, с. 14]. Важно сказать и то, что обе эти революции развивались сходным образом. Как в XVI–XVII вв. гуманитарное знание и теология уступают доминирующие позиции математическим и естественно-научным дисциплинам [4, с. 320], так и в Античности картина мира, полностью строящаяся на основе мифов и легенд, начинает рушиться, постепенно заменяясь философскими системами [2, с. 60] и рациональностью.

Толчок к изменению всего древнегреческого мировоззрения дал величайший поэт того времени – Гомер (IX, а по некоторым мнениям VIII–VII вв. до н. э.). Своими известнейшими произведениями (это, конечно же, «Илиада» и «Одиссея») он начал культур-

ную революцию, которая привела к появлению рационального объяснения мироустройства и впоследствии породила первую в истории НР [2, с. 58; 5, с. 15–16]. Здесь стоит упомянуть основное отличие древнегреческого общества от обществ других стран и народов, живших в то время, а именно, отсутствие строгой религиозности. В Древней Греции не было строгих догм, священного писания (иудаизм), обязательного поклонения богам, сильного жречества (Египет), кастовой неподвижной системы (Индия) и других особенностей, не позволяющих человеку выходить за установленные религией рамки. Именно это позволило греческому обществу сформировать новое относительно других народов мировоззрение и активизировать философское мышление, задуматься о настоящей сущности богов, которых выставлял не в лучшем свете Гомер, тем самым разрушив прежнюю систему верований греков.

Философия, получившая свое начало и развитие во время и после культурной революции, быстро заняла умы древнегреческого общества. Фалес Милетский (624–547 гг. до н. э.) по праву считается отцом философии – он первым высказал идею о мироустройстве, где главенствующее положение занял не Бог, а элемент (вода) [5, с. 5]. Фалес решительно порвал с мифологическими представлениями и встал на путь рационального умозрения. Впоследствии его теория была развита и своего апогея она достигла при Аристотеле, науку которого называют «элементной».

Аристотель (384–322 гг. до н. э.) занимает одну из важнейших позиций в древнегреческой научной революции. Его натурфилософская система, в которую и входила «элементная» наука, состоящая уже из пяти элементов: четырех земных (огонь, воздух, вода, земля) и одного небесного (эфир), в целости дошла до XVI в. и только тогда начала заменяться на привычную нам химию. Для науки важны естественнонаучные трактаты Аристотеля: «О небе», «О возникновении и уничтожении», «Метеорология», «Физика», «Афинская полития», «Политика». Последние два трактата не теряют актуальности в наше время и позволяют составить представление о политическом устройстве греческой демократии.

Большое развитие в период древнегреческой НР получила математика. Математическое естествознание, которое создала Греция, продолжило свое развитие только в Новое время [5, с. 11]. Основным учёным в области математики по праву считается Архимед (287–212 гг. до н. э.). Кроме изобретения первого в истории науки физического закона, описанного в трактате «О равновесии плоских фигур», он известен как ученый-практик, разрабатывав-

ший механизмы для обороны Сиракуз от римлян в 214–212 гг. до н. э. Весомый вклад в развитие такого раздела математики, как геометрия, внес известный ученый Евклид (323–265 гг. до н. э.), написавший «Начала» – труд, на который опирались такие известные ученые, как И. Ньютон («Математические начала натуральной философии») и Б. Спиноза («Этика») [5, с. 14]. В современных школах до сих пор используется такой термин, как «евклидова геометрия».

Другой наукой, получившей колоссальное развитие в Древней Греции, стала астрономия. Виднейшим деятелем в ней стал Клавдий Птолемей (100–170 гг. н. э.), которого называют последним древнегреческим учёным. Его деятельность в первую очередь связана с небесной механикой, которой он посвятил свою работу под названием «Альмагест». Смерть Птолемея обозначила конец античной НР, которая шла еще со времен Гомера.

Важную роль в становлении древнегреческой НР играет такая форма государства, как полис. Греческий полис на момент своего существования являлся эталоном демократии (например, Афинский полис по Аристотелю [1, с. 15–16]), он также являлся стационарной активной зоной развития науки и техники [2, с. 61]. Такая система имела свои явные преимущества (гражданское самоуправление, плюрализм мнений, личная свобода человека, равенство граждан перед законами), но и такие же явные недостатки (различия между полисами, не дававшие им возможности объединиться, военная слабость региона из-за разобщенности полисов, плюрализм мнений, приводивший к гонениям на видных учёных-философов).

Однако, ко всему прочему, полисы становились центрами развития философских направлений и школ, которые были важной единицей во время древнегреческой научной революции [2, с. 61]. Каждая философская школа продвигала свои идеи в массы, таким образом, увеличивая интерес населения Древней Греции к новым мыслям. Виднейшие философы своего времени набирали учеников, которые в последствии продвигали их идеи, развивали их или даже создавали что-то новое. Основными философскими школами Древней Греции в период НР были: Милетская школа (г. Милет), Пифагорейская школа (г. Кротон), Афинская школа (г. Афины), «Ликей» Аристотеля (г. Афины), Академия Платона (близ г. Афины). Впоследствии античная философская мысль получит свое продолжение в философии Средневековья и Нового времени, видные деятели которых будут опираться на греческие идеи [6, с. 196], даже несмотря на презрительное отношение церкви к философии в эпоху Средневековья [7, с. 6–7].

Итогом первой в истории человечества научной революции, проходившей с VII в. до н. э. по I в. н. э. в Древней Греции, стало опережение древнегреческим обществом других народов по уровню научно-технического и культурного развития. В отличие от обществ Азии, Африки и Востока, греки смогли преодолеть религиозную систему мировоззрения и создать культурную основу для проведения НР. Успех греческих философов позволил им занимать высокие должности в полисах, а власти понимали, что спонсирование труда мыслителей ведет к появлению новых инноваций, идей, а с этим и к развитию общества и страны в целом [2, с. 58, 61]. Греческие инновации создали основу для тех наук, которые мы имеем в настоящее время. За всё время древнегреческой НР были заложены основы для таких наук, как физика, математика, астрономия, биология, химия, история, политология, биология, медицина и пр. Миру стали известны имена величайших греческих мыслителей, даже несмотря на попытку присвоить их достижения себе во времена «реставраторских» предприятий XVI в. [3, с. 89]. Впоследствии древнегреческая НР станет основой для дискуссий, которые будут происходить в Новое время и выльются в великую научно-техническую революцию эпохи Возрождения XVI–XVII вв.

Научный руководитель Т. В. Алаева

Литература

1. Аристотель. Афинская полития / пер. и примеч. С. И. Радцига. 2-е изд. М. : Гос. Соц.-экон. изд.-во, 1937. 256 с.
2. Бондаренко С. Б. Становление античной научно-технической революции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 3. С. 55–64.
3. Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие / пер. с англ. А. Маркова. М. : Новое лит. обозрение, 2015. 576 с.
4. Лисович И. И. Научная революция XVI–XVII веков // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 320–325.
5. Рожанский И. Д. Две научных революции в Древней Греции // Некоторые проблемы истории античной науки / ред.-сост. Л. Я. Жмудь. Л. : Гл. астрон. обсерватория, 1989. С. 5–16.
6. Смагин Ю. Е. Философско-научная мысль Нового времени и античное наследие // Вестник Российской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12, вып. 4. С. 196–199.
7. Савинов Р. В. Теория и методология истории философии // История философии. 2018. Т. 23, № 2. С. 5–17.

И. В. Путулян

Томский государственный университет

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ХАИМА ВЕЙЦМАНА В ГАЗЕТАХ SENTINEL И В'NAI B'RITH MESSENGER ВО ВРЕМЯ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОЙ ВОЙНЫ 1947–1949 гг.

События 7 октября 2023 г. обозначили новую веху в истории арабо-израильских отношений. Так, современное противостояние является отголоском конфликта, связанного с образованием государства Израиль. В мае 1948 г. было окончательно сформировано еврейское государство в Палестине, что стало важным этапом в истории еврейского народа, не имевшего в течение долгого времени своего государства. До этого он был вынужден бороться за собственное существование, не имея при этом какой-либо опоры. Это привело к тому, что задача обретения страны стала первоочерёдной для представителей еврейской диаспоры, особенно в контексте антисемитских настроений в мире в XIX в.

Значительную роль в создании еврейского государства сыграл Х. Вейцман – первый президент Израиля. В частности, он был одним из идеальных вдохновителей борьбы за формирование независимого еврейского государства в Палестине. Примером этого служит заключённое им соглашение с эмиром Фейсалом, которое было подписано в январе 1919 г. и должно было способствовать реализации Декларации Бальфура [3].

После образования государства Израиль в 1948 г. Х. Вейцман был избран его президентом. Как отмечают исследователи, этот шаг политика был обусловлен его предыдущей политической деятельностью: так, находясь в тот момент времени в США, он установил контакт с президентом Г. Трумэном и убедил его поддержать план по разделению Палестины, а также выдать заем в 100 млн долл. для нового государства [4, р. 60].

Получение столь крупного займа стало итогом активной деятельности Х. Вейцмана среди представителей еврейской общины США. Накопленные ресурсы, в особенности возможности лоббировать собственные интересы в СМИ, позволили улучшить представления американской элиты о новообразованном еврейском государстве. Это же, в свою очередь, позволило увеличить поддержку Израиля в нееврейских кругах. Подобная деятельность политика отображалась в ряде периодических изданий: например, в новостных сводках часто встречаются упоминания встреч Х. Вейцмана с лидерами иностранных держав [8].

В частности, деятельность Х. Вейцмана освещали газеты *B'nai B'rith Messenger* и *Sentinel* – еврейские еженедельные издания, публиковавшиеся в Лос-Анджелесе [10] и Чикаго [11]. Издания были сосредоточены на детальном освещении вопросов Ишува и проблемы объединения еврейской diáspоры для поддержки Израиля. Помимо этого, деятельность данных изданий способствовала формированию произраильской повестки среди рядовых американцев.

Репрезентация деятельности Х. Вейцмана в газете *Sentinel* характеризуется тем, что, во-первых, в ней делается акцент на внешнеполитический характер деятельности президента. Так, приводятся сообщения о поездках президента за рубежом, его со-вещаниях с министрами иностранных государств. В выпуске за 27 мая 1948 г. упоминается факт скорого визита Х. Вейцмана в Лондон для переговоров с премьер-министром Э. Бевином [5, р. 7]. Во-вторых, Х. Вейцман упоминается как один из идейных вдохновителей и организаторов формирования еврейского государства. Отмечается его роль как исторического деятеля и вклад в формирование Израиля [7, р. 10].

В издании *B'nai B'rith Messenger* главной характеристикой образа Х. Вейцмана стало описание его деятельности в Соединенных Штатах. Так, в газете отображается его активная роль в жизни еврейской diáspоры США. Например, в выпуске за 31 октября 1947 г. можно найти упоминания о его участии в Историческом национальном конвенте, проводившемся в Лос-Анджелесе в том же году [6, р. 8]. Помимо этого, в заметках упоминается участие Х. Вейцмана в благотворительной деятельности. Отмечается, тот факт, что он играл значительную роль в организации финансовой помощи Ишуву: например, он призывал евреев прекратить споры относительно организации работы фонда UJA и проголосовать на выборах председателя кампании по сбору средств на 1949 г. за Генри Моргентау-младшего [2, р. 1].

Сравнивая образ Х. Вейцмана в двух периодических изданиях, можно выделить схожие аспекты в представлении этой исторической личности. В частности, в газетах Х. Вейцман представлен как активный политик, деятельность которого важна для еврейской diáspоры. Подчёркивается активная деятельность Х. Вейцмана по созданию произраильского лобби в США.

К отличиям в формировании образа Х. Вейцмана следует отнести то, что в *Sentinel* делался больший акцент на политическую деятельность, в *B'nai B'rith Messenger* – на общественную. Это

связано со спецификой и позиционированием изданий: если Sentinel проявляла себя как общееврейское издание [1], то B'nai B'rith Messenger была сфокусирована на жизни евреев Лос-Анджелеса [9].

Подводя итог, репрезентация Х. Вейцмана имеет два варианта: первый – это образ политика, одного из основателей государства Израиль, который формируется в Sentinel. Во втором варианте, представленном в газете B'nai B'rith Messenger, он показан как общественный деятель, организующий жизнь американской еврейской диаспоры. Тем не менее, существуют общие элементы образа, которые представлены в обеих газетах: Вейцман представляется как произраильский лоббист, действующий через еврейскую диаспору в США.

Научный руководитель О. В. Хазанов

Литература

1. 85-year-old newspaper barely outlives its editor. // Chicago Tribune. Chicago. 1997. 6th January. URL: <https://www.chicagotribune.com/news/ct-xpm-1997-01-06-9701060053-story.html> (mode of access: 11.10.2023).
2. End UJA Fund Dispute – Asks Dr. Weizmann Convention // The B'nai B'rith Messenger. Los-Angeles. 1949. 25th February. P. 1.
3. Faisal – Weizman agreement // Wayback Machine : web-site. URL: <https://web.archive.org/web/20110604031223/http://domino.un.org/unispal.nsf/9a798adbf322aff38525617b006d88d75bfff833964edb9bf85256ced00673d1f?OpenDocument&Highlight=2,faisal> (mode of access: 11.10.2023)
4. Fraser T. G. Chaim Weizmann: The Zionist Dream. London : Haus Publishing, 2010. 216 p.
5. Israel's Head Plans Visit to Britain to Attempt Settlement of Affairs // The Sentinel, Voice of Chicago Jewry. Chicago. 1948. 27th March. P. 7.
6. Los-Angeles Hadassahs Participate in Historical National Convention // The B'nai B'rith Messenger. Los-Angeles. 1947. 25th November. P. 8.
7. Most Agree to Chaim Weizmann as First President of Palestine // The Sentinel, Voice of Chicago Jewry. Chicago. 1947. 20th November. P. 10.
8. President Weizmann Leaves U.S.; Will Confer with British Statesmen on Israel // Jewish Telegraphic Agency. New-York. 1948. 27th May. URL: <https://www.jta.org/archive/president-weizmann-leaves-u-s-will-confer-with-british-statesmen-on-israel> (mode of access: 12.10.2023).
9. Read All About It in the B'nai B'rith Messenger, 19th July, 1929 [Electronic resource] // The Homestead Blog : web-site. URL: <https://homesteadmuseum.blog/2022/07/19/read-all-about-it-in-the-bnai-brith-messenger-19-july-1929/> (mode of access: 11.10.2023).
10. The B'nai B'rith Messenger. Los-Angeles, 1947–1949.
11. The Sentinel, Voice of Chicago Jewry. Chicago, 1947–1949.

Н. С. Семенов

Иркутский государственный университет

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВЕЙ

После Великого раскола 1054 г. христианство разделилось на западное, с центром в Риме, и восточное, с центром в Константинополе. Несмотря на то что произошло размежевание, «миссию» по распространению христианства продолжали осуществлять обе церкви, но деятельность их в этом направлении приобрела различия, что дает нам право говорить о двух отличающихся типах миссионерства.

Главной опорой религии были монастыри. Несмотря на то что изначально этот институт появился на территории Восточной Римской империи в Египте, он быстро был заимствован западными коллегами.

На Западе монашество и монахи были главными фигурами в распространении христианства на территории Европы. Только на Западе монашество смогло преобразоваться из структуры, которая укрепляла религию изнутри, в структуру, которая распространяла ее за границы того или иного государства. Рим активно способствовал появлению христианских миссий среди язычников. Западное монашество отошло от созерцательной деятельности по «приближению к Богу» в русло «установления Царства Божьего в миру», чем и отличалось от восточного [2]. Имея поддержку Рима, монастыри были местом, откуда происходили миссионеры и проповедники, а также были центром по распространению христианства на территориях, которые раньше были языческими.

Следует подробнее рассказать о монашеских орденах. Их условно можно поделить на два типа: классические и активные. Такое деление можно обусловить Клюнийской реформой и крестовыми походами. Классические ордена стали собираться в конгрегации – собрание католических монастырей под одним началом, а «активные» ордена несли практическую функцию в походах на Святую Землю (например, госпитальеры – врачи).

Следующим важным этапом является унификация и сбор монастырей под властью одного – появление конгрегации. Клюнийское аббатство, в честь которого была названа реформа, предложило дополнения к уставу святого Бенедикта, открыто назвав миссию монастырей в помощи Церкви распространения «мира

Христа». После этого монастыри стали мощной опорой в установлении власти папы в Европе. Клюнийская реформа вызвала расцвет монашеских орденов. Начали появляться различные местные ордена. Отсюда происходят истоки возникновения, уже в последующем, рыцарских орденов. Они сыграют свою важную роль на территории всей Европы от Испании до Византии. Самыми знаменитыми примерами можно назвать Мальтийский орден, орден госпитальеров, орден тамплиеров и Тевтонский орден.

Миссионерскую деятельность западных христиан можно охарактеризовать как целенаправленную, прошедшую в своей истории долгий этап становления и эволюции. Миссионеры главным образом выходили из монастырей. Монастыри представляли собой центр христианской жизни на отдельной территории. Западные миссионеры преуспели как во внутренней экспансии христианства и крещении племен, живших на территории бывшей Римской империи, так и во внешней. Внешняя экспансия не всегда носила мирный характер, миссионеры иногда приходили с мечом, во главе этих экспедиций стояли рыцарские ордена.

При рассмотрении христиан восточного обряда и их миссионерской деятельность, одним из главнейших примеров является Византия. Владения Византийской империи не имели стабильных границ, постоянно видоизменяясь. Однако влияние Византии могло сохраняться и на утраченных территориях. Так, армяне и грузины стали одними из первых крестившихся народов [1]. Территория Балканского полуострова имела давнюю историю взаимодействия с христианством ввиду того, что Апостолы Андрей и Павел вели свою деятельность на этой земле [4]. Византийская империя была главным крестителем на Балканах. Из-за того что в Византии религия была прочно связана с государством, миссионерская деятельность являлась одним из ключевых аспектов усмирения прибывших туда в VI в. славян. Последние регулярно совершали набеги, и одним из самых эффективных методов противодействия им являлась христианизация.

Значение Византии в контексте миссионерской деятельности довольно велико. Конечно, сфера влияния Византии не ограничивалась кавказскими и славянскими народами Европы – Эфиопия, населенная православными по сей день, этому подтверждение. Византийская империя значительно повлияла на современный облик Европы и мира в целом. Можно легко понять, почему миссионерство не было целенаправленно организованным предприятием со специальными органами, если обратиться к военной и по-

литической обстановке в Византии. Примером являются правила престолонаследия, ослаблявшие ее изнутри. Следствием внутренних проблем Византии явились военные поражения и утраты контроля над христианизированными народами. Таким образом, восточный тип миссионерства не смог целенаправленно организоваться в структуру по распространению христианства, оно было больше спорадическим, в отличие от западного [2].

Крещение Армении и Грузии (Иверии), прошедшие легко и мирно, явились следствием миссионерской деятельности Апостолов, но не целенаправленной миссии со стороны Римской империи, наследницей которой и являлась Византия [4]. Пример Кирилла и Мефодия продемонстрировал формулу, согласно которой успех христианизации напрямую зависел от степени понимания людьми религиозных текстов (Болгария, Сербия). Это понимание мог привнести только полный перевод текстов на местный язык. Русь продолжила миссионерскую деятельность Византии, но в меньшем масштабе [5]. На востоке и северо-востоке своих владений Русь, а также ее последующие воплощения, обратили в православие множество финно-угорских и тюркских народов, что исповедуют православие и по сей день [3].

Подводя итоги сравнительного анализа, можно сказать, что активная миссионерская деятельность, направленная на крещение язычников, является ярким проявлением практической ориентации западного монашества в отличие от более пассивного восточного. Это напрямую связано с их разными подходами. Разница заключалась в раннем возникновении оппозиции западного монашества к радикальной аскезе. Постановления Гангрского собора, датируемого приблизительно 363 г., аргументируют данное утверждение. Тем не менее вышеизложенный пример лишь отчасти показывает весь масштаб противоречий. Оппозиция носила фундаментальный характер, т. е. выступала против самих догматов, четко определяющих роль и предназначение черного духовенства.

Следуя заветам, которые были даны Августином Блаженным, христианская церковь латинского обряда отождествляла себя с эквивалентом добра, справедливости и «царства Божия» на Земле. В качестве высшей цели выступало спасение мира, а не абстрагирование от его бед. В V в. Римская церковь осознала, что аскетическое подвижничество может представлять угрозу в случае ослабления церковного покровительства над данным явлением. Исходя из этого становятся ясны подлинные причины отхода монашества от первоначального пути, по которому следовали их

предшественники, древние монахи, а также их византийские «коллеги». Западное монашество должно было сблизиться с церковью, приняв непосредственное участие в построении «царства Божия» на Земле, при этом не отрекшись от созерцательного постижения бытия и идеалов аскетизма. Постоянная изменчивость мира напрямую влияла и на саму форму проекта по претворению в жизнь «царства Божия». Таким образом, основная доля пассивного и созерцательного характера монашества была утрачена. На смену пассивности пришла активность, порождающая активную деятельность и постановку практических целей. В результате, монашество западного обряда приобрело опыт, а также длительную историю его получения, в то время как у монашества восточного обряда не произошло значимых изменений.

Западное монашество создало централизованные органы для крещения язычников и поощряло миссионерскую деятельность. Восточное было больше ситуативным – не сменило свою пассивную форму на активную [2], не было крупных орденов, которые занялись бы крещением и экспансией.

Научный руководитель А. В. Степанов

Литература

1. Иванов С. А. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М. : Языки славянской культуры, 2003. 376 с.
2. Карсавин Л. П. Монашество в Средние века / вступ. ст. М. А. Бойцова. М. : Высшая школа, 1992. 190 с.
3. Литаврин Г. Г. Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М. : Наука, 1988. 272 с.
4. Сабинин Гоброн (Михаил). История грузинской церкви до конца VI века. СПб. : Тип. и литография Д. И. Шеметкина, 1877. 189 с.
5. Хрусталев Д. Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. В 2 т. Т. 1 / под ред. В. Ю. Трофимова. 3-е изд. СПб. : Евразия, 2018. 622 с.

А. С. Солонина

Алтайский государственный педагогический университет

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ СЕРБИИ
В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX в.
(ПО ДНЕВНИКОВЫМ ЗАПИСЯМ П. А. КУЛАКОВСКОГО)**

В результате победы Российской империи в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Сербское княжество получило независимость, вступив в новый период развития, сопряженный с преодолением экономической разрухи, конституционными реформами и выбором внешнеполитического вектора. Особенности внутриполитической жизни Сербии привлекали внимание представителей русского образованного общества. Для более близкого знакомства со страной они отправлялись в путешествия и рабочие поездки туда, оставляя после многочисленные заметки, письма и дневники. Этот вид источников представляет исследовательский интерес, так как содержит сведения, изначально не предназначавшиеся для печати, что позволяет, по выражению российского историка-слависта А. Л. Шемякина, «за фасадом европейских новаций обнаружить устойчивые структуры и стереотипы традиционного общества» [4, с. 4].

Представляется продуктивным обратиться к дневниковым записям Кулаковского Платона Андреевича (1848–1913), российского историка-слависта и публициста, которые он вел во время своей преподавательской деятельности в белградской Великой школе с декабря 1878 по июль 1881 гг. Помимо обучения студентов, учений активно участвовал в научной и общественной жизни Сербии [1, с. 90], встречался с ведущими деятелями культуры и политики. По замечанию его товарища В. В. Макушева: «Как добросовестный преподаватель и человек мягкого примирительного характера, он пользуется популярностью не только между своими слушателями, но и вообще между образованными сербами всех политических партий. Вопреки сербскому обычаю, он умеет сходиться со всеми и примирять людей самых крайних направлений» [3, с. 236]. Продолжительность пребывания автора в Сербии, а также его широкий круг знакомств обосновывают важность данного источника, представляющего нам обширный материал для изучения общественно-политических процессов в сербском обществе.

Установление тесных контактов между Россией и Сербией способствовало повышению спроса на изучение русского языка среди сербов. Однако, по оценкам автора, уровень преподавания

был невысок ввиду низкой подготовки учительских кадров и недостатка учебных материалов. Серьезным препятствием также было опасение некоторых интеллектуалов, что русский язык вытеснит сербский [2, с. 72, 76]. Защита национальной самобытности порой принимала гротескные формы: к примеру, в разговоре с российским лингвистом А. Л. Дювернуа, историк Милош Милоевич, окончивший Московский университет, делал вид, будто забыл русский язык [2, с. 77].

Боязнь ассимиляции со стороны русских соседствовала у многих сербских деятелей с полным отказом в самостоятельном национальном бытии болгарам. Отношение к болгарам среди образованных сербов варьировалось от подозрительного к враждебному; доходило даже до абсурдных обвинений, что «русские выдумали болгар» [2, с. 71]. Кулаковского беспокоила все возрастающая вражда между болгарами и сербами, вину за которую он целиком возлагал на последних: «Сербы лгали, мошенничали, обманывали, и, понятно, иначе и не могло быть: они воспитали целое поколение, ненавидящее болгар, и создали себе ненависть среди болгар, которые сначала тянули в сторону сербов и рассчитывали на них как на избавителей [2, с. 79]. Тревога во многом была обусловлена тем фактом, что Россия приняла участие в освобождении двух народов, и соперничество между ними неизбежно поставит Россию перед несправедливым и сложным выбором в пользу одной из славянских держав. Кулаковский даже не исключал возможность войны с Сербией в будущем [2, с. 74]. В целом, по оценкам Кулаковского, приобретшие независимость сербы были ослеплены идеей своего национального превосходства, что по прогнозам автора в итоге могло принести только негативные последствия в развитии отношений с соседними южнославянскими народами.

Кулаковский, придерживавшийся консервативных и монархических убеждений [1, с. 76], был очень критически настроен к парламентским институтам в принципе, а в особенности, к их практической реализации в Сербии. Оформившиеся в начале 1880-х гг. политические партии вступили друг с другом в жесткое противоборство, которое, исходя из ряда социально-культурных особенностей Сербии, приобретало «характер семейных склок» [4, с. 8]. Кулаковский отрицательно относился к межпартийной борьбе, констатируя: «...трудно разобрать, боится ли серб – сторонник какой-нибудь партии – за свою родину больше, или больше опасается торжества противной партии, ненавидит ли он больше Австроию или свою оппозицию» [2, с. 81].

Соперничество на внутриполитической арене было тесно связано с выбором внешнеполитического курса, который к 1881 г. начал приобретать все более проавстрийский характер. Подобный шаг встретил острую критику Кулаковского, видевшего в этом предательство сербских интересов и измену «славянскому делу» [2, с. 96, 97]. Проводником австрийского курса был сам князь Милан Обренович, а также получившие европейское образование представители партии прогрессистов или напредняков, которых автор сравнивал с русскими либералами, для которых были характерны «те же воззрения на Европу, то же отрицание постепенности, то же поклонение всякому новому принципу, всякой новинке, хотя бы еще ничем не подтвержденной» [2, с. 73]. Однозначно негативную оценку Кулаковский дает и радикалам, не жалея для них бранных эпитетов и критикуя их за связи с социалистами и русскими нигилистами [2, с. 99, 101]. В целом сербская интеллигенция автором оценивается негативно: отмечается недостаток образования ее представителей, самодовольство и презрение к собственному народу, лицемерие, которое выражалось в том, что при ориентации на Европу они, тем не менее, ожидали оказания помощи из России. Как саркастично отмечал Кулаковский, «сербы, в случае своих бед и нужд, возлагают все надежды на Россию, но стоит лишь миновать буре, и вновь на ту же Россию они станут клеветать, вновь станут хвастать своим юначеством и смеяться над пролитой нами кровью в защиту этого же народа» [2, с. 95].

Говоря об итогах своей деятельности в Сербии, Кулаковский писал: «Можно почти наверное предсказать, что ордена мне сербы не дадут, – и, как Макушев объясняет, потому, что недовольны тем, что я пишу в газетах русских. Пусть их! Я никогда не искал ордена и искать не буду, если Бог позволит» [2, с. 108].

Подводя итог, можно сказать, что Кулаковский, несмотря на явную предвзятость в отношении парламентаризма и политиков левого толка, сумел почти беспристрастно и ярко показать различные стороны общественно-политической жизни Сербии.

Научный руководитель Н. В. Дьяченко

Литература

1. Данченко С. И. Русско-сербские общественные связи (70–80-е гг. XIX в.). М. : Наука, 1989. 198 с.
2. Кулаковский П. А. Дневник (1878–1881) // Русские о Сербии и сербах. Т. 2 (Архивные свидетельства). М. : Индрик, 2014. С. 70–111.
3. Макушев В. В. Десять месяцев за границей. Путевые заметки и наблюдения // Русские о Сербии и сербах. Т. 2 (архивные свидетельства). М. : Индрик, 2014. С. 234–240.
4. Шемякин А. Л. Особенности политического процесса в Сербии глазами русских (последняя треть XIX – начало XX века) // Славяноведение. 2010. № 5. С. 3–15.

В. И. Холин

Иркутский государственный университет

ПРОБЛЕМА КОЛОНИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

По мнению многих французов, воспоминания о колониальном прошлом их страны являются неопределенными, колонизация не играла важную роль в истории и формировании их национальной идентичности. Для многих государств история представляет основу для построения национальной идентичности, Франция же отстает от своего колониального прошлого. Несмотря на многолетние исследования историков и настойчивые усилия различных общественных организаций, колониальные эпизоды прошлого до сих пор не стали частью в национальном историческом наследии Франции. В период президентства Жака Ширака (1995–2007) открывается интересный и важный этап в истории страны, связанный с политикой признания колониального прошлого. В этой работе мы рассмотрим решения, принятые президентом Жаком Шираком, и действия, предпринятые им, их влияние на общественное мнение и политический дискурс во Франции в контексте исторической памяти о колониализме и его последствиях.

В 2005 г. Франция приняла закон, который повлиял на всеобщие оживленные дебаты и споры, из-за вмешательства в колониальную историю. Этот юридический акт, официально известный как «Закон от 23 февраля 2005 г. о признании нацией национального вклада французских репатриантов», привлек внимание не только историков и юристов, но и общественность.

Основным источником противостояния вокруг данного закона стал второй абзац его четвертой статьи, который предусматривал включение в учебные программы признание «позитивной роли» французского присутствия за границей, особенно в Северной и Западной Африке, а также обязывал учитывать жертвы среди бойцов французской армии, принимавших участие в ходе конфликтов в этих владениях. Этот абзац был отменен постановлением, принятым 15 февраля 2006 г. [4, с. 51].

В эпоху президентства Жака Ширака во Франции были реализованы меры по сокращению государственных расходов в сфере социального обеспечения. Эти действия привели к закрытию муниципальных, культурных, спортивных и образовательных центров для молодежи во многих бедных кварталах, превращая их в места социальной напряженности и роста уровня преступности среди населения, преимущественно арабского и африканского.

В период, когда министром внутренних дел Франции был Николя Саркози, наблюдалось усиление конфликтов между молодежью, проживающей в арабских пригородах, и силами правопорядка. Полицейские столкнулись с обвинениями в расистском поведении и насилии в отношении арабской молодежи, что лишь усугубило социальную напряженность в этих районах. После беспорядков в пригородах в ноябре 2005 г. и нарастающего недовольства во внешних департаментах (Антильские острова, Реюньон, Гвиана) возникает сомнение во «французской» модели интеграции и ее способности дать возможность равного участия в жизни общества молодежи, чьи родители или даже бабушки и дедушки были колонизированы в прошлом.

В 2005 г. группа активистов, в которую вошли многие французы магрибского и африканского происхождения, создала ассоциацию «Коренные жители Республики» с целью привлечь внимание к проблеме маргинализации, от которой страдают все те, кого не считают «настоящими» французами. Ассоциация была активной во времена беспорядков и протестов во Франции в 2005 г., ее члены выступали против неравенства и насилия со стороны полиции. Их деятельность привлекла внимание общественности и стала частью более широкого обсуждения социального неравенства во Франции.

В контексте возрождения колониального вопроса в публичных дискуссиях и широкого распространения концепции о необходимости отмены колониальных табу с целью преодоления социальной несправедливости и борьбы с дискриминацией, исследователи, занимающиеся колониальной историей, на которых долгое время не обращали внимание, оказались в центре внимания. Ученые столкнулись с воскрешением и переосмыслением воспоминаний о колониальном прошлом, которые стали вновь активно обсуждаться и переформулироваться различными социальными группами [6, с. 49]. В этом контексте некоторые исследователи обращают внимание на лакуны в колониальной памяти и предпочтуют политические дебаты, а не историографические дискуссии [7, с. 63]. Другие же активно участвуют в обсуждении колониального прошлого Франции и его места в современном обществе, способствуя формированию истории колониальных воспоминаний и вызывая вопросы о взаимосвязи политических решений, процессов развития исторической памяти и требований общества [3, с. 31].

Многие исследователи считают, что постколониальное французское общество страдает от отсутствия развитой «официальной

памяти» о колониальном прошлом. Не существует ни одного специализированного музея, масштабного мемориала или учебных программ, которые бы посвящены колониальной истории. Иными словами, как сказал Пьер Нора: «места памяти» колониального прошлого либо отсутствуют, либо их количество крайне незначительно [1, с. 110]. Это стирание памяти в значительной мере было осуществлено и организовано государственными властями после войны в Алжире. Законы об амнистии, принятые в 1960-х гг., фактически превратились в законы об амнезии. Исследования, проведенные Бенжаменом Стором, указывают на то, что голлистские правительства сознательно выбрали путь забвения и молчания после завершения алжирской войны и получения Алжиром независимости в 1962 г.

После провозглашения независимости Алжира, правительство Франции столкнулось с проблемами: с одной стороны, оно должно было учитывать мнение сообщества репатриантов из Алжира. Эти репатрианты представляли собой богатых французских граждан, вернувшихся во Францию после получения Алжиром независимости. С другой стороны, для Франции было необходимо восстановить мирные отношения с независимым Алжиром, который являлся важным поставщиком таких ресурсов, как нефть, газ, продовольствие и рабочая сила.

Только в 1999 г. парламент признал употребление термина «Алжирская война» для обозначения колониального конфликта 1954–1962 гг. До этого было принято говорить только о «событиях в Алжире».

Воспоминания о французской колонизации в Алжире продолжают оставаться актуальными до сих пор. Очевидно, влияние на официальную память разных правительств как правых, так и левых, не привело к формированию общенационального нарратива, способного влиять на дискуссии в обществе. Различные формы замалчивания событий вносили хаос в коллективную историческую память. Под этими событиями подразумевается роль Алжира во французской колониальной истории, роль Франции в системе рабского труда и работорговли, культурного наследия колоний и т. д. [5, с. 224].

Однако мы должны подчеркнуть, что амнезия не является внушаемой сверху. Она не смогла бы проявляться по отношению к прошлому, если бы большинство французских граждан в определенной степени не стремились забыть имперское прошлое. Таким образом, именно коллективное, а не индивидуальное забвение

способствовало возникновению постколониального единства французской нации после окончания алжирского конфликта, который глубоко разделил и травмировал. Коллективное забвение в данном контексте означает, что в целом французское общество и государство предпочли не обращать внимания на негативные аспекты своего алжирского колониального наследия. Вместо обсуждения ошибок прошлого и нарушения прав человека на уровне общества преобладала политика забвения, а порой и искажения указанных событий. Это также помогло забыть и о других кровавых страницах прошлого, таких как подавление восстания на Мадагаскаре в 1947 г., события в Индокитае или Камеруне.

Важно учесть, что признание колониального наследия Франции имеет важное значение для ее отношений с бывшими колониями, такими как Алжир, Марокко, Тунис, Вьетнам и страны франкоязычной Африки. Эти страны часто настаивают на признании ошибок и извинениях за французское колониальное насилие, эксплуатацию и ущемление прав человека, которые им пришлось пережить в период колонизации [4, с. 168].

Жак Ширак сыграл важную роль в смягчении и пересмотре французской колониальной памяти. Его решение отменить спорную статью в законе «О признании нацией национального вклада французских репатриантов» и подчеркивание необходимости обсуждения разных аспектов колониального прошлого внесли существенный вклад в осознание и осмысление этих вопросов во Франции. Многие французы были против этих изменений, но Ширак требовал более открытого и честного обсуждения колониального наследия Франции.

Научный руководитель Д. В. Козлов

Литература

1. Нора П. Франция-память. СПб. : Университет, 1999. 333 с.
2. Черкасов П. Распад колониальной империи Франции: кризис французской колониальной политики в 1939–1985. М. : Наука, 1985. 325 с.
3. Bancel N., Blanchard P. Les origines républicaines de la fracture coloniale. B: Blanchard P., Bancel N., Lemaire S. (éd.) La fracture coloniale. La société française au prisme de l'héritage colonial. Paris: La Découverte, 2005. P. 31-48.
4. Bertrand R. Mémoires d'empire. La controverse autour du «fait colonial». Paris : Editions du Croquant, coll. «Savoir, agir». 2006. 219 p.
5. Conklin A. Boundaries Unbound: Teaching French History as Colonial History and Colonial History as French History // French Historical Studies. 2000. Vol. 23. P. 215–238.
6. Liauzu C. Interrogations sur l'histoire française de la colonisation // Genèses. mars 2002. N 46. P. 44–59.
7. Roussellier N. Vingtième Siècle // Revue d'histoire. Avril-juin 2004. P. 59–69.

Н. Ч. Цыбиков

Иркутский государственный университет

ФЕНОМЕН ДИКТАТУРЫ ЦЕЗАРЯ В ОЦЕНКАХ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ

В историографии существует нарратив противостояния в Римской республике «идеологии полиса» и идеологии «империи». Противостояние строилось вокруг того, какое государственное устройство более эффективно для управления резко увеличившейся римской державой [10, с. 295]. В традиционной историографии Цезарь описывается как император, а его противники, такие как Цицерон, Брут, Кассий, Катон Младший, как республиканцы. Если рассматривать этот вопрос как столкновение авторитарной и демократической, монархической и республиканской тенденций, то вопрос представляется уже более сложным, учитывая постоянные обвинения различных римских политиков в стремлении к узурпации власти и тирании, ставшими в эпоху гражданских войн в Риме привычным фоном жизни для жителей города. В этом контексте вопрос о восприятии римлянами диктатуры Цезаря видится достаточно интересным, ведь имелись самые разные точки зрения на него как политика, причем даже в апологетической литературе они порой абсолютно разные.

Сам факт занятия Цезарем должности диктатора не был чем-то удивительным для римлян: должность диктатора своими корнями восходит ко временам основания Римской республики, когда только что свергнутый царь Тарквиний Гордый не оставлял попыток вернуть себе власть, а плебеи активно выступали против безраздельной власти патрициев. В ситуации, когда неокрепший республиканский строй стоял на грани гибели, Сенат и патриции рассудили, что им необходим, выражаясь современным языком, «антикризисный менеджер», которым стал Тит Ларций Флав – первый диктатор Рима [8, с. 77–78]. В период VI–III вв. до н. э. диктатор назначался довольно часто. Важно понимать, что на тот момент слово «диктатура» не имело того отрицательного значения, которое оно имеет сейчас. Римляне под ним понимали довольно обыденную магистратуру, назначаемую на полгода, зачастую во времена серьёзного кризиса [4, с. 166].

По-новому на диктатуру римляне взглянули во время противостояния между оптиматом Луцием Корнелием Суллой и популяром Гаем Марием, переросшим в гражданскую войну 83–82 гг.

до н. э., в ходе которой первый ввёл свои войска в Рим. Сулла, вышедший из противостояния победителем, по сути продавил с помощью армии назначение себя бессрочным диктатором, став им в уже современном смысле этого слова [5, с. 16–17]. Диктатор воспользовался своей властью для удара по позициям его политических противников внутри Республики, устроив небезызвестные проклятия, в ходе которых было убито множество граждан [9, с. 43].

Ввиду этого выступление Цезаря на Рим в 49 г. до н. э. очень сильно напугало граждан, так как очередной полководец с верным ему войском шел брать город. Опасения были не напрасными, ведь Цезарь действительно взял город и действительно объявил себя диктатором [10, с. 136]. Однако на удивление современников, новый диктатор был максимально милосерден, даря прощение практически всем своим политическим противникам [1, с. 28].

Вся деятельность Цезаря, а в частности его диктатура, вызвала незамедлительную реакцию современников, выраженную в том числе и в литературном наследии того времени. Прежде всего, диктатура Цезаря была описана самим Цезарем в таких трудах, как «О Гражданской войне» и следующих за ними «Об Александрийской войне», «Об Африканской войне», «Об Испанской войне» и «Антикатон». Цезарь представляет свою диктатуру как по большей части вынужденную, ведь он защищал своё достоинство и права римского народа, ущемлённые партией оптиматов, хотел «освободить и себя, и народ римский от гнета шайки олигархов» [2, с. 233].

Из наиболее видных авторов, современных Цезарю и издававших свои сочинения в его времена, можно назвать Марка Туллия Цицерона и Гая Саллюстия Криспа, поскольку они оба имели непосредственное отношение к диктатору. Оценки Цицерона и Саллюстия завязаны прежде всего на их политической принадлежности к партиям оптиматов и популяров соответственно. Цицерон принадлежал к партии оптиматов и считал Цезаря тираном, стремившимся к реставрации монархии [3, с. 177–179]. Саллюстий же относился к числу сподвижников диктатора, считая диктатора защитником народа и Республики от произвола оптиматов [10, с. 16]. По этой причине их оценка, безусловно, является ангажированной и не даёт нам объективной картины тех событий. Тем не менее, подобные рассуждения остаются крайне интересными, ведь это свидетельства непосредственных участников масштабнейших процессов. Сами по себе они служат серьёзными источниками, отображающими подробности политических воззрений людей той эпохи.

В литературе проимперского толка Цезарь описывается безусловно выдающимся политиком и полководцем, однако авторов он интересовал, прежде всего, как приёмный отец первого римского императора Октавиана Августа, который активно пользовался его авторитетом. Работы современных Августу историков написаны именно в этом ключе: Веллий Патеркул и Николай Дамасский представляют Гая Юлия Цезаря любящим юного Октавиана отцом, всячески покровительствующим ему в его политической карьере [7, с. 220]. Но Цезарь-политик в этих работах остаётся в тени преобразований первого римского императора и служит скорее его источником легитимности и предтечей. Особняком среди таких авторов стоит Дион Кассий, для которого Цезарь оказался скорее образцом идеального императора, а превращение Республики в империю было благом. В литературе неформального толка, представленной Светонием, Плутархом и Аппианом, Цезарь предстает перед нами как противоречивый персонаж: безусловно великий полководец и, как минимум, неоднозначный правитель. В частности, все три автора подчёркивают стремление Цезаря завоевать власть по причине его собственного честолюбия и властолюбия [10, с. 22–26].

Прослеживается и постепенное изменение отношения к Цезарю в зависимости от политического состояния государства. В работах эпохи Октавиана Августа Цезарь описывается через призму пропагандистского нарратива Октавиана. Уже во времена Антонинов, «пяти хороших императоров», Цезарь предстает перед нами как неоднозначный персонаж, что отражает своеобразный компромисс между властью Сената и императоров. А в эпоху Северов случился окончательный перевес в сторону императорской власти, что и выразилось в откровенно монархической и процезианской работе Диона Кассия.

Пример восприятия римлянами диктатуры Цезаря показывает нам, что многие политические процессы, происходящие в истории, на самом деле не чужды и нашему дню. Политика Цезаря вызвала достаточно широкую оппозицию, представителями которой являлись многие известные деятели той эпохи: такие как Марк Юний Брут, Гай Кассий Лонгин, Марк Туллий Цицерон и многие другие. Но и на стороне Цезаря было немало деятелей той эпохи. Это свидетельствует о неоднозначной обстановке в римской политике, что отразилось и в литературных сочинениях современников.

Научный руководитель Д. В. Козлов

Литература

1. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / пер. с лат. М. Л. Гаспарова. М. : Наука, 1993. 364 с.
2. Гай Юлий Цезарь. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / пер. и коммент. М. М. Покровского. М. : Наука, 1993. 559 с.
3. Горенштейн В. О. Цицерон в годы Гражданской войны 49–44 гг. и диктатуры Цезаря. Диалоги «О старости» и «О дружбе» // Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / изд. подгот. В. О. Горенштейн [и др.]. М. : Наука, 1993. С. 175–191.
4. Егоров А. Б. Сулла и Цезарь, две диктатуры (опыт сравнительного анализа) // Запад – Россия – Кавказ : науч.-теорет. альманах. 2003. № 2. С. 165–190.
5. Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность : монография. М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1949. 687 с.
6. Межерицкий Я. Ю. «Восстановленная республика» Октавиана Августа. М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. 991 с.
7. Николай Дамасский. О жизни Цезаря Августа / пер. с греч. Е. Б. Веселаго // Вестник Древней истории. 1960. № 4. С. 209–243.
8. Тит Ливий. История Рима от основания города. В 3 т. Т. 1 / пер. с лат. Н. А. Поздняковой. М. : Наука, 1989. 576 с.
9. Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи : монография. М. : Наука, 1969. 324 с.
10. Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М. : Мысль, 1984. 342 с.

СЕКЦИЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИСТОРИИ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА В XXI ВЕКЕ

С. Д. Бурдукова

Иркутский государственный университет

«ОСТРАЯ СИЛА» – НОВОЕ ЯВЛЕНИЕ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРЕНЕ

В политической науке распространено использование термина «сила» или «power». Существует целый ряд подходов к его пониманию. Термин является комплексным, существует несколько разновидностей, например, «мягкая сила», «жёсткая сила», «умная сила» и «острая сила». Рассмотрим содержание концепта «острой силы», так как понятие относительно недавно вошло в оборот политологов и международников и в настоящее время постепенно распространяется в профессиональной среде, упоминается при анализе характеристик внешнеполитического инструментария некоторых стран.

Sharp power (пер. «острая сила») относится к методам, которые государства и негосударственные акторы используют для вмешательства во внутренние дела других стран, с целью достижения своих геополитических целей. Первые упоминания концепта появились в конце 2017 г. после выхода статьи Кристофера Уокера и Джессики Людвиг «Значение острой силы. Как авторитарные государства проецируют влияние» во влиятельном американском журнале «Форин Эффэйрс» [7]. В ней авторы подробно описали генезис феномена на примере России и Китая – после окончания холодной войны от этих стран коллективный Запад ожидал про-

цесса активной внешней либерализации, но они стали самостоятельно проецировать силу на внешнем контуре, конкурируя с «либеральными демократиями» Запада. Отметим, что исследования «острой силы» К. Уокером продолжаются. Так, в 2020 и 2022 гг. он опубликовал еще две статьи по этой проблеме «The Cutting Edge of Sharp Power» («Лезвие острой силы») [6] и «Rising to the Sharp Power Challenge» («Принимая вызов острой силы») [5].

Помимо ранее упомянутых исследователей изучением концепта sharp power занимался Ларри Даймонд, американский политолог и ведущий исследователь демократии. Он писал о том, что использование sharp power приводит к ослаблению демократических институтов, подрыву веры в правовое государство и свободные выборы. Приводя в пример Китай, Л. Даймонд анализировал попытки Пекина направить «острую силу» против институтов в Соединенных Штатах. Ключевым полем битвы, скорее всего, являются американские колледжи, университеты и аналитические центры, а главным инструментом Китая является его Рабочий отдел Объединенного фронта, важнейшая часть аппарата КПК, целью которой является обеспечение поддержки партии по всему миру. Усилия департамента включают влияние на китайских и этнических китайских студентов на Западе, коррумпированное и непрозрачное финансирование западных университетов и многое другое [3].

Основное отличие концепта «острой силы» от традиционных форм влияния в рамках «мягкой силы» и «умной силы» заключается в использовании таких инструментов как дезинформация, кибератаки, манипуляции в социальных сетях и т. д.

Дж. Най, выдающийся теоретик-международник, автор термина «мягкая сила» отреагировал на появление нового концепта, написав в своей статье, опубликованной в ноябре 2018 г., о том, что «острая сила» – это «новый термин, описывающий старую угрозу». Он предполагал, что речь идет об информационной войне. Дж. Най дает следующее определение: sharp power – «использование фальсифицированной информации во враждебных целях» [4].

Если сравнивать «мягкую силу» и «острую силу», то можно отметить, что в представлении западных авторов они обратно пропорциональны друг другу. «Мягкая сила», по их мнению, основана на добровольном привлечении целевой аудитории, в то время как «острая сила» делает это посредством манипуляторных инструментов. Одной «мягкой силы» может быть недостаточно для распространения влияния, но в сочетании с «острой силой» она даст

больший эффект. Таким образом, власть зависит не только от того, чья армия победит, но и от того, чей нарратив победит [2].

Зачастую концепт sharp power рассматривается на примере таких стран как:

- Китай, который активно использует «острую силу» для распространения своей политической линии с помощью цензуры в интернете, кибератак и т. п., чтобы манипулировать общественным мнением и подавлять критику в сторону компартии;

- Турция, для которой характерно подавление свободы слова и оппозиции как внутри страны, так и за её пределами; она может применять судебные и административные ресурсы, чтобы ограничить свободу масс-медиа и контролировать информационное пространство;

- Иран, в котором политические лидеры страны понимают, что военный потенциал государства не позволяет серьезно конкурировать с США, поэтому активно развивает собственную систему иранских «хакеров».

В список субъектов, обладающих наиболее развитой «острой силой», по мнению западных аналитиков, попадают «ИГИЛ» (запрещенная в РФ организация), «Аль-Каида» и Россия.

Влияние России на общественное мнение стран Запада стали обсуждать в конце 2000-х гг., после запуска телевизионной сети Russia Today западные эксперты заявили о наращивании информационного потенциала страны. На сегодняшний день Россия нередко обвиняется в различных кибератаках, например, о вмешательстве России шли дискуссии во время выборов в США в 2016 г. [1]. Любопытно, что происходит дискурсивная трансформация термина «мягкая сила» в экспертном дискурсе – в исполнении стран Запада «сила» продолжает оставаться «мягкой» и «умной», в том случае, если ее используют конкуренты центра мировой системы – она становится «острой» и вызывающей опасения.

Но это лишь некоторые примеры реализации sharp power. Важно понимать, что каждое государство в реализации национальных интересов вправе выбирать собственные методы и стратегии для достижения своих целей.

В целом, подводя итог, можно отметить, что в современном мире политика претерпевает значительные изменения и одной из наиболее важных тенденций, заслуживающей особого внимания, является появление концепции sharp power. Она появилась как инструмент осуждения политики ряда государств, в том числе и России, потому как исследователи стран коллективного Запада

считают, что именно такими методами страны хотят распространить своё влияние в мире. По понятным причинам такой исход противоречит интересам государств, стремящихся сохранить позицию гегемона.

Вероятнее всего, дискуссии о концепции sharp power только начинают набирать обороты в среде экспертов и ученых и в настоящее время необходимо тщательно отслеживать состояние спора. С развитием технологий многие страны стараются наращивать не только экономический или военный потенциал, но и информационный. В век информации появляются разнообразные способы распространения влияния, поэтому каждое государство делает всё возможное, чтобы добиться наибольшего успеха при реализации своих интересов с наименьшими затратами.

Научный руководитель И. В. Олейников

Литература

1. Леонова О. Г. Sharp power – новая технология влияния в глобальном мире // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, вып. 2. С. 21–28.
2. Gupta V. G. What is Sharp Power? // Competition Success Review : website. 2020. URL: <https://www.competitionreview.in/blogs/2020/08/15/what-is-sharp-power/> (mode of access: 14.10.2023).
3. How Chinese Sharp Power Takes Aim at American Democracy // War on Rocks : website. 2019. URL: <https://warontherocks.com/2019/02/jaw-jaw-how-chinese-sharp-power-takes-aim-at-american-democracy/> (mode of access: 14.10.2023).
4. Nye J. S. Jr. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence // Foreign Affairs : website. 2018. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power?cid=nlc-fa_fatoday-20180124 (mode of access: 13.10.2023).
5. Walker Ch. Rising to the Sharp Power Challenge // Journal of Democracy. 2022. Vol. 33, N 4. P. 119–132. <https://doi.org/10.1353/jod.2022.0051>
6. Walker Ch., Kalathil S., Ludwig J. The Cutting Edge of Sharp Power // Journal of Democracy. 2020. Vol. 31. N 1. P. 124–137 // Project Muse : website. URL: <https://muse.jhu.edu/article/745959/pdf> (mode of access: 14.10.2023).
7. Walker Ch., Ludwig J. The Meaning of Sharp Power. How Authoritarian States Project Influence // Foreign Affairs : website. 2017. URL: <https://archive.md/2022.08.16-173432/https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power#selection-1457.0-1461.42> (mode of access: 14.10.2023).

К. Д. Дементьева

Иркутский государственный университет

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ ФЕМИНИСТСКОГО КОНСТРУКТИВИЗМА

В настоящее время в рамках науки о международных отношениях существует огромное количество теоретических подходов, представляющих плурализм точек зрения относительно тех или иных международных процессов. Одним из таких подходов является феминистская теория международных отношений, которая появилась во второй половине XX в. В целом следует отметить, что в этот период феминистические настроения становились все популярнее, женщины боролись не только за политические права, но и против объективизации своего пола, что подразумевало полную эмансипацию, восприятие женщины отдельно от мужчины, т. е. как самостоятельной личности. Подобные настроения проникли во все сферы жизни общества и способствовали распространению идей равенства мужчин и женщин в трудовой, культурной, социальной, политической и др. областях [4, с. 115]. Феминизм сегодня – это новая идеология гендерного равноправия, социальной справедливости и гуманизма [1, с. 3].

Феминизм проник в исследования политики в 1960-х гг., когда Американская ассоциация политической науки открыла специальную секцию, исследовавшую проблемы женщин в политическом контексте. Одним из основополагающих аспектов гендерного анализа в рамках политической науки является идея о том, что традиционно международные отношения отвергают женщин как равный мужчинам источник знаний. Ключевым термином и аналитической единицей феминистской теории является гендер, который рассматривается не только как биологическая принадлежность к тому или иному полу, но и как набор социальных ролей [7, с. 7]. В рамках этого подхода определение гендера зависит от властных отношений и социальных институтов, формирующих половое неравенство. Кроме того, его сторонники утверждают, что понятие гендера в международных отношениях существовало всегда, но не пользовалось должным вниманием со стороны мужской политической элиты.

Согласно феминистскому подходу в изучении МО, международные отношения имеют гендерную структуру, где существуют

два класса – управленцы, т. е. мужская элита, и социально-порабощённые – женщины. Создание подобной социальной стратификации обосновано историческим игнорированием женских прав, рассмотрением женщины как некого дополнительного и неразрывно связанного с мужчиной объекта. Поэтому феминистская теория изучает не только гендерное влияние на международную арену, женские и мужские достижения в области глобальной политики, но и способствует уравниванию человеческих прав. Следует добавить, что феминистский подход фокусируется на определении угроз государственной безопасности, власти и суверенитету. Власть в этой теории рассматривается как способность действовать согласованно для достижения общей цели под руководством политической элиты [8, с. 2]. А, например, национальная безопасность предполагает более широкий спектр проблем, нежели понимание национальной безопасности политическими реалистами (с точки зрения военной мощи).

Феминистский подход в целом критикует реалистическую парадигму международных отношений. Реализм основан на стремлении государств к власти, которое во много раз повышает вероятность возникновения военных столкновений. Феминистская теория расширяет эти представления о функционировании международной среды, отходит от мужских ассоциаций межгосударственного взаимодействия с военными конфликтами. В большинстве исследований государственной безопасности женщинам уделяется крайне мало внимания. Исследователи-мужчины пишут о других мужчинах, так как практически все действующие лица международной политики – представители мужского пола [5]. Кроме того, сторонники феминистского подхода настаивают на том, что научные термины в области МО (те же власть, национальная безопасность) не могут быть полностью изучены в рамках классических теорий международных отношений (реализма, например), так как для этого необходим более сложный метод, т. е. рассмотрение международных событий посредством гендерного анализа. Гендерный анализ должен учитывать индивидуальный уровень и социальные взаимодействия, которые, так или иначе, связаны с актуальными международными проблемами.

Естественно, как и многие другие подходы к изучению международных отношений, феминистский подход объединяет в себе несколько различных точек зрения и частных теорий, которые анализируют влияние гендера на международные отношения и политику в целом. Например, существует теория феминистского

конструктивизма, название которой впервые было предложено Дж. Энн Тикнер в 1992 г. Э. Тикнер в своих исследовательских работах задавалась вопросом о положении женщин в глобальной политике. Она отмечает, что международные отношения слишком долго ассоциировались с мужским началом – силой и агрессивностью. Государство воплощало мужскую фигуру, «воина-гражданина». Ориентация на женское начало, по ее мнению, позволит уйти от постоянных военных столкновений и построить международную жизнь на принципах единства и сотрудничества [6].

Феминистский конструктивизм утверждает, что гендерная идентичность и свойственные ей социальные характеристики играют значительную роль в процессе принятия политических решений и международных отношениях. Социальные характеристики конструируются общественными институтами и властными отношениями, что подчеркивает независимость гендерной идентичности от биологического пола. Согласно теории феминистского конструктивизма, представления о маскулинности и феминности формируются в обществе, поддерживаются патриархальной культурой и стереотипами. Война, например, является одной из проблем, в рамках которой женщин игнорируют или изображают как беспомощных и нуждающихся в защите. Исторически установленные каноны изображают мужчин жестокими, а женщин более миролюбивыми. Эти социально-сконструированные гендерные образы показывают женщин невоинственными людьми, а мужчин – воинами. Идеи о женской и мужской идентичности также влияют на организацию политической системы и структуру власти. Таким образом, гендер, единица анализа феминистского конструктивизма, рассматривается как социально и политически сконструированная идентичность. Кроме того, теория анализирует как гендерная идентичность определяет спектр политических возможностей и форму ответственности, как мужчины и женщины представлены на международной политической арене и как обществом воспринимается их деятельность. Феминистский конструктивизм критикует патриархальную культуру и гендерное неравенство в политике и международных отношениях. Для ликвидации гендерной дискриминации в этой сфере теория стремится к изменению социально-политических институтов.

Идея феминистского конструктивизма о том, что патриархальная культура способствует сохранению гендерных стереотипов в общественной и, в том числе, в политической жизни, имеет под собой основания, ведь довольно часто женщины сталкиваются с

ограничениями, созданными самой патриархальной системой. В частности, мы можем обратиться к нескольким примерам, позволяющим сделать вывод, что политическая жизнь не избавлена от острых и сексистских высказываний, на чем делают акцент феминистские теории в целом. Так, например, в политической и международных сферах существуют стереотипы о «женской непригодности». Другие примеры связаны с проблемой публичной сексуализации женщин. Многие, казалось бы, видные политические деятели называли женское тело «красивым брендом» своей страны: «И в городах украинских начнут раздеваться женщины. Увидеть эту красоту – бесценно» – так сказал экс-президент Украины В. Янукович. Подобные публичные высказывания влияют на гендерную презентацию, т. е. на восприятие женщины как надежного политического лица [2].

Другие примеры, утверждающие феминистский конструктивизм в качестве нового взгляда на политическую жизнь и МО, связаны с репрезентацией в СМИ женщин, участвующих в политике. В первую очередь, женщину-политика описывают как женщину, обязанную выполнять домашние обязанности, а не должностное государственное лицо с профессиональными навыками. Журналисты прибегают к описанию их образа, поведения, семейного положения, тем самым уделяя меньше внимания их достижениям и навыкам: «их прическа кажется более достойна новостей, чем их политические позиции» [3, с. 25]. Во-вторых, участие женщины в политической жизни иногда чревато ущербом ее физическому и психологическому здоровью, так как существует возможность политического насилия, применение угроз на гендерной основе. В этом случае, сексуальное насилие, шантаж, клевета, нападения представляют собой что-то вроде инструмента для подавления политического оппонента (особенно во время вооруженных конфликтов или предвыборной кампании).

Таким образом, феминистский конструктивизм может быть применен при анализе различных вопросов политической и международной жизни. Основное утверждение феминистского конструктивизма заключается в том, что гендерные конструкции влияют на политические решения и возможности, а также на взаимодействие политических субъектов. В настоящее время эта теория продолжает развиваться, в том числе в контексте изучения международных отношений, благодаря работе многих исследователей и феминистских активистов.

Научный руководитель Н. Е. Уткина

Литература

1. Вахтеркина М. Ю. Значение феминизма в теории международных отношений // Мир науки и мысли. 2023. № 1. С. 22–25 // Cyberleninka : сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-feminizma-v-teorii-mezhdunarodnyh-otnosheniy/viewer> (дата обращения : 15.10.2023).
2. «Женщина без материнства неполноценна»: за что политиков обвиняли в сексизме / Газета.ru. : сайт. 08.03.2021. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/03/07_a_13503326.shtml (дата обращения: 17.10.2023).
3. Куусинен С. Ксения Собчак — «светская львица» или «борец с властью». Репрезентация и имидж женщины-политика в предвыборном дискурсе СМИ 2018 года : магистер. работа / Университет Тампера. 2020. 77 с. // Tampere Universiity : сайт. URL: <https://trepo.tuni.fi/bitstream/handle/10024/121097/KuusinenSusan-na.pdf?sequence=2> (дата обращения : 15.10.2023).
4. Муслумова Т. В. Феминизм: истоки, этапы развития и основные направления // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (28). С. 114–120. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/feminizm-istoki-etapy-razvitiya-i-osnovnye-napravleniya> (дата обращения: 23.10.2023).
5. Терещенко А. Критическое направление в исследованиях безопасности // Отечественные записки. 2013. № 2 (53). URL: <https://strana-oz.ru/2013/2/kriticheskoe-napravlenie-v-issledovaniyah-bezopasnosti> (дата обращения: 16.10.2023).
6. Ayelet H. Feminist International Relations (IR) Theory // The Palgrave Encyclopedia of Global Security Studies / S. Romaniuk et al. (eds.). Palgrave, 2020. P. 1–5 // SpringerLink : website. URL: https://link.springer.com/referenceworkentry/10.1007/978-3-319-74336-3_207-1 (mode of access: 17.10.2023).
7. Feminist Approaches to International Relations Theory in the Post-Cold War Period : article from the book The Age of Perplexity: Rethinking the World We Knew // BBVA : website. URL: <https://www.bbvaopenmind.com/en/articles/feminist-approaches-to-international-relations-theory-in-the-post-cold-war-period/> (mode of access: 14.10.2023).
8. Inass A. A. Feminist Theorizing in the International Relations Discipline Feminist // Journal of International Women's Studies. Vol. 25. 13 March, 2023. P. 1–9 // ResearchGate : website. URL: https://www.researchgate.net/publication/369596919_Feminist_Theorizing_in_the_International_Relations_Discipline (mode of access: 16.10.2023).

И. Р. Кулагин

Иркутский государственный университет

МЕДИЦИНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В КУБИНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Кубинская система здравоохранения является одной из наиболее эффективных среди развивающихся стран, а по некоторым показателям превышает даже развитые страны. В частности, в 2015 г. Куба стала первым в мире государством, полностью устранившим передачу ВИЧ и сифилиса от матери к ребёнку при родах – что генеральный директор ВОЗ Маргарет Чан назвала «одним из величайших достижений системы здравоохранения» [8].

При этом кубинская медицина имеет огромное значение не только на национальном, но и на глобальном уровне [3, с. 54]. Практически сразу после революции 1959 г., социалистическое правительство Кубы начало создавать условия для медицинской кооперации и предоставления медицинских услуг за границей, в частности в беднейших странах мира. По данным кубинского правительства, за период с 1960 по 2016 г., 325 тыс. кубинских врачей работали в 158 странах [4, с. 2]. В 2007 г., около 42 тыс. кубинцев работали в 103 иностранных государствах, из них 30 тыс. составляли медицинские работники, в том числе 19 тыс. – врачи. Количество кубинских медицинских работников в развивающихся странах в этот год превышало суммарное число врачей из стран «Большой Восьмёрки» в этих государствах [6, с. 78]. Официальное название этой политики на Кубе – медицинский интернационализм. Кооперация в сфере здравоохранения является одной из основ внешней политики Кубы, что подчёркивалось и бывшим первым секретарём Коммунистической Партии Кубы (далее РСС – Partido Comunista de Cuba) Фиделем Кастро, и официальными органами РСС, такими как газета «Гранма» [5].

Медицинская дипломатия представляет собой главный инструмент «мягкой силы» Кубы, участвующий в продвижении кубинских и социалистических ценностей, взаимной кооперации с иностранными государствами и предоставлении бесплатных или субсидированных товаров и услуг. Эта политика позволяет Кубе выживать в крайне сложной внешнеэкономической и внешнеполитической обстановке, связанной с блокадой со стороны США [4, с. 3].

Внешнеэкономические предпосылки современного развития кубинской дипломатии можно проследить по этапам её развития. С 1960 по 1991 г. Куба успешно организовала внутреннюю систему здравоохранения по советскому образцу, в частности по примеру системы Семашко [2, с. 35], активно отправляла группы врачей в страны Африки и Латинской Америки – в места эпидемий и природных катализмов [4, с. 3], но не имела единой структуры медицинской дипломатии. Такая структура, представленная Компенсированной технической помощью (Asistencia Técnica Compensada, ATC) и Комплексной программой здравоохранения (Programa Integral de Salud, PIS), появилась только после распада СССР как результат экономических мер по сохранению социализма на Кубе в условиях американского эмбарго и отсутствия помощи социалистического блока [1, с. 95]. В 2011 г. экономические цели медицинской дипломатии, в том числе экспорт медицинских товаров и оборудования, были закреплены официально в постановлении РСС «Основные направления экономической и социальной политики партии и революции» [7, с. 17]. Соотношение цены и качества является основой конкурентоспособности кубинских медицинских услуг за рубежом, делая их доступными в развивающихся странах, в которых имеются рынки с большим спросом при относительно низкой платёжеспособности [2, с. 39].

При этом медицинская дипломатия Кубы не может сводиться исключительно к экономическим целям. Она выполняет ряд важнейших культурных, социальных и идеологических функций и соответствует официальной идеологической позиции РСС, заключающейся в пролетарском интернационализме [1, с. 95]. В частности, ряд услуг предоставляется представителям беднейших стран бесплатно или льготно [1, с. 98].

Кубинская система медицинской дипломатии отличается направленностью на долгосрочное сотрудничество и комплексный подход к решению социальных проблем, а не кратковременные и частные меры, что в особенности способствует повышению авторитета кубинской медицины в развивающихся странах [4, с. 3]. Это, в свою очередь, позволяет Кубе развивать более сложные и высокотехнологичные сферы медицины – в частности, если в 1990-х гг. значительную долю кубинского медицинского туризма составляли оздоровительные комплексы, в основе которых лежали особенности климата и неспециализированная медицинская помощь, то в настоящее время Куба является центром медицинского туризма с точки зрения предоставления высокоспециализированных медицинских услуг [2, с. 39–40].

Во время пандемии коронавируса 2019–2023 гг. кубинская медицинская дипломатия, особенно в области разработки, производства и распределения вакцин, показала себя как один из мощнейших инструментов поднятия международного престижа Кубы, что проявилось, в частности, во время голосования Генеральной Ассамблеи ООН против блокады страны, в котором за окончание блокады проголосовали даже некоторые страны, традиционно являющиеся союзниками США [1, с. 93]. Вместе с другими шагами кубинского правительства, такими как принятие нового прогрессивного семейного кодекса, медицинская дипломатия является одной из основ международного влияния и авторитета Кубы и распространения ценностей кубинского социализма.

Научный руководитель Д. В. Козлов

Литература

1. Борейко А. В. Эволюция кубинской медицинской дипломатии // Иbero-американские тетради. 2020. Т. 8, № 4. С. 92–104.
2. Губина М. А., Коваль А. Г. Эволюция и перспективы здравоохранения на Кубе // Латинская Америка. 2014. № 5. С. 32–45.
3. Пятаков А. Н. Международная деятельность Кубы в сфере здравоохранения // Латинская Америка. 2012. № 11. С. 54–64.
4. Baggot R., Lambie G. Hard Currency, Solidarity and Soft Power: The Motives, Implications and Lessons of Cuban Health Internationalism // International Journal of Health Services. 2018. Vol. 49, N 1. P. 1–21.
5. Doctors, not bombs // Granma : web-site. URL: <https://en.granma.cu/cuba/2020-03-26/doctors-not-bombs> (mode of access: 22.10.2023).
6. Huish R., Kirk J. M. Cuban Medical Internationalism and the Development of the Latin American School of Medicine // Latin American Perspectives. 2007. Vol. 34, N 6. P. 77–92.
7. Lineamientos de la Política Económica y Social del Partido y la Revolución // Portal Cuba.cu : web-site. URL: <http://www.cuba.cu/gobierno/documentos/2011/esp/l160711i.pdf> (mode of access: 22.10.2023).
8. WHO validates elimination of mother-to-child transmission of HIV and syphilis in Cuba // World Health Organization : web-site. URL: <https://www.who.int/news/item/30-06-2015-who-validates-elimination-of-mother-to-child-transmission-of-hiv-and-syphilis-in-cuba> (mode of access: 22.10.2023).

В. М. Лазерег

Иркутский государственный университет

АФРИКА ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ И ВОЕННЫХ СТРАТЕГИЯХ ФРАНЦИИ И КИТАЯ

На протяжении последних десяти лет Китай усиливает политическое присутствие в Африке. Пекин установил отношения практически со всеми государствами региона, а Тайбэй, напротив, лишился признания этих стран [4]. К тому же, все африканские страны, кроме королевства Эсватини, участвуют в инициативе «Пояс и путь», и некоторые напрямую задействованы в маршрутах этого проекта. Усиленное взаимодействие идет со странами южной и восточной частей Африки, остальные субрегионы все еще напрямую зависят от западной поддержки и не решаются на тесное сотрудничество с Китаем [6].

Помимо КНР активную политику в регионе ведут еще несколько стран, некоторые из них имеют явное преимущество. Основными акторами являются: Россия, США, страны-участницы ЕС, Великобритания, страны арабского мира. Среди перечисленных стран особо выделяют Французскую Республику, длительная история французского колониализма помогла укрепить позиции этой страны в регионе.

Франция в период 1814–1962 гг. свободно осуществляла свою политику и выстраивала торговые отношения со всем африканским регионом. Кроме того, Париж далеко не сразу дал полную свободу своим колониям, уход из региона осуществлялся медленно. А с декабря 1945 г. в странах Западной и Центральной Африки был введен франк КФА (*franc de la Communauté financière Africaine*), который фактически сделал финансовую систему франкоговорящих стран недееспособной без самой Франции [7].

Исходя из разъяснения инициативы о валютном сотрудничестве между Франсафрикой и Францией на сайте МИД Французской Республики, данная система должна сохранить стабильность в регионе [2]. Национальные валюты каждой из стран, входящих в систему, подкрепляются франком, но кроме фиксированной привязки к валюте другой страны, эта система предполагает передачу части казны в Париж. Более 50 % национальных резервов контролирует госбанк Франции, 20 % составляют выплаты правительству Франции за работу системы, и лишь около 30 % резервов остаются под полной юрисдикцией африканских государств-участников.

Внутри самого КФА идёт разделение на Западно-Африканский (ЗАЭВС) и Восточно-Африканский (ЦАВЭС) регионы. При президентстве Э. Макрона все чаще стали звучать лозунги об отмене системы или переходе на новую. В зависимости от того, идёт ли речь о западной или центральной части системы КФА, озвучиваются разные варианты выхода из нее. Для ЗАЭВС актуально присоединение к Экономическому сообществу стран Западной Африки (ЭКОВАС), внутри которого в 2000 г. создана Западно-Африканская валютная зона. Для ЦАВЭС же предпочтительным считается оставаться внутри французской системы, однако реформировать её, в частности озабочившись вопросом хранения валюты [3; 8].

Сырье является основным продуктом, ради которого многие страны стремятся занять лидирующие позиции в Африканском регионе. За 2021 г. во Францию было импортировано нефти на сумму более 5 млрд долл., природного газа на 2 млрд долл., пропана на 253 млн долл. и урана на 196 млн долл. Все это в совокупности составляет 82 % от общего объема импорта в размере 9,67 млрд долл. Экспортирует Французская Республика значительно меньше: объем экспорта составил за тот же год 8,38 млрд долл. Основными категориями экспорта являются: химическая продукция (в основном медикаменты), машины, техника и детали для них, продукты питания, металлы и пластик. А уже очищенную нефть экспортируют на сумму 144 млн долл. [14]

В получении африканских ресурсов заинтересованы все крупные страны, и КНР не является исключением. Китай вот уже 30 лет налаживает экономические отношения со странами Африки [1]. В среднем по континенту годовой рост китайского экспорта за период с 2013 по 2023 г. составил 125,3 %. Экспорт Франции за аналогичный период в среднем ежегодно уменьшался на 16,9 % (при этом основной прирост приходится на Франсафрику) [15]. Немногим отличаются от представленных и цифры импорта, с учетом лишь двух особенностей: во-первых, экспорт в Китай снижают лишь Алжир, Судан, Ангола, Республика Конго и Замбия; во-вторых, импорт Франции уменьшается ежегодно не так сильно, как экспорт.

Вооруженные формирования стран-гегемонов в других регионах – это инструмент поддержки и давления одновременно. Китай все еще недостаточно представлен в регионе с военной точки зрения. Большая часть военного сотрудничества представляет собой торговлю оружием со странами Африки и обсуждение возможного

строительства баз и портов для присутствия в Индийском и Атлантическом океанах [12].

На данный момент у КНР есть собственная база в Республике Джибути, что является первым шагом на пути к расширению влияния в военной сфере. Несмотря на то что Джибути является самой маленькой страной в Африке, она имеет прямой выход в Красное море, и более того, омывается водами Баб-эль-Мандебского пролива, связывающего Красное море с Индийским океаном [11]. Точное расположение будущих военных портов и баз, о планах строительства которых китайское правительство неоднократно заявляло, неизвестно, однако физическое военное присутствие Народно-Освободительной армии Китая (НОАК) на континенте вовсе не обязательно для проведения совместных тренировок или вмешательства в вооруженные конфликты [16]. Так, Китай неоднократно предоставлял свои ВМС и спецназ для борьбы против сомалийских пиратов [13].

Кроме того, Китай сотрудничает с Россией в Африке. Так, сообщается о продвижении обеих стран в государство Эритрея, которое, как и Джибути, омывается Красным морем, протяженность ее береговой линии составляет 1150 км. В феврале 2023 г. совместно с Южно-Африканской Республикой страны провели военно-морские учения [5].

Франция также опирается на собственных союзников в регионе. Среди списка значимых военных сил в Африке в той или иной степени союзниками для Франции выступают: Бельгия, Великобритания, Германия, Италия, США и Япония. Необходимо учитывать и девять военных баз самой Франции, располагающихся от Альмади до Рас-Хафун и в большой степени концентрирующихся во франкоговорящих странах [9].

Отличительной чертой французской военной политики является тенденция на уменьшение присутствия вооруженных сил. Лишь в Западной Африке она подкрепляется принципиальной позицией Парижа по вопросу борьбы с радикальными группировками, такими как Аль-Каида и ИГИЛ (террористическая группировка, запрещена в РФ) [10]. Однако по мере утраты этими группировками военно-политической силы нахождение военного контингента Франции подвергается все большой критике.

Таким образом, КНР усиленно теснит своих конкурентов в африканском регионе, и не только через экономическое сотрудничество. Кроме того, Китай расширяет свое военное присутствие на континенте, активно способствуя партнерству в военно-

промышленной отрасли. Страна является основным поставщиком оружия в регион, разделяя этот статус с РФ и США.

Одновременно Франция уменьшает свое экономическое, военное и вместе с ними политическое влияние. Африканские страны не склонны считать свою бывшую метрополию надежным защитником по причине уменьшения роли этой самой защиты. В ближайшие десять лет тенденция, вероятно, не изменится, и Китай лишь укрепит свои позиции в Африке. В регион уже стали проникать и другие страны, стремящиеся к сотрудничеству в разных сферах, такие как Япония или Индия. Все это еще больше подвигнет Францию в гонке за лидерство. Париж и сам в какой-то мере способствует сокращению своего присутствия. В Африке нарастает использование военной техники и вооруженных сил, предоставляемых другими странами. Можно сделать вывод, что Китай, не имевший никаких первоначальных преимуществ, сегодня смотрится увереннее, чем его европейский конкурент.

Научный руководитель Н. Е. Уткина

Литература

1. Абрамова И. О. Африка в современной модели мироустройства: весомый игрок или аутсайдер? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 5. С. 6–21.
2. Валютное сотрудничество между Африкой и Францией: франк КФА // Министерство иностранных дел : офиц. сайт. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/dossiers-pays/afrika/la-cooperation-monetaire-entre-l-afrique-et-la-france-le-franc-cfa/> (дата обращения: 21.10.2023).
3. Гончаров В. Франция и Африка: вчера и сегодня // Международная жизнь : электрон. журн. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/23966> (дата обращения: 21.10.2023).
4. Дейч Т. Л. Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 5. С. 119–141.
5. Кулагин В. Россия, Китай и ЮАР начинают совместные военно-морские учения // Ведомости : ежедн. интернет-изд. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/02/17/963325-rossiya-kitai-i-yuar-nachinayut-sovmestnie-ucheniya> (дата обращения: 21.10.2023).
6. Михайличенко К. М. Роль Африки в инициативе Китайской Народной Республики «Один пояс и Один путь» // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2018. № 1. С. 60–68.
7. Секачева А. Б. Особенности взаимосвязей Франции с бывшими африканскими колониями в рамках международной организации франкоязычных стран // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2022. Т. 8 (74) № 3. С. 110–122.
8. Чихачев А. Франция – Африка: к новой модели отношений? // РСМД : сайт. 2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/frantsiya-afrika-k-novoy-modeli-otnosheniy/> (дата обращения: 21.10.2023).

9. Atta-Asamoah A. Proceed with caution: Africa's growing foreign military presence // Pretoria: Institute of security studies : website. 2019. URL: <https://issafrica.org/iss-today/proceed-with-caution-africas-growing-foreign-military-presence> (mode of access: 21.10.2023).
10. Barkhane, Takuba, Sabre: French and European military missions in the Sahel // France24 : website. 2022. URL: <https://www.france24.com/en/africa/20220216-barkhane-takuba-sabre-french-and-european-military-missions-in-the-sahel> (mode of access: 21.10.2023).
11. Çalışkan G. The Only Place In The World China Has A Military Base: Djibouti // ANKASAM : website. 2021. URL: <https://www.ankasam.org/the-only-place-in-the-world-china-has-a-military-base-djibouti-v?lang=en> (mode of access: 21.10.2023).
12. Friends at any price: China seeks allies, arms markets in West Africa as French influence wanes // France24 : website. 2023. URL: <https://www.france24.com/en/africa/20230826-china-seeks-new-allies-and-arms-markets-in-west-africa-as-french-influence-wanes> (mode of access: 21.10.2023).
13. Panda A. As Somali Pirates Return, Chinese Navy Boasts of Anti-Piracy Operations // The Diplomat : website. 2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/04/as-somali-pirates-return-chinese-navy-boasts-of-anti-piracy-operations/> (mode of access: 21.10.2023).
14. What does France import from Algeria, Angola, Cameroon, Central African Republic, Chad, Niger, Nigeria, and South Africa? (2021) // OEC : website. URL: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/import/fra/dza.ago.cmr.caf.tcd.ner.nga.zaf/show/2021/ (mode of access: 21.10.2023).
15. What does China export to Algeria, Angola, Cameroon, Central African Republic, Chad, Niger, Nigeria, and South Africa? (2021) // OEC : website. URL: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/export/chn/dza.ago.cmr.caf.tcd.ner.nga.zaf/show/2021/ (mode of access: 21.10.2023).
16. Ян Шаньшань. Чжунго уци чжуанбэй гунин цие цай сифэй еу кода тяочжаньлэ фа э чжудао дивэй [Китайские компании по поставкам оружия и оборудования расширили свой бизнес в Западной Африке, «бросая вызов доминированию Франции и России»] // Гуаньча чжэ : сайт. 2023. URL: https://www.guancha.cn/economy/2023_08_21_705735.shtml (дата обращения: 21.10.2023).

А. М. Лукьянова

Байкальский государственный университет

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ ИМПОРТ КАК СРЕДСТВО НАСЫЩЕНИЯ РЫНКА ТОВАРОВ

Гибкое администрирование таможенных пошлин – это механизм, используемый ФТС России для создания более разумной структуры ввоза товаров и регулирования их потока. В марте 2022 г. ФТС ввела послабления во внешней торговле с целью стимулирования импорта в Россию и смягчения последствий западных санкций. Был расширен перечень товаров, на которые снижалась ставка или взималась нулевая ввозная пошлина. Это коснулось продовольственных товаров, лекарственных средств, товаров социальной значимости, а также сырья и комплектующих, необходимых российским производственным организациям. Согласно статистике, импортеры смогли сэкономить от 20 до 40 % от общей суммы таможенных платежей, начиная с 28 марта 2022 г.

Еще одним механизмом, который оказал положительное влияние на динамику импорта в Россию, стал параллельный импорт. С целью противодействия уходу множества западных компаний и брендов с российского рынка, а также решения логистических проблем, Правительство Российской Федерации разрешило параллельный импорт. Параллельный импорт, также известный как параллельная торговля или «серый» импорт, представляет собой законную практику приобретения товаров или продукции, которая выпускается оригинальным производителем и импортируется в другую страну без его официального согласия или разрешения [3]. Такая мера позволяет обеспечить внутренний рынок товарами от недружественных стран, которые пользуются спросом у российских потребителей, а также стабилизировать цены на рынке.

Параллельный импорт имеет две формы: пассивную и активную. В первом случае товар покупается в одной стране для перепродажи в другой без конкуренции с правообладателем. Активная форма представляет собой покупку товара в одной стране с целью перепродажи в другой, при этом возникает конкуренция с производителем или официальным дистрибутором.

Идея параллельного импорта неразрывно связана с концепцией исчерпания прав на товарный знак. Этот принцип основан на возможности свободной продажи товара с определенной торговой маркой на территории конкретного государства после его за-

конного введения в оборот. Существуют две разновидности режимов исчерпания прав: международный и национальный [1; 2].

Параллельный импорт имеет следующие преимущества:

1. Снижение цен: одним из главных преимуществ параллельного импорта является возможность снижения цен на товары. Поскольку продукты ввозятся из других стран, где они могут быть произведены или проданы по более низким ценам, это создает конкуренцию на рынке и предлагает потребителям возможность приобрести товары по более доступной цене.

2. Расширение выбора: параллельный импорт позволяет потребителям иметь больший выбор продуктов. Благодаря импорту товаров, которые ранее не предлагались на рынке, покупатели имеют больше возможностей выбора и доступа к различным брендам и моделям.

3. Стимулирование конкуренции и инноваций: параллельный импорт способствует усилению конкуренции на рынке. Производители оригинальных товаров вынуждены снижать цены, улучшать качество или предлагать новые инновационные продукты, чтобы бороться с конкуренцией от импорта. Это может привести к стимулированию инноваций и улучшению продуктов для потребителей.

Несмотря на перечисленные преимущества, параллельный импорт также имеет свои недостатки:

1. Риск подделки и контрафактной продукции: параллельный импорт может столкнуться с риском подделки товаров и появлением контрафактной продукции на рынке. Это может нанести ущерб престижу и репутации оригинальных производителей и привести к потере доверия потребителей.

2. Утерянные доходы для производителей: параллельный импорт может привести к потере доходов для оригинальных производителей. Ввоз товаров по более низким ценам может создать конкуренцию для местных производителей и снизить их продажи, что в конечном итоге может отразиться на доходах и инвестициях в исследования и разработку новых продуктов.

3. Ограниченный контроль качества: при параллельном импорте местные органы контроля качества и безопасности могут иметь ограниченные возможности контролировать ввозимую продукцию. Это может повлечь за собой риск появления некачественных или опасных товаров на рынке.

После мая 2022 г. первоначальный список товаров, подпадающих под параллельный импорт, был изменен [4]. Из этого списка были исключены компании, которые продолжают поставлять свою

продукцию на российский рынок и не покинули его. В отношении товаров от таких импортеров применяется национальный режим.

В первые месяцы после ухода зарубежных производителей и легализации параллельного импорта, эти механизмы использовались в основном на условной основе. Первыми реагировали маркетплейсы, такие как Ozon, которым удалось быстро восстановить ассортимент ушедших брендов, хотя это было возможно только частично. Однако такое восстановление было достаточно дорогим, с наценкой, которая могла составлять 20–30 %. В розничной торговле также наблюдался значительный рост цен на продукцию всех производителей. Розничным компаниям было неясно, откуда брать новый товар, и продавать остатки по прежним ценам было бессмысленно, особенно учитывая резкое повышение ключевой ставки ЦБ и возникновение рисков для импортеров. К концу года, когда механизмы параллельного импорта уже были отработаны, наценка снизилась до примерно 5 % в магазинах самостоятельно.

Переключение фокуса на параллельный импорт произошло только в третьем квартале 2022 г., и только в сентябре начался значительный рост объема импортной продукции, поступающей по новой схеме. Это можно ясно увидеть по рыночной статистике: доля параллельного импорта в сегменте смартфонов выросла с 0,1 до 19,1 %, а в категории ноутбуков – с нуля до 41 % за первые три квартала 2022 г. Общий объем параллельного импорта в России составил 1,5 млрд долл., из которых 1,1 млрд пришлось на смартфоны.

Производители первого эшелона, такие как Apple, Dell, Samsung, ASUS, Lenovo, LG и GoPro, которые официально покинули российский рынок, смогли самостоятельно решить многие сложности, включая соответствие своей продукции местному законодательству, и организовать импорт через дистрибуторов или своими силами. Многие участники рынка, включая розничные сети, также попытались использовать механизм параллельного импорта, но столкнулись с дополнительными сложностями, такими как кризисы неплатежей и возвратов, что вынудило их обратиться к специализированным посредникам. Возникло понимание, что наценка в 20 % оказывается более выгодной, чем содержание собственного отдела, выполняющего те же функции. Китай, Гонконг и Тайвань остаются основными источниками поставок продукции, в то время как ОАЭ стали главным хабом для продукции от ушедших брендов, а Турция специализируется на поставках европейских марок.

Розничные продавцы относительно молчаливы, когда речь заходит о механизмах параллельного импорта. Однако они отмечают, что потребовалось несколько месяцев для установления новой процедуры импорта товаров. Первые результаты уже видны: один из ушедших брендов первого эшелона восстановил уровень продаж до 50 % от предсанкционных показателей 2021 г., когда производитель самостоятельно решал многие вопросы и предоставлял маркетинговую поддержку.

Кроме того, важно отметить, что рынок электроники значительно сократился в 2022 г. Продажи смартфонов в России снизились на 21,5 % в штуках и на 27,8 % в денежном выражении по сравнению с предыдущим годом. Рынок ноутбуков также сократился, но не на таком значительном уровне: продажи в штуках уменьшились на 13,5 % в 2022 г. по сравнению с 2021 г., а в денежном выражении – на 6,85 %. [6].

Введение западных санкций в отношении импорта негативно сказалось на экономике России. Однако принятые правительством и Минпромторгом меры, включающие послабления и обнуление таможенных пошлин, а также легализацию параллельного импорта, способствуют поступлению необходимых товаров в страну. Развитие торгового сотрудничества с Восточной Азией и налаживание новых логистических цепочек способствуют восстановлению импорта.

Дальнейшие прогнозы относительно восстановления российской экономики, особенно в сфере внешней торговли, зависят от намерений западных стран в отношении усиления санкционного давления и готовности российских властей принимать стабилизирующие меры для противодействия санкциям. На данный момент российской экономике удается противостоять санкциям в отношении импорта в Россию, за исключением промышленно-инвестиционного импорта.

Научный руководитель О. Г. Гущина

Литература

1. Анишин А. А., Хромов А. В. Принцип исчерпания права на товарный знак и параллельный импорт в России: настоящее и будущее // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2018. № 19. С. 109–117.
2. Еременко В. И. Принцип исчерпания права на товарный знак и проблемы параллельного импорта // Законодательство и экономика. 2013. № 6. С. 46–55.
3. Лукьянова А. М. Особенности параллельного импорта в России. Современные реалии // Наука молодых – будущее России : сб. ст. V Всерос. науч.-практ. конф. Пенза : Наука и просвещение, 2023. С. 119–122.
4. Приказ Минпромторга России от 19.04.2022 № 1532 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения

подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» // Альта-софт : сайт. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/22a01532/> (дата обращения: 21.10.2023).

5. Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих в отношении РФ, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия : распоряжение Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р // Собр. законодательства РФ. 2022. № 11. Ст. 1748.

6. Forbes рассказал, как параллельный импорт перестроил поставки электроники в Россию и почему наценка – это норма // 3D News : сайт. URL: <https://3dnews.ru/1080912/parallelniy-import-sushchestvenno-izmenil-mehanizmi-vvoza-tovara-v-rossiyu-v-2022-godu> (дата обращения: 23.10.2023).

Ю. А. Некрасов

Иркутский государственный университет

**ПРОБЛЕМА ДОСТИЖЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРИЗНАНИЯ СВОБОДНОЙ
РЕСПУБЛИКИ ЛИБЕРЛЕНД ЧЕРЕЗ ПРИМЕНЕНИЕ
ПРИНЦИПА TERRA NULLIUS**

Виртуальное государство – это образование, которое заявляет о своей государственности, не имея основных её черт. Оно может имитировать наличие этих черт и ставить своей основной целью достижение международного признания [2]. При этом многие подобные образования не стремятся к действительному осуществлению власти на определенной территории. Однако существуют виртуальные государства, которые не только заявляют о своих правах на той или иной территории, но и стремятся образовать своё государство вне виртуальной реальности. Ярчайшими примерами таких государств являются Княжество Силенд и Свободная Республика Либерленд.

Либерленд – это непризнанное государство, находящееся на территории Горня Сига на границе между Хорватией и Сербией. Государство было основано в 2015 г. чешским либертианским активистом Витом Едличкой. Свои претензии на данную территорию он обосновал тем, что территория является «terra nullius», т. е. территорией, на которую не претендует ни одно из государств [5]. В дальнейшем, основную риторику по вопросам международного признания Едличка строил на основе этого тезиса. На сегодняшний день Либерленд не признало ни одно государство-член ООН.

Однако Либерленд был признан другими виртуальными и непризнанными государствами, такими как Сомалиленд, Княжество Силенд, Королевство Северный Судан и Королевство Энклава.

Либерленд был косвенно признан Сербией, власти которой заявили, что его существование не посягает на её границы. Он получил поддержку либеральных и либертарианских партий Турции, Чехии, Швейцарии, Испании и Канады, поддержку лидера хорватской оппозиционной партии Ивана Пернара, который является гражданином Либерленда. Помимо этого, Витт Едличка говорит о создании сети представительств в более чем 120 странах, а также намекает на получение поддержки от неназванных им «6-7 стран-членов ООН» [1].

Как уже было отмечено, Сербия не предъявляет претензий Либерленду и не препятствует освоению потенциальной территории государства. В то же время, основным препятствием для Либерленда является позиция Хорватии, которая не желает видеть новое государственное образование около своих границ. Хорватия заявляет, что территория, на которую претендует Либерленд, не является *terra nullius* и принадлежит Сербии. Долгое время хорватские пограничники не допускали Едличку и его сторонников до территории Горня Сига [8].

Присоединение Хорватии к шенгенской зоне с 1 января 2023 г. позволило гражданам Либерленда приступить к более активному освоению территории своего государства. Впрочем, 22 сентября 2023 г. полиция Хорватии вошла на территорию Либерленда, разрушила возведенные там здания и конфисковала часть имущества граждан Либерленда. Позже выяснилось, что данные действия стали результатом конфликта непризнанного государства и местной лесозаготовительной компании, которая вопреки неопределенному статусу территории, проводила свою деятельность в лесах Горня Сига [3]. В октябре 2023 г. на либертарианском фестивале Montelibero в Черногории Витт Едличка заявил о прошедшей встрече с президентом Хорватии, которая «прошла в теплых тонах и является хорошим знаком для развития отношений с Хорватией» [6]. Ввиду этих обстоятельств можно утверждать, что состояние отношений между Хорватией и Либерлендом играет ключевую роль в вопросе существования Либерленда и его международного признания.

Главным аргументом Витта Едлички, на основании которого Либерленд может претендовать на международное признание, является статус территории Горня Сига как *terra nullius*. Терри-

тория получила этот статус в результате спора о границах между Сербией и Хорватией. В результате изменения русла реки Дунай, по которой проходила граница во время существования Югославии, подверглась пересмотру современная граница между государствами. Правительство Хорватии заявило, что признает границу согласно югославским cadastrам, а Сербия заявила, что придерживается разделения по нынешнему положению Дуная. В результате этого территории Горня Сига, от которой фактически Сербия отказалась, а Хорватия не приняла, оказалась невостребованной и подпадает под принцип *terra nullius* [8].

Несмотря на то что термин «*terra nullius*» не прописывается в уставе ООН, он ему не противоречит и может идти в дополнение к праву наций на самоопределение. Так, в 1975 г. Международный суд принял решение относительно Западной Сахары, в котором подтвердил, что принцип *terra nullius* может быть основанием для предъявления претензий на территорию. Однако для притязания на землю, согласно *terra nullius*, необходимо, чтобы эти претензии высказал государственный актор, так как частные лица не являются субъектами международного права [7].

Несмотря на то что территорию Горня Сига можно отнести к *terra nullius*, Либерленд не может претендовать на данные территории. На сегодняшний день он хоть и заявляет о себе как о государственном акторе, однако, не обладает международной правосубъектностью, так как понятия «виртуальное государство» в международном праве не существует. Вследствие этого оно не может быть полноправным участником международных отношений и не может претендовать на какую-либо территорию до тех пор, пока не получит международного признания и статуса непризнанного государства [4]. Исходя из этого, претензии на территорию Горня Сига в контексте современного международного права можно рассматривать как личные притязания Витта Едлички, которые не могут быть удовлетворены.

Для того чтобы обосновать свои претензии и очертить своё положение на международной арене, Свободной Республике Либерленд необходимо достигнуть международного признания.

Хоть Либерленд и удовлетворяет основным требованиям декларативной теории международного признания, основанной на декларации Монтевидео, в современной внешнеполитической конъюнктуре мы видим доминирование конститутивного подхода. Согласно нему, государство можно считать правосубъектным, если оно официально признано другими признанными государствами

[8]. По этой причине мы можем говорить, что основной стратегией для Либерленда должен быть поиск признания хотя бы от одного государства-члена ООН.

В своём интервью Едличка говорит о поиске государства, которое официально признает его республику и позволит более эффективно продвигать ее интересы на международной арене и работать над достижением международной правосубъектности. Однако, как мы видим, ни одно государство не показывает свою заинтересованность в признании Либерленда [1]. Причиной этого может стать неопределенная позиция Хорватии по отношению к виртуальному государству, потенциальная возможность превращения Либерленда в офшор, незаинтересованность стран в создании ещё одной точки внешнеполитического напряжения на Балканах, а также отсутствие у какой-либо страны выгоды в признании виртуального государства.

Можно подвести итог, заявив, что подтверждение статуса *terra nullius* не позволит Либерленду получить международное признание. Наоборот, получение международного признания станет фактором, обосновывающим претензии согласно данному принципу. Риторика, основанная на статусе земли как *terra nullius*, на сегодняшний день не является самодостаточной и концентрирование внимания только на нем может стать тупиком политики правительства Либерленда. На сегодняшний день получение международного признания является крайне сложным процессом, тем более для виртуального государства. На пути к достижению признания Либерленду придется искать компромисс с правительством Хорватии, заинтересовать международное сообщество и обрести политическую и экономическую силу в результате активного заселения территории и международных переговоров. Однако и это не может гарантировать Либерленду трансформацию из виртуального в реальное государство.

Научный руководитель А. С. Куклина

Литература

1. Вит Едличка о Либерленде и устройстве либертарианского государства. Книжный чел #43: [видео] // YouTube : сайт. URL: <https://clck.ru/35vTHc> (дата обращения: 02.10.2023).
2. Жмилевский В. Д. Специфические территории. Международная классификация. Казань : Бук, 2017. 64 с.
3. Стрем с советником президента Либерленда Андреем Воронковым [видео] // YouTube : сайт. URL: <https://clck.ru/35zTyd> (дата обращения 07.10.2023).
4. Чертитин В. С. «Виртуальные» государства как субъекты международного права // Проблемы реформирования российской государственности : материалы

XIV Всерос. конф. по нац. и междунар. праву. Екатеринбург, 2019. С. 212–214.
 URL: <https://clck.ru/365VwN> (дата обращения 07.10.2023).

5. Langenbrunner J. Serbia, Croatia and Terra Nullius // Liberland Press : website. 2020. URL: <https://clck.ru/35vTEz> (mode of access: 02.10.2023).

6. Liberland Montenegro Libertarian Festival 2023 at Montelibero City [video] // Youtube : website. URL: <https://clck.ru/35vVh8> (mode of access: 02.10.2023).

7. Nyangaga J. The Doctrine of Occupation through “Terra Nullius” as a Right of Self-Determination of Peoples and the Legal Status of “Liberland” Territory under International Law // Beijing Law Review. 2020. N 13. P. 119–132. URL: <https://clck.ru/35vTGs> (mode of access: 02.10.2023).

8. Rossman G. Extremely Loud and Incredibly Close (But Still So Far): Assessing Liberland’s Claim of Statehood // Chicago Journal of International Law. 2016. Vol. 17, N 1. URL: <https://clck.ru/35vR6G> (mode of access: 02.10.2023).

А. Э. Нуриев

Иркутский государственный университет

**ДОЛГОСРОЧНЫЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ
 ПОСЛЕДСТВИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ ИЗРАИЛЯ
 В СВЕТЕ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА
 2023 г.**

В октябре 2023 г. палестинское движение ХАМАС начало полномасштабные военные действия против Израиля, атаковав его с территории сектора Газа. Беспрецедентное событие за последнее десятилетие вызвало у международного сообщества целый шквал вопросов относительного того, как могла случиться столь стремительная эскалация конфликта. Комплексность конфликта побуждает обращать внимание на многие процессы, происходившие до самого начала военных действий, в том числе рассматривать и политический кризис внутри Израиля, вызванный попыткой провести новую судебную реформу [4].

В январе 2023 г. в Израиле начались акции протesta против инициированной правительством реформы судебной системы, которая в значительной степени ограничивает права Верховного суда Израиля, также именуемого как Высший суд справедливости (БАГАЦ). Принятие этого законопроекта в значительной степени может изменить внутриполитическую атмосферу в Израиле, дать серьезный импульс деятельности правящей коалиции, которая сможет в одностороннем порядке принимать законопроекты. Данная практика крайне быстро может сказаться на государственной политике в отношении Палестины и на внешнеполитической стратегии Израиля [6].

Коалиция, сформированная партией «Ликуд», является самой правой за всю историю существования Израиля. Это стало следствием политического кризиса, который продолжается еще с 2019 г. В отношении премьер-министра Биньямина Нетаньяху были возбуждены уголовные дела по статьям о мошенничестве и коррупции, сформированное им правительство было распущено, а после были проведены внеочередные выборы в Кнессет. Однако оппозиционная коалиция не смогла сформировать правительство.

Поддерживавшие Нетаньяху партии приняли решение откнуться от ненадежного премьера, тогда «Ликуд» стал искать новых союзников для удержания власти и повернулся в сторону право-радикальных и религиозных партий (ШАС, Религиозный сионизм и т. д.). В итоге, в 2022 г. на выборах в Кнессет коалиция Нетаньяху смогла вырваться вперед с несущественным отрывом. Разумеется, такая ультраправая коалиция имела достаточно бескомпромиссный взгляд на переселенческую политику Израиля и внешнюю политику государства [1; 3].

Роль БАГАЦа в формировании политического контекста в Израиле переоценить достаточно сложно. Все из-за того, что избирательный процесс в государстве вращается вокруг основного органа – парламента или Кнессета. Коалиция, набравшая большинство голосов, и формирует правительство страны, в том числе выбирает премьер-министра. В таких условиях именно Верховный суд, или БАГАЦ, выступал в качестве естественного противовеса, обладая решающим голосом в рассмотрении того или иного судебного precedента, юридической нормы и даже в законотворчестве. В частности, БАГАЦ являлся одной из немногих инстанций, куда арабское население страны могло обратиться за помощью. Известно, что кабинет Нетаньяху активно продвигал поселенческие инициативы на Западном берегу Иордана, фактически лишая палестинцев права находиться на территории их проживания. В период правления Биньямина Нетаньяху суд оставался единственной серьезной инстанцией, где арабское население могло оспорить решения правительства и подать апелляцию [2; 5].

Наиболее парадоксальным в контексте текущего кризиса кажется положение армии в стране и реакция израильских резервистов, которые также протестовали против судебной реформы. ЦАХАЛ и военизированные структуры в период работы кабинета Нетаньяху стали играть серьезную роль в решении многих внешнеполитических задач правительства. Гражданские институты, прежде всего Министерство иностранных дел, фактически лиши-

лись полномочий решать целый ряд внешнеполитических задач. С одной стороны, армия, обладая силой и полномочиями, могла сохранять тот общественно-политический строй, который должен был обеспечить безопасность стране. С другой стороны, именно Биньямин Нетаньяху является главной политической фигурой, которая и наделяет армию и спецслужбы такой властью. Он не полагается на гражданские органы власти для реализации собственных политических инициатив, а склоняется к закрытым военизованным организациям. Многие чрезвычайные вопросы в международной политике, например, касающиеся арабских стран, Турции или Ирана, Нетаньяху обсуждает, исключая участие Министерства иностранных дел, непосредственно через ЦАХАЛ или иные их подразделения.

БАГАЦ, выступающий с более прогрессивной оценкой деятельности тех или иных гражданских чиновников, не позволял премьер-министру вовлекать армию в политическую жизнь. Хотя армейское присутствие давно имеет место в израильской политике, при ослаблении полномочий БАГАЦа, Нетаньяху станет куда более бескомпромиссным в переговорных процессах, в частности, по Палестине [6]. Однако речь не идет о каком-то сговоре или тенденции к узурпации власти военными. Нетаньяху в большей степени заинтересован в использовании оперативных механизмов реализации политических инициатив, которые могут быть недостаточно эффективны в управлении гражданскими чиновниками, тем более при угрозе саботажа со стороны Верховного суда.

Непоследовательный подход в удержании хрупкого баланса проявлялся с момента первых противоречий между правительством и БАГАЦ. Стратегия Нетаньяху относительно Палестины ужесточалась. Мировое сообщество давило на Израиль с целью поспособствовать укреплению светских институтов в Палестине в кооперации с правящей партией ФАТХ на Западном берегу. Вместе с тем, при содействии администрации Джо Байдена, проходил новый этап нормализации отношений со странами Залива [4]. Именно БАГАЦ был той самой политической структурой, которая смогла бы закрепить данную тенденцию и удержать правительство от уклонения от участия в переговорном процессе. Однако Нетаньяху не разделял такого подхода и попытался сильно урезать полномочия БАГАЦа в решении стратегических задач, в частности, по вопросам безопасности и обороны страны.

Тем не менее вопрос относительно совместимости таких механизмов с демократическим строем, который охраняет в том числе и армия Израиля, остается крайне острым. Совершенно очевидно, что предложенные правительством пункты реформы дают парламентскому большинству куда большую власть. Учитывая состав этого большинства, реакция ХАМАС и его союзников была как минимум вероятной, ведь в случае реализации реформы Израиль мог остановить попытки ведения переговоров и принимать более жесткие меры без оглядки на внешние силы и левые компромиссные группы населения.

С одной стороны, новая коалиция Нетаньяху склонялась в сторону нормализации отношений с арабскими странами, но вместе с тем, ее внутренняя политика стала катализатором ответной реакции со стороны ХАМАС. БАГАЦ сдерживал полную реализацию планов правящей партии, а в отношении палестинского вопроса был более компромиссным. Несинхронность политических методов и мотивов БАГАЦ и правящей партии «Ликуд» оказалось серьезной брешью в обеспечении безопасности страны [4].

Научный руководитель А. С. Куклина

Литература

1. Самарская Л. Судебная реформа в Израиле: политический кризис продолжается // Российский совет по международным делам : сайт. Март, 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sudebnaya-reforma-v-izraile-politicheskiy-krizis-prodolzhaetsya/> (дата обращения: 18.10.2023).
2. Batsh M. E. Sidelined Arab Israelis fear overhaul will further undermine their legal recourses // The Times of Israel : website. August, 2023. URL: <https://www.timesofisrael.com/sidelined-arab-israelis-fear-overhaul-will-erase-few-legal-recourses-they-have/> (date of access: 20.10.2023).
3. Cook S. B. Israel's Judicial Reforms: What to Know // Council on Foreign Relations : website. 2023. URL: <https://www.cfr.org/in-brief/israels-judicial-reforms-what-know> (date of access: 20.10.2023).
4. Hood L. The Israel – Hamas war: No matter who loses, Iran wins // The Conversation : website. October, 2023. URL: <https://theconversation.com/the-israel-hamas-war-no-matter-who-loses-iran-wins-215225> (date of access: 20.10.2023).
5. Husseini I. "An argument among Zionists": Reactions pour in on Israel judicial overhaul // The New Arab : website. July, 2023. URL: <https://www.newarab.com/news/reactions-pour-over-israeli-judicial-overhaul> (date of access: 20.10.2023).
6. Israel's Democracy in Crisis // Journal of Democracy : website. 2023. Vol. 34, Iss. 3. P. 33–45. URL: <https://www.journalofdemocracy.org/articles/why-israeli-democracy-is-in-crisis> (date of access: 20.10.2023).

С. И. Прохин

Байкальский государственный университет

РАЗВИТИЕ ИНТЕГРАЦИИ В РАМКАХ ЕАЭС С ПОЗИЦИЙ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО ПОДХОДА С. ХОФФМАНА

Ведущими трендами, формирующими смысловое ядро современного развития межгосударственных отношений выступают процессы глобализации, с одной стороны, и возросшая активность региональной или субрегиональной интеграции – с другой. Существует множество трактовок и определений процесса регионализации. Отмечая различие позиций по определению регионализации, стоит сфокусировать внимание на двух дискурсивных линиях в российском академическом сообществе. Одни авторы утверждают, что регионализация, как тенденция развития, набрала популярность несколько позже глобализации, как следствие «распада биполярной системы международных отношений, что и вызвало необходимость государств искать новые инструменты взаимодействия» [1, с. 29]. Другие исследователи настаивают на том, что и глобализация, и регионализация мира – процессы сменяемые и имеющие место на протяжении всей истории человечества. Так, советский и российский политолог Н. А. Косолапов пишет: «видимо, история складывается как последовательность циклов «стягивания» и разрушения государств, ...регионализация – одна из форм стадий «стягивания», суть которой – в формировании на основе и посредством развития интенсивных и глубоких для своего времени интернациональных связей новых, более крупных интеграций, т. е. союзов, конфедераций и пр.» [5, с. 72]. Так или иначе, общим в этих двух подходах является понимание регионализации как «процесса формирования и развития межгосударственных экономических и других объединений на основе близости социокультурных (этических, религиозных и др.) факторов» [2, с. 4]. Более того, из приведенных определений следует, что регионализация – это своеобразный ответ на углубление глобализации, указанные тренды взаимодействия государств дополняют, но вместе с тем и сменяют друг друга.

Процессы интеграционного взаимодействия на постсоветском пространстве, опираясь на приведенные выше определения, можно трактовать как процесс нового «стягивания» части государств региона, определяемого появившимися перед независимыми республиками вызовами в области обеспечения собственной экономи-

ческой, политической, военной безопасности, а также в области поиска драйверов развития национальных экономик.

Для более детального рассмотрения и описания специфики форматов сотрудничества государств постсоветского пространства в ходе участия в интеграционном процессе в рамках ЕАЭС релевантным представляется анализ на основе концепции изучения процессов региональной интеграции, выдвинутой в 1960–1970-е гг. американским политологом С. Хоффманом. В рамках этой концепции именно соотношение национальных интересов, национального суверенитета и независимости участников Союза оказывает определяющее влияние на развитие институтов сотрудничества в интеграционном процессе на постсоветском пространстве.

Согласно логике классического межправительственного или межгосударственного подхода, национальные правительства являются ключевыми игроками в ходе интеграции, в то время как институты, сформированные участниками, имеют второстепенный характер. Они призваны лишь создать некоторые гарантии дальнейшего сотрудничества. В рамках межправительственных отношений национальные государства добровольно сотрудничают между собой по вопросам, представляющим общий интерес: масштабы и характер этого сотрудничества зависят от его участников, поэтому их национальный суверенитет не может ущемляться. В подобном же фокусе рассматривается и участие государств в интеграционном процессе: Хоффманом в качестве главного побудителя государств к интеграции отмечалась динамика соотношения сил на международной арене. Основываясь на теориях реализма и неореализма, сторонники межправительственного подхода утверждали, что государства принимают участие в международных организациях лишь при условии потенциальной или же реальной возможности понести геополитические риски вследствие уменьшения влияния на мировой арене [цит. по: 8, с. 403]. С этой точки зрения государства прилагают все усилия для сохранения национального суверенитета, однако для государств представляется возможным частичный отказ от суверенитета в пользу интеграции, что трактуется как рациональная деятельность правительства, учитывающая многочисленные внутриполитические факторы и условия международной среды.

Так, согласно логике межправительственного подхода, интеграционный процесс представляет собой набор сделок между участниками, претерпевающий постоянные изменения, более того, предполагающий долгосрочные переговоры, целью которых является формирование максимально выгодных соглашений, в тех сферах

сотрудничества и с той степенью «глубины», с которой это позволяет представление о сохранении суверенитета и независимости.

При наложении, в целях анализа, приведенной схемы интеграционного взаимодействия государств на интеграционную модель ЕАЭС представляется возможным объяснение ряда основных трендов, проявляющихся в процессе кооперации.

Во-первых, логика межправительственного подхода достаточно полно полно объясняет ярковыраженный подход с точки зрения «евразийской прагматичности» в процессе интеграционного взаимодействия участников Союза, понимаемого как исключительно торговая кооперация, целью которой является создание режимов, способствующих обеспечению более выгодного обмена товарами, услугами, капиталом и рабочей силой: «полностью прагматическая постановка экономических целей, а не идеологическое содержание, например, в отличие от европейского федерализма, занимает центральное место в формулировке Договора о ЕАЭС» [6]. Отсюда развитие ЕАЭС сталкивается с весомой проблемой, отмечаемой в частности А. Б. Лихачевой: «без вдохновения» и у элит, и у населения практически любые разногласия внутри ЕАЭС мгновенно резонируют в СМИ в тональности «быть или не быть». И во многом по сходной причине – слабости идеально-культурной, информационной, да и просто человеческой составляющей» [7].

Во-вторых, при использовании подхода Хоффмана становится более понятна слабо выраженная «наднациональность» таких органов ЕАЭС, как ЕЭК, ВЕЭС, Евразийский межправительственный совет, а также Суд ЕАЭС: участники объединения рассматривают институциональное оформление исключительно как формат взаимодействия, не стремясь наполнить его функциями, свойственными наднациональным органам. В частности, В. С. Изотов, в целом отмечая высокую степень перспективности развития ЕАЭС, в качестве одной из основных проблем интеграции отмечает «недостаточно развитое интеграционное сознание на евразийском пространстве», а также выделяет основное препятствие дальнейшему углублению, вызванное «отсутствием реальных наднациональных политических институтов» [3, с. 158].

В-третьих, разграничение внутренних (интересы социальных групп в конкретной стране) и внешних (условия внешней среды, восприятие степени «сохранности» суверенитета) факторов раскрывает одну из важнейших проблем развития ЕАЭС – восприятие развития ЕАЭС в лоне «имперской» политики России, что существенно тормозит процесс интеграции. В частности, в качестве основной слабости Союза С. А. Караганов выделяет «неспособность

или нежелание элит объяснять самим себе и друг другу его вполне очевидные выгоды. Очень медленно идет формирование общественной поддержки интеграции» [4].

Таким образом, представляется возможным резюмировать, что рассмотрение развития интеграции в рамках ЕАЭС с позиции классического межправительственного подхода позволяет, во-первых, объяснить существующие проблемы дальнейшего углубления кооперации в ЕАЭС, которые выражаются в соотношении понятий «суверенитет» и «интеграция». Во-вторых, использование этого подхода приводит к выводу о том, что важнейшими характеристиками интеграции в рамках ЕАЭС являются «межправительственность» и «евразийская pragmatичность», понимаемые в качестве стремления участников объединения ограничиваться отдельными экономическими сферами сотрудничества. Наконец, в-третьих, в соответствии с классическим межправительственным подходом, решение задач по углублению кооперации в рамках ЕАЭС лежит в плоскости поэтапной смены парадигмы восприятия объединения элитами стран-участниц в качестве инструмента, способного (ставящего целью) ущемить их независимость и суверенитет.

Научный руководитель И. В. Олейников

Литература

1. Алексеенко О. А. Глобализация и регионализация как определяющие тенденции процесса формирования полицентричной системы МО // Вестник Московского университета. 2015. № 3. С. 28–34.
2. Багаева А. В. Регионализация и региональная интеграция. М. : Этносоциум, 2015. 150 с.
3. Изотов В. С. Идеология наднациональных политических пространств и интеграционное сознание. Постановка проблемы и сравнительный анализ ЕС и ЕАЭС // Вестник Российского университета дружбы народов. 2018. Т. 20, № 2. С. 154–166.
4. Караганов С. А. От поворота на Восток к Большой Евразии // Совет по внешней и оборонительной политике : сайт. 2017. 30 мая. URL: <https://svop.ru/main/23962/> (дата обращения: 10.10.2023)
5. Косолапов Н. А. Глобализация: сущностные и международно-политические аспекты // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 3. С. 69–73
6. Коффнер Ю. Большая Евразия. Теория евразийской интеграции // Российский совет по международным делам : сайт. 2019. 12 янв. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/teoriya-evraziyskoy-integratsii-ii/> (дата обращения: 10.10.2023)
7. Лихачева А. Б. Интеграции недостает культуры. Евразийский экономический союз ищет гуманитарную составляющую // Независимая газета : сайт. 2019. 19 мая. URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2019-05-19/11_7576_culture.html?ysclid=ley72h80u8122019872 (дата обращения: 11.10.2023)
8. Hoffmann S. International Organization and the International System // International Organization. 1970. N 3. P. 389–413.

Е. С. Румянцева

Байкальский государственный университет

ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕ-ФАКТО ГОСУДАРСТВ В МИРОВОМ СООБЩЕСТВЕ

В международном праве определен ряд критериев, соответствие которым необходимо для обретения статуса государства, а самоопределение народов закреплено в Уставе ООН и ряде других документов. Тем не менее, существует ряд государств, получивших название «самопровозглашенных», «непризнанных» или «частично признанных», наиболее корректным наименованием для которых будет «де-факто государство» ввиду того, что эти политические единицы осуществляют собственную политику и самостоятельно контролируют территорию. Несмотря на это, трудно говорить, какое будущее ожидает де-факто государства. Сложности вызваны рядом аспектов в развитии таких государств:

- 1) появление так называемых самопровозглашенных государств вызвано противоречием права на самоопределение народов и права на территориальную целостность государств и нерушимость их границ;
- 2) международная правосубъектность государств выражается в возможности заключения международных договоров и вступления в ООН;
- 3) положение государств зависит от поддержки их другими странами, действующих в соответствии со своими национальными интересами;
- 4) государства, от которых отделились территории, не готовы признавать их независимость;
- 5) возникает проблема спада экономики государств в связи с процессом отделения части их территории;
- 6) имеет место ограничение прав и свобод граждан де-факто государств, что может проявляться в непринятии паспортов этих государств на других территориях [4, с. 355–356].

Тем не менее нужно подчеркнуть, что международное признание не является панацеей для становления государства, а непризнанность – не критическая проблема [1, с. 215], поскольку де-факто государства все равно могут осуществлять экономические и политические связи без признания и установления дипломатических отношений.

Еще одной сложностью в развитии де-факто государств является тот факт, что для международного признания недостаточно ярко выраженного желания (например, высказанного в ходе референдума) большинства жителей отделившейся территории [3, с. 50]. Другие акторы международных отношений, настроенные против признания отделившейся территории, характеризуют такой механизм как нелегитимный.

Исследователи выделяют несколько возможных вариантов развития непризнанных государств:

- 1) «силовое (военное) решение вопроса;
- 2) частичное признание;
- 3) международное признание после долгого периода существования в статусе непризнанного государства. Так, Эритрея, Восточный Тимор и Южный Судан победили в длительных войнах за независимость и вынудили правительства Эфиопии, Индонезии и Судана признать свою независимость» [2, с. 52];
- 4) существование в статусе «стопроцентно непризнанных», тех, которые не получили официального признания ни одного государства [там же, с. 52].

Перспектива признания или непризнания самопровозглашенных государств во многом зависит от военно-политического потенциала тех стран, которые поддерживают стороны конфликта (государств-патронов), а также от позиции ведущих мировых держав [там же, с. 52].

Так, можно заметить, что нет ни одного точного сценария для будущего де-факто государств. Признание может зависеть от военного потенциала де-факто государства или его патронов, однако даже это не гарантирует того, что государство будет признано в качестве независимого субъекта международных отношений. Необходимо отметить, что территория де-факто государства может не получить независимости, а войти в состав другого государства.

В целом просматривается несколько типичных характеристик действий международного сообщества в отношении де-факто государств:

- 1) считается более безопасным «замораживать» конфликты, связанные с провозглашением независимости, откладывать их решение на длительную перспективу;
- 2) сам факт существования де-факто государств свидетельствует о низкой эффективности участия региональных международных институтов в процессах урегулирования этнополитических конфликтов;

3) мировые державы (в частности США) стремятся расширить зону своего влияния, в связи с чем могут принимать непосредственное участие в процессах урегулирования конфликтов, в том числе вмешиваясь во внутренние дела государств [5, с. 134].

Если же говорить о ныне существующих де-факто государствах, можно заметить, что каждое из них уникально в своем развитии. Так, некоторые государства получают независимость практически сразу после конфликта, другие – через несколько лет борьбы, а третьи – не получают вообще. Однако, учитывая опыт существующих де-факто государств, можно сделать вывод, что третьи государства могут надеяться на признание, если ситуация на мировой арене поменяется. Так, например, Южная Осетия и Абхазия были признаны Россией и несколькими другими государствами после того, как их материнское государство – Грузия – взяло курс на интеграцию в НАТО.

Оценивая текущую обстановку на мировой арене, можно выделить несколько тенденций развития существующих де-факто государств. Так, например, Сахарская Арабская Демократическая Республика, Турецкая Республика Северного Кипра, Китайская Республика (Тайвань), республика Косово, а также республики Абхазия и Южная Осетия имеют признание нескольких государств, оказывающих им поддержку. Палестина, также обладающая признанием и поддержкой ряда государств, на протяжении долгих лет участвует в военном конфликте, который сейчас находится в активной фазе. Приднестровская Молдавская Республика продолжает оставаться непризнанным государством, однако Россия не прекращает оказывать ей военную и экономическую помощь. Луганская и Донецкая Народные Республики в результате борьбы за свою независимость и проведенных референдумов вступили в состав Российской Федерации. Нагорно-Карабахская республика вошла в историю как непризнанное государственное образование, ныне став частью Азербайджанской Республики.

Научный руководитель А. В. Шалак

Литература

1. Братерский М. В., Скриба А. С., Сапогова А. И. Борьба за признание или повышение статуса: условия устойчивости и развития непризнанных государств (на примере Евразии) // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2021. № 3. С. 203–219.

2. Грибан И. В., Чикулаева С. Е. Проблемы и перспективы развития непризнанных государств в современном мире // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. 2018. № 1. С. 49–53.

3. Добронравин Н. А. Непризнанные государства в «серой зоне» мировой политики: основы выживания и правила суверенизации. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. 56 с.

4. Маазур А. В. Проблемы и перспективы непризнанных государств в современном мире // Молодой ученый. 2019. № 49 (287). С. 355–356.

5. Рыбаков А. В. Признание международным сообществом новых государств: проблемы и практики // Власть. 2018. № 4. С. 134–139.

А. Д. Черепанова

Иркутский государственный университет

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНОГО ФАКТОРА НА РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУАНДЫ: ФЕНОМЕН «ЖЕНСКОГО» ПАРЛАМЕНТА

За последние десятилетия политическая система Руанды претерпела череду значимых изменений, детерминируемых событиями, произошедшими после приобретения страной независимости в 1962 г. Серьезной трансформации подверглась гендерная составляющая в сфере государственного управления. Так, по данным Межпарламентского союза на 2023 г., Руанда стала страной с самым высоким уровнем представительства женщин в парламенте, который составляет 61,3 % (49 мест из 80) [7]. Руанда занимает это место уже не первый год, из-за чего стала объектом многочисленных исследований. Особый интерес представляет переосмысление опыта страны не только в рамках региона и Африканского континента, но и в глобальном контексте.

Основу для построения новой политической системы заложили печально известные события, ставшие следствием гражданской войны между правительством этнической группы хуту и Руандийским патриотическим фронтом, состоявшим по большей части из другой руандийской этнической группы – тутси. Затянувшийся конфликт достиг своего пика в 1994 г. и обернулся геноцидом против тутси, в результате чего было убито более 800 тыс. руандийцев. После окончания этнических чисток представители хуту и их сторонники начали массово покидать Руанду, опасаясь грядущего возмездия. В результате страна потеряла до 40 % граждан, а оставшимися преимущественно были женщины, составлявшие на тот момент 70 % населения: во-первых, потому что этнические чистки в большинстве были направлены на мужскую половину; во-вторых, потому что женщины не обладали высокой мобильностью из-за отсутствия базовых прав [8, с. 10–14].

На этапе становления новой политической системы стал очевиден стабильный рост вовлеченности женщин в политическую сферу. Несмотря на то что в парламенте созыва 1994 г. было 70 мест, из которых всего 8 (11 %) занимали женщины, с каждым новым созывом это число возрастало: в 1997 г. – до 17 %, в 2000 г. – до 25 % [4 с. 242]. Тем не менее только в 2003 г. был проголосован новый конституционный проект, утвержденный референдумом, который предполагал политику квотирования, гарантирующую женщинам 30 % должностей в управляющих органах. В новой Конституции Руанды в десятой статье преамбулы также впервые были гарантированы «равные права между женщинами и мужчинами без ущерба для принципов гендерного равенства» [3]. Политика квотирования не была уникальным решением руандийского правительства, но рекомендацией Пекинской декларации и Платформы действий 1995 г. [6]. Эти рекомендации приняли многие страны региона (Танзания, Бурунди, Уганда, Кения и др.), однако лишь Руанде удалось добиться впечатляющего представительства женщин в парламенте. Это стало возможным благодаря избирательной политике женщин-парламентариев, особенность которой состояла в направленной консолидации женщин во время предвыборных кампаний [5]. Вследствие этого политическая система страны столкнулась с ситуацией, при которой институциональное предложение превысило общественный спрос на демократию и равенство [2 с. 112]. Массово преобладающее патриархальное сознание не было в полной мере подготовлено к новому порядку, что до сих пор осложняет деятельность женщин-парламентариев в Руанде.

Отсюда вытекает одна из особенностей руандийского парламента, отличительной чертой которого стало то, что африканские женщины решают более широкий спектр вопросов, нежели их коллеги из европейских стран [2 с. 114]. Такие вопросы, как конституированная моногамия, наследование и владение землей, закон о домашнем насилии, земельная реформа и др., являются лишь малой частью того, что женщины-депутаты уже решают. Борьба с бедностью, голод, эпидемия ВИЧ/СПИД и др. имеют особое значение для региона. Они составляют серьезную опасность не только для женщин и детей, которые находятся в первой группе риска, но и для всей страны. Приоритетное внимание, которое женщины-депутаты отдают этим вопросам, сместило парламентскую повестку в сторону учета гендерной проблематики. Это при-

вело к тому, что мужчины-депутаты стали рассматривать проблемы женщин как одну из своих компетенций [4 с. 243].

Несмотря на существенное преобразование политической повестки в парламенте, у женщин-депутатов все еще отсутствует универсальная формула сохранения своего представительства в случае отмены закона о квотировании. Как показывает международный опыт, отмена квот для женщин чаще всего приводит к возвращению гендерной асимметрии на местах [1]. В связи с этим мы последовательно подходим к вопросу о действительном влиянии руандийских женщин на политику государства и о том, можно ли говорить о достижении гендерного равенства в руандийском обществе, ориентируясь на процентные показатели уровня представительства.

В действительности, влияние женщин-парламентариев не распространяется повсеместно на все сферы жизни населения из-за большого разрыва между гражданским обществом и правительством. В большинстве своем в стране сохраняется патриархальный уклад (особенно в сельской местности) в связи с недостаточным уровнем образования и цифровизации общества. Кроме того, существующие правительственные программы по продвижению женщин в политике нуждаются в улучшении, т.к. подобная деятельность остается доступной только хорошо образованной элите, тогда как многие женщины могут никогда не слышать о подобных усилиях со стороны государства.

Тем не менее, за последние годы Руанда добилась впечатляющего уровня женского представительства, которое привело к неоспоримым изменениям повестки внутри государства и во многих странах на Африканском континенте. Стоит отметить, что за столь короткий период, а именно, за 20 лет с момента принятия Конституции, женщины все еще учатся функционировать в политическом пространстве, чтобы накопить достаточный опыт и потенциал для эффективного управления, поэтому издержки неизбежны. Беря во внимание то, что государство все еще борется с дисбалансом институционального предложения и общественного спроса, опыт Руанды в обеспечении гендерного равенства является исключительным не только для континента, но и для международного сообщества.

Научный руководитель А. С. Куклина

Литература

1. Овчарова О. Г. Гендерная асимметрия как инструмент измерения социально-политических процессов (на примере глобальных рейтингов) // Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы. X Юбилейные Санкт-Петербургские социологические чтения : сб. материалов Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 13–14 апр. 2018 г. СПб., 2018. С. 184–188.
2. Abbot P., Haerpfer C., Wallace C. Women in Rwandan Politics and Society // International Journal of Sociology. 2008. Vol. 38, N 4. P. 111–125.
3. Constitution of the Republic of Rwanda // World Intellectual Property Organization : website. 2003. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/7505> (mode of access: 04.10.2023).
4. Devlin C., Elgie R. The Effect of Increased Women's Representation in Parliament: The Case of Rwanda // Parliamentary Affairs. 2008. Vol. 61, N 2. P. 237–254.
5. Kennedy E. Rwanda's legislature is majority female. Here's how it happened // National Geographic Society : website. 2019. URL: <https://www.nationalgeographic.com/culture/graphics/graphic-shows-women-representation-in-government-around-the-world-feature> (mode of access 15.10.2023).
6. Svobodová K. Impact of gender policy on post-conflict reconstruction and security in Rwanda // African Security Review. 2019. Vol. 28, N 2. P. 124–138.
7. Women in Politics: 2023 // Inter-Parliamentary Union : website. 2023. URL: <https://www.ipu.org/resources/publications/infographics/2023-03/women-in-politics-2023> (mode of access: 04.10.2023).
8. Zaborszky E. Women's Participation in Parliament. The Case of Rwanda // Instituto Universitado de Lisboa : website. 2017. URL: <http://hdl.handle.net/10071/15619> (mode of access 15.10.2023).

СЕКЦИЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ

ПРОЦЕССОВ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

А. В. Калугина

Иркутский государственный университет

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ И ФРАНЦИИ

В 2020–2023 гг.:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И РЕАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Минувшее десятилетие наложило неизгладимый отпечаток на развитие международных отношений. Многие государства, в том числе Россия, сменили свой официальный внешнеполитический курс ввиду глобальных кризисов (например, пандемии COVID-19) или внутренних трансформаций, затронувших разные направления, в том числе и сферу культуры. Сфера культурного взаимодействия стран обладает определенной спецификой в нынешних политических реалиях, так как она связана с политическими устремлениями государств, но в то же время достаточно обособлена.

В работе производится анализ культурного и политического взаимодействия России и Франции, развитие политических отношений с которой сейчас полностью зависит от общего контекста отношений России и стран Запада. Выдвинута гипотеза о том, что культура является достаточно автономной от политического воздействия сферой, что предопределяет разрыв между официально установленным политическим курсом и реальным положением дел в области внешней культурной политики в рассматриваемых странах.

Проведенный анализ включал два этапа. В первую очередь были проанализированы нормативно-правовая база и официальный дискурс России и Франции относительно реализации внешней политики в сфере культуры.

Согласно Концепции внешней политики Российской Федерации (от 31 марта 2023 г.), отношения России и стран Западной Европы сейчас находятся в крайне напряженном состоянии, что, безусловно, сказывается на двусторонних контактах с каждым отдельным государством, в том числе и с Францией. Новая концепция российской внешней политики отражает тот самый «поворот на Восток». В разделе IV Концепции перечислены новые приоритетные направления внешней политики России, среди которых Европа как отдельный вектор отсутствует, что говорит об ухудшении отношений со странами региона [4].

Такой внешнеполитический курс формировался в течение последних десяти лет. Одновременно и официальный дискурс в России в отношении европейских стран переживал перемены. Культурные связи с Европой планомерно снижались в течение десятилетия, а в 2020 г. пандемия стала серьезным рубежом в отрицательной динамике культурных отношений России и Франции, о чем свидетельствуют проведенные интервью с представителями «Альянс-Франсез» в некоторых российских городах. Говоря об официальном дискурсе в России, стоит привести мнение Михаила Швыдкого, являющегося специальным представителем президента РФ по международному культурному сотрудничеству. В 2022 г. информационному агентству «ТАСС» он заявил, что культурные связи с европейскими странами в прежнем объеме восстановятся нескоро, а само слово «восстановление» неуместно, «потому что все будет по-другому» [7]. Кроме того, сами российские деятели культуры формировали такой негативный дискурс о культурных связях с Западом. Например, в апреле 2023 г. появилась статья, в которой кинорежиссер Бурляев высказал мнение о том, что между Россией и Западом появился «новый железный занавес», а культурные связи между ними уже потеряны [3].

В докладе президента РСМД, Игоря Иванова – «Франция и Россия в новом миропорядке», современное состояние двусторонних отношений оценивается как не самое простое. Автор указывает на то, что двум странам нужно избавиться от давних иллюзий и реалистично оценивать ситуацию сейчас, когда вызов брошен не только лидерам России и стран ЕС, но и различным институтам гражданского общества европейских стран, потому как именно им

и экспертным сообществам Запада и Востока придется заново оценивать возможности сотрудничества и участвовать в нем [2]. Так, мы наблюдаем описание в негативном ключе как российско-французских отношений, так и отношений России и Запада в целом.

Анализируя французский официальный дискурс и нормативно-правовую базу российско-французских отношений, мы сталкиваемся с аналогичной ситуацией, однако окрашенной более негативно, нежели в России. Начнем с того, что во Франции не существует единого документа, определяющего внешнеполитическую концепцию и приоритетные направления взаимодействия, в том числе и культуры. Разработкой отдельных нормативных актов в этой области занимается Министерство Европы и иностранных дел Французской Республики. По результатам анализа сайта ведомства на предмет содержания актуальных обновлений и новостей, связанных с сотрудничеством с Россией, было обнаружено большое количество негативно окрашенных новостей, в которых Россия признавалась «агрессором» и «недружественной державой», отношения с которой не должны поддерживаться. В то же время, на сайте Генерального консульства Франции в Екатеринбурге в 2021 г. была опубликована противоречивая статья, в которой говорилось о желании Франции возобновить диалог с Россией, несмотря на критику некоторых ее действий во внешней и внутренней политике (например, нарушение прав человека) [1]. Так создавался достаточно противоречивый, но по большей части негативный официальный дискурс о российско-французских отношениях.

Далее проводился анализ деятельности институтов «мягкой силы» Франции на территории России: «Альянс-Франсез» и «Кампюс Франс» [5]. По результатам проведения интервью и бесед с сотрудниками этих организаций были сделаны следующие выводы: 1) французские организации «мягкой силы» продолжают выстраивать диалог с Россией в области культуры вопреки официальному дискурсу [1]; 2) французское посольство все еще участвует в франко-русском диалоге в области культуры; 3) интерес в России к французской культуре и языку остается практически на прежнем уровне; 4) школы, университеты и другие образовательные организации не прекращают самостоятельную организацию мероприятий, посвященных французской культуре и языку.

Был проведен и опрос французских респондентов, среди которых были как эксперты в области российско-французских отношений (сотрудники аналитического центра по тематике российско-французских отношений при Франко-российской торгово-

промышленной палате «Обсерво»), так и студенты, занимающиеся популяризацией русской культуры во Франции. В результате интервьюирования были сделаны аналогичные выводы о российско-французских культурных отношениях: 1) интерес к русской культуре и языку все еще находится на достаточно высоком уровне, несмотря на официальную негативную риторику в отношении России; 2) русские студенты все еще могут стать студентами французских вузов, но в «индивидуальном порядке»; 3) местное население нескольких французских городов (в том числе столицы) считает, что страны не должны терять связи в культурной сфере. Кроме того, выяснилось, что представители французских институтов «мягкой силы» видят заинтересованность двух стран в восстановлении отношений и их поддержании [6].

По результатам анализа нормативно-правовой базы и интервью с представителями институтов «мягкой силы» Франции, франко-российского аналитического центра «Обсерво» и французскими студентами, была подтверждена гипотеза, согласно которой культура действительно является достаточно автономной от политического воздействия сферой. Это определяет несоответствие официального внешнеполитического курса двух государств с реализацией культурной политики даже в нынешнее время, которое характеризуется особой напряженностью в российско-французских отношениях в условиях конфронтации России и Запада. Есть основания полагать, что страны понимают особую значимость культурного аспекта взаимоотношений и пытаются поддерживать их.

Научный руководитель Е. А. Матвеева

Литература

1. Возобновление диалога с Россией. Французское видение // Франция в России. Генеральное консульство Франции в Екатеринбурге : офиц. сайт. 2021. URL: <https://ru.ambafrance.org/Vozobnovlenie-dialoga-s-Rossiej-Francuzskoe-videnie> (дата обращения: 15.10.2024).
2. Иванов И. С. Франция и Россия в новом миропорядке // РСМД : официальный сайт. 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/frantsiya-i-rossiya-v-novom-miroporyadke/?ysclid=lo8k9iiy9b176831568> (дата обращения: 23.10.2023).
3. Кинорежиссер Бурляев: между Россией и Западом потеряны культурные связи // Вести Подмосковья : сайт. 2023. URL: <https://news.rambler.ru/community/50592434-kinorezhisser-burlyaev-mezhdru-rossiey-i-zapadom-poteryany-kulturnye-svyazi/?ysclid=lo8k03ovwy587517001> (дата обращения: 17.10.2023).
4. Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. Президентом РФ 31 марта 2023 г. № 229 // Министерство иностранных дел Российской Федерации : офиц. сайт. 2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 20.10.2023).

5. Сотрудник аналитического центра «Обсерво» : интервью автору. Иркутск, 2023. 20 окт.
6. Сотрудники культурно-просветительской некоммерческой общественной организации «Альянс Франсез» : интервью автору. Иркутск, 2023. 16 окт.
7. Швыдкой заявил, что Россия не будет проводить политику культурного изоляционизма // ТАСС : офиц. сайт. 2022. URL: <https://tass.ru/kultura/16694815?ysclid=lo8j2m55hc859161271> (дата обращения: 20.10.2023).

П. С. Костин

Пермский государственный национальный исследовательский университет

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИЙ ВОСТОКА НА ПРОЦЕСС ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЯПОНИИ

Политическая идентичность неразрывно связана с ценностными ориентирами и инструментами формирования «мы-сообщества» со стороны политических акторов. Поэтому при рассмотрении специфики трансформации идентичности необходимо учитывать сразу несколько направлений ее поддержания. Прежде всего, любые ценностные установки (неважно, основанные на «самости» или сконструированные) не существуют в вакууме – они неотделимы от политico-культурного бэкграунда рассматриваемого общества. Особенности политической культуры и исторические типы политических систем позволяют выявить и охарактеризовать основные элементы политической идентичности (например, исторические мифы и нарративы, к которым часто обращаются в процессе выстраивания дискурса на государственном уровне). Внешнеполитический контекст и геополитические процессы позволяют исследователю выйти на другой уровень и посмотреть на идентитарные процессы через призму «Мы-Они», благодаря чему становится возможным рассмотрение потенциальных факторов трансформации идентичности. Все это позволяет составить представление о «нормативном ядре» идентичности японцев. В этом ключе и будет проводиться анализ факторов формирования и развития политической идентичности Японского государства.

Япония, безусловно, является азиатской страной как географически, так и политически (даже несмотря на стремительную вестернизацию со времен Мэйдзи и близкие контакты с США со второй половины XX в.). Это накладывает отпечаток и на политическую культуру – восточные цивилизации долгое время суще-

ствовали и развивались независимо от западного мира. Длительное политическое и экономическое доминирование Китая обусловило распространение идей конфуцианства на другие культуры и верования. В дальнейшем результаты подобной «экспансии» и культурного заимствования стали основой того, что отечественные исследователи называют «незападными матрицами политического сознания» [4, с. 38]. В случае Японии подобное заимствование нормативных паттернов можно увидеть на примере категории «синь», которая является одной из основополагающих в учении Конфуция и буквально переводится как «благонадежность», хотя более точные значения связаны с понятиями «истинность» или «доверие» (что интересно, в китайском языке изначально не было четкого разграничения понятий «истина» и «доверие», что явно отличается от западной политико-философской традиции) [3, с. 550]. Данная категория представляет интерес, потому что именно она наиболее близка по значению к общепринятым пониманию коллективизма.

Окончательная концептуализация данной категории в конфуцианстве была связана с понятием «доверительность» в качестве одной из «пяти добродетелей», которые являлись фундаментом гармоничных и мирных отношений между людьми – фактически, способом построения идеального общества и государства. Именно в таком виде категория «синь» закрепилась в языках соседних народов, постепенно обрастая новыми смыслами. В Японии, к примеру, китайское понимание доверительности («синь») было соотнесено с японским принципом «ва» (согласие), результатом чего стало формирование «основных принципов общежития и социального порядка» [1, с. 78]. Отголоски этих принципов мы можем увидеть и в современной Японии как в обычной жизни, так и при подробном рассмотрении функционирования политических процессов – как нам кажется, принятие решений в японском парламенте (благодаря доминированию Либерально-демократической партии) вполне можно описать как результат «согласия», основанного на доверии и уважении.

Как можно увидеть, формирование и закрепление ценностных ориентиров жителей Японских островов находилось под прямым влиянием восточных религий и верований. Но наибольший вклад в формирование «нормативного ядра» политической идентичности внесли синтоизм, буддизм и конфуцианство. Именно в результате религиозного синcretизма и появилось то, что сегодня принято называть японским традиционализмом [7, р. 120; 8, р. 407]. Помимо уже отмеченного влияния конфуцианства, значительную

роль в процессах консолидации культурных и ценностных паттернов играли различные течения буддизма, среди которых на раннем этапе развития Японии наиболее примечательно влияние течений тэндай и сингон [2, с. 131]. Данные течения, господствовавшие в эпоху Хэйан (794–1185), в значительной степени оказывали влияние на культуру и искусство, хотя более подробное рассмотрение позволяет увидеть и влияние на формирование политических ценностей.

В частности, основатель течения тэндай, монах Сайтё, активно выступал за подчинение церкви государству, благодаря чему власть имущие могли бы пользоваться мудростью и опытом буддистских монахов [5, р. 57]. Помимо этого, всячески порицались любые попытки агрессивного отношения как к иным течениям буддизма, так и другим религиям – именно благодаря этому стало возможным гармоничное сосуществование традиционного японского синтоизма и буддизма вплоть до XIX в. Идея постоянного стремления к самосовершенствованию в сочетании с продвигаемыми идеалами гармонии и единства на национальном уровне [6, р. 111], как нам кажется, стали той ценностной основой, которая позволила японцам на протяжении столетий постепенно интегрировать новые и незнакомые элементы и нарративы в свою ценностную и культурную матрицу. Этому помог и тот факт, что в XII–XIII вв. благодаря распространению амидаизма (иного учения, которое вместе с тэндай и сингон входит в одно из двух основных направлений буддизма, Махаяна) буддизм становится по-настоящему массовой религией, к которой приобщены не только уединенные монахи и просвещенные аристократы, но и широкие слои населения, в том числе крестьянство.

Таким образом, анализ динамики распространения на территории Японии различных религий Востока и их влияния на формирование ценностных ориентаций жителей Японских островов показал, что идеи конфуцианства не только в значительной степени повлияли на формирование японской государственности (феномен правящих династий и «божественности» императоров), но и в адаптированном виде стали основой ценностной матрицы японцев. Помимо этого, распространение различных течений буддизма со своей терпимостью к другим религиям и социальным группам позволило японцам эффективно и гармонично совмещать различные социальные, культурные и религиозные компоненты идентичности, что стало характерной чертой японского общества.

Научный руководитель Д. Б. Вершинина

Литература

1. Матвеенко В. А. «В каждом деле должно быть доверие»: конфуцианская доверительность как экзистенциальный принцип японской политической культуры периода Нара // Социологическое обозрение. Т. 18, № 3. 2019. С. 77–115.
2. Мейсон Р. Г. П., Кайгер Д. Г. Краткая история Японии. М. : КоЛибри, 2022. 522 с.
3. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / ред. В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин [и др.]. М. : Мысль, 2010. Т. 3. С. 550.
4. Чугров С. В., Карелова Л. Б. Специфика и основные тренды политической идентичности японцев: по материалам опросов общественного мнения 1998–2019 гг. // Социологический журнал. 2019. Т. 25, № 4. С. 38–55.
5. Ryōgen and Mount Hiei: Japanese Tendai in the Tenth Century. University of Hawaii Press, 2002. 525 p.
6. Hazama J. The Characteristics of Japanese Tendai // Japanese Journal of Religious Studies. 1987. Vol. 14, N 2/3. P. 101–112.
7. De Bary, William Theodore et al. Sources of Japanese Tradition. 2nd ed. New York : Columbia University Press, 2001. 524 p.
8. White J. W. Tradition and Politics in Studies of Contemporary Japan // World Politics. 1974. Vol. 26, N 3. P. 400–427.

В. С. Морозов

Иркутский государственный университет

РОССИЯ В РЕЧАХ ДЕПУТАТОВ «АЛЬТЕРНАТИВЫ ДЛЯ ГЕРМАНИИ» ВО ВТОРОЙ ГОД РАБОТЫ БУНДЕСТАГА XX СОЗЫВА: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ

5 октября 2023 г. президент России Владимир Путин выступил на пленарной сессии XX Ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». Со стороны немецкого журналиста Штефана Хута спикеру поступил вопрос, посвященный контактам правительства России с парламентской партией ФРГ «Альтернатива для Германии» (далее – АдГ). Последнюю Хут описал как партию «практически фашистского толка», отдельные представители которой напрямую связаны с фашистами [1]. При этом сам Хут, очевидно, относит себя к антифашистам и, кроме того, является представителем марксистской газеты Junge Welt.

Данный случай позволяет говорить о том, что связи между российским руководством и АдГ привлекают внимание немецкой общественности и вызывают определенную реакцию. Подобное положение дел наблюдается и в федеральном парламенте Германии, когда в речах депутатов встречается российская тематика. В

связи с этим, опуская субъективное мнение Хута, представляется важным оценить отношение самой правой партии ФРГ к России и проводимой ею политике, а также реакцию на него других парламентских партий.

В рамках настоящей работы с помощью средств количественного анализа мы сначала рассмотрели риторику депутатов от АдГ на заседаниях Бундестага о России, а затем изучили реакции депутатов остальных партий в ходе данных выступлений. Для этого были отобраны тексты стенограмм заседаний федерального парламента за год, предшествующий валдайской речи Путина и одновременно являющийся вторым годом работы Бундестага XX созыва (октябрь 2022 г. – сентябрь 2023 г.) [3].

Таким образом, в выборку вошли тексты речей спикеров от АдГ за данный период, классифицируемые Документационной и информационной системой парламентских материалов (DIP) как относящиеся к тематике России. Затем мы отобрали и проанализировали реплики депутатов остальных партий, произнесенные во время выступлений депутатов АдГ. В работе нами применялся метод сентимент-анализа (sentiment-analysis), а также метод анализа ключевых слов в контексте (KWIC analysis). В процессе подготовки текстов к анализу был сформирован и использован список стоп-слов, проведена их лемматизация. Для осуществления сентимент-анализа в случае с речами депутатов АдГ за единицу анализа мы приняли абзац, в случае с репликами представителей других партий – полный текст выражения, после чего использовали сентимент-словарь для немецкого политического языка Кристиана Рауха [4]. Анализ был проведен с помощью инструментов языка программирования R.

Всего за выделенный период тема России затрагивалась так или иначе в 23 выступлениях депутатов АдГ. После деления текстов на абзацы мы получили 248 отрывков, разделенных нами на две группы: в одну вошел 61 отрывок, в которых встречаются слова с корнем «russ»: «Россия», «русский», «российский» (Russland, Russe, russisch), во вторую – фрагменты, в которых такие слова отсутствовали. Результаты анализа тональности текста показали, что большинство абзацев были эмоционально окрашены, что иллюстрирует составленный нами график, в котором по оси X отражены выделенные нами группы, а по оси Y – доля положительно, нейтрально и негативно закодированных высказываний (рис. 1).

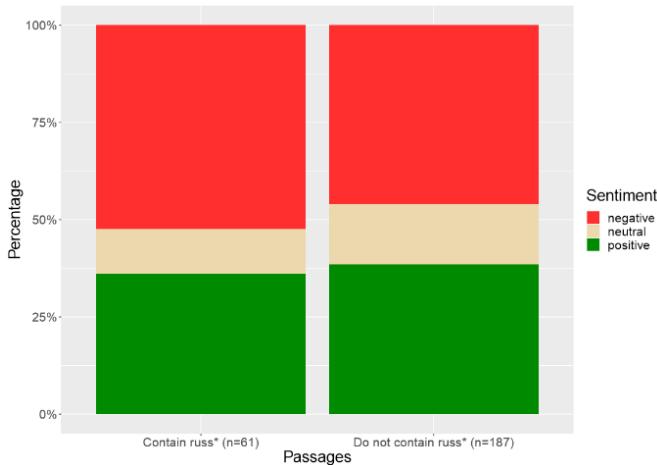

Рис. 1. Тональность речей депутатов АдГ

При этом большинство фрагментов в обеих группах имели негативную тональность, представленную красным цветом (52,5 % в первой и 45,9 % во второй), на втором же месте расположились позитивно окрашенные отрывки – зеленый цвет (36 % и 38,5 % соответственно), нейтральными были наименьшее количество высказываний – бежевый (11,5 % и 15,5 %). С помощью анализа ключевых слов в контексте мы определили, что наиболее часто термин «Россия» (употреблен 43 раза) встречается в сочетании с терминами «Украина» (21), «Германия» (7), «быть должным» (6), «США» (6), «война» (5), «Европа» (5). Термин «русский» (11) – с терминами «дело» (3), «принятие» (3), «Африка» (3). Категория «российский» (28) – «запрещать» (5), «Украина» (5), «быть должностным» (4).

Во время этих речей депутаты всех других партий произнесли определенное количество реплик. Наиболее часто выражали свою позицию депутаты Социал-демократической партии Германии (далее – СДПГ): 83 высказывания, за ними следовали Свободная демократическая партия Германии (далее – СвДП): 48, «Союз 90/Зеленые» (далее – «Зеленые»): 38, блок «Христианско-демократический союз Германии» и «Христианско-социальный союз в Баварии» (далее – ХДС/ХСС): 33. С числом высказываний равным двум на последнем месте расположилась партия «Левая» (рис. 2).

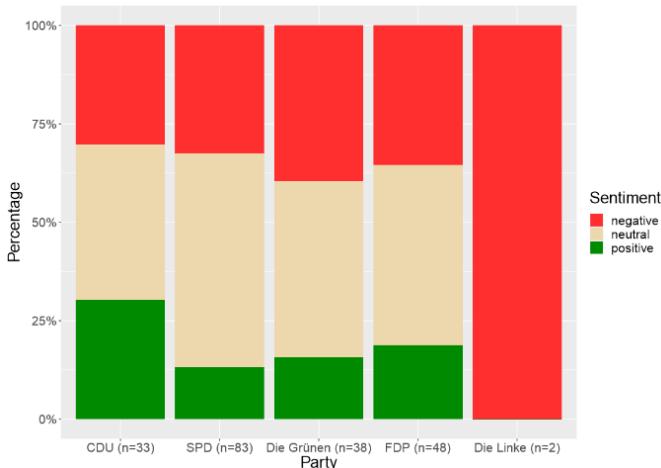

Рис. 2. Тональность реплик депутатов других партий

В связи с малым числом реплик депутатов, составившим выборку для «Левой», тональность ее высказываний исключительно негативная. У всех остальных партий, кроме СДПГ, число эмоционально окрашенных категорий превышает число нейтральных. Однако процент негативных реплик всегда выше, чем позитивных, за исключением случая ХДС/ХСС, где их количество оказалось равным, при этом последние составляют самый высокий процент среди всех партий (30 %). В процентном соотношении похоже реагировали депутаты «светофорной» коалиции: негативно окрашенные реплики лежали в диапазоне 32,5 %–39,5 %, позитивно окрашенные – от 13 % до 18,8 %.

Другими рассмотренными нами реакциями на выступления, посвященные России, стали аплодисменты, выкрики и смех депутатов всех партий. Кроме депутатов самой партии, АдГ аплодировали беспартийные депутаты Роберт Фарле и Йоханнес Хубер. Чаще всех других высказывания представителей АдГ выкриками встречали депутаты СДПГ, «Зеленых» и СвДП. Для этих же партий, а также для ХДС/ХСС, был характерен и смех. Указанным реакциям на графике мы присвоили цвета: аплодисментам – зеленый, смеху – желтый, выкрикам – красный, отразив при этом их общее количество (ось X) и распределив по партиям (ось Y) (рис. 3).

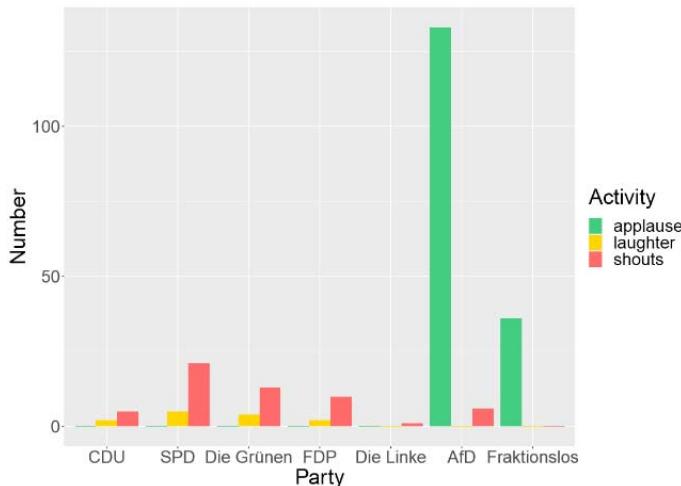

Рис. 3 Реакции депутатов всех партий

Таким образом, исходя из данных количественного исследования, можно сказать, что для парламентского дискурса АдГ – партии, настроенной на контакт с Россией – все же характерно преобладающее использование негативно окрашенных категорий. В рассматриваемый период высказывания, содержащие слова «Россия», «российский», «русский», чаще имели негативный оттенок и реже позитивный или нейтральный, чем высказывания без таковых. Однако эта разница находилась в пределах 2,5 %–6,6 %. На основе анализа контекстов мы можем заключить, что главной темой, непосредственно связанной с Россией, оставалась тема Украины. Следовательно, риторика партии относительно российской внешней политики, как минимум, не отличалась исключительно одобрением. В целом же оттенок «негатива» характерен для всей риторики партии, в том числе и во время пленарной активности [2].

Из реплик и прочих реакций депутатов других партий очевидно, что наиболее часто высказывания партии воспринимались негативно. При этом депутаты правящей коалиции наиболее часто оглашали реплики, выкрикивали и смеялись во время выступлений АдГ. СДПГ при этом остается партией, наиболее очевидно перенявшей стиль коммуникации АдГ, что произошло после вступления последней в парламент [2]. С другой стороны, депутаты ХДС/ХСС чаще других воспринимали выступления АдГ

положительно. Партия «Левая», напротив, вела себя наиболее сдержанно как в отношении реплик, так и в отношении других форм реакций, и не пыталась незамедлительно что-либо противопоставить или возразить. Тем не менее, одобрения в виде аплодисментов депутаты АдГ от других парламентских партий не получили, однако нашли его среди двух (бывших членов АдГ) из шести беспартийных депутатов. При этом необходимо учитывать, что результаты анализа не могут отразить языковых средств, часто используемых депутатами, например, сарказмов и метафор, которые в некоторых случаях без качественных средств анализа могут быть отнесены к положительным категориям.

Таким образом, парламентский дискурс АдГ, связанный с Россией, продолжает вступать в резкое противоречие с позицией большинства депутатов федерального парламента, а успехи в продвижении своих взглядов партией и убеждении оппонентов находятся на достаточно низком уровне.

Научный руководитель Е. А. Матвеева

Литература

1. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» : [стенограмма пленарной сессии] // Krem-lin.ru : официальный сайт. 2023. 5 окт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72444> (дата обращения: 26.10.2023).
2. Maurex M., Jost P. Das Ende der Debattenkultur? Wie die AfD Negativität und Inzivilität in den Bundestag trägt und wie die anderen Parteien darauf reagieren // Zeitschrift für Politik. 2020. № 67(4). P. 473–490. <https://doi.org/10.5771/0044-3360-2020-4-473/> (mode of access: 26.10.2023).
3. Plenarprotokolle // Deutscher Bundestag : official web-site. URL: <https://www.bundestag.de/protokolle> (mode of access: 26.10.2023).
4. Rauh Ch. Replication Data for: Validating a sentiment dictionary for German political language // Harvard Dataverse : official web-site. 2018. <https://doi.org/10.7910/DVN/BKBXWD> (mode of access: 26.10.2023).

Э. С. Осколкова

Иркутский государственный университет

ЛЕГИТИМАЦИЯ ПОЛИТИКИ УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕРНЕТОМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТОПОСА РАЗВИТИЯ В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ КНР

За последние годы Китай принял более 140 законов о киберпространстве. Например, в 2016 г. был принят закон «О кибербезопасности», содержащий положения о защите личной информации – критической информационной инфраструктуры. За невыполнение обязанностей, предусмотренных законом и в случае нарушения закона, сетевые операторы и другие учреждения, ведущие деятельность через Интернет, будут оштрафованы на сумму до 100 тыс. юаней. Наказание также предусмотрено для иностранных компаний, которые «совершают нападение, вторжение, причиняют ущерб критически важной информационной инфраструктуре КНР» [2]. С целью усиления онлайн-надзора и регулирования контента для несовершеннолетних в 2020 г. в закон «О защите несовершеннолетних» были внесены изменения. Новые статьи предусматривали введение единой системы электронной идентификации несовершеннолетних и игрового комендантского часа с 10 вечера до 8 утра. Далее закон требует, чтобы родители или опекуны, школы и социальные учреждения принимали preventивные меры для «пресечения интернет-зависимости». Чтение, просмотр и прослушивание информации, содержащей «неправомерный» контент, также запрещены законом [7].

Законодательством Китая были введены ограничения на доступ к некоторым социальным сетям, например, к Instagram*. Доступ был ограничен в сентябре 2014 г. после протестов в Гонконге, связанных с предстоящими выборами главы правительства: демонстранты требовали открытых и прямых выборов и были недовольны планами китайского руководства утверждать кандидатов [1]. В Китае также заблокированы такие социальные сети, как Facebook*, YouTube, X и т. д. Систему по ограничению интернет-контента в Китае западные СМИ называют «Великим файрволом». Данная система способна не только блокировать сайты по их IP-адресам, но также по ключевым словам и фразам, которые пользователь будет вводить в поисковую строку [4].

* Продукт компании Meta, которая признана экстремистской организацией в РФ.

Однако многие зарубежные эксперты скептически относятся к этой идеи и оценивают меры китайского правительства по регулированию Интернета как авторитарные и нарушающие основные права человека [3; 6]. Китайское общество неоднозначно относится к политике государства в отношении Интернета, однако такие события, как пожар в г. Урумчи в 2022 г., становятся катализатором протестов, которые поддерживаются жителями Китая через социальные сети. Для того чтобы обойти систему цензуры в процессе распространения деталей протестов, граждане используют VPN и выражают солидарность с помощью зашифрованных хештегов «A4», «упражнение с белой бумагой», которые протестующие держат в руках, чтобы продемонстрировать недовольство ограничениями на свободу слова [1].

Осенью 2022 г. правительством Китая была опубликована Белая книга «Совместно построить сообщество с общим будущим в киберпространстве» [6], которая является актуальным стратегическим документом и содержит основополагающие принципы, в соответствии с которыми Китай проводит политику управления Интернетом.

Для того чтобы лучше понять политический курс Китая, мы провели анализ аргументационных схем (толосов), используемых правительством КНР для обоснования вводимых ограничений. В настоящих тезисах мы представим результаты анализа лишь одной аргументационной схемы – толоса развития. Данный толос является одним из ключевых в официальном китайском дискурсе и чаще других используется в тексте Белой книги (данный толос повторяется 14 раз), а также отражает ключевые идеи Си Цзиньпина.

Теоретико-методологическую основу исследования составляет дискурсивно-исторический подход, предложенный Р. Водак и М. Рейзиглом. Аргументационная схема или толос определяется Р. Водак как «широкое семантическое, часто стереотипное клише, заключающее в себе общие черты определенных линий аргументации» [8]. Основной функцией толоса является приданье доказательности высказыванию спикера. Аргументация толоса развития основывается на тезисе: «если совершить действие X, то это будет способствовать развитию» или «если не совершить действие X, то это будет препятствовать развитию».

Рис. 1. Диаграмма частоты появления топосов в тексте Белой книги

Топос развития основывается на идее прогресса, движения вперед, которая имеет важное значение для любого общества, в частности для Китая. За последние четыре десятилетия экономический рост Китая превратил государство в страну – технологического лидера. Необходимость модернизации и развития Китая обусловливается тем, что экономический рост позволил государству оказывать влияние на другие развивающиеся страны посредством торговли и инвестиций.

Топос развития используется в тексте Белой книги для обоснования необходимости глобального международного сотрудничества в сфере управления Интернетом. На это указывают пересечения кода «Топос развития» с такими кодами, как «Международное сотрудничество» (International cooperation) и «Глобальность» (Globality) (см. рис. 2): «Правительства, международные организации, частный сектор и аналитические центры должны обсудить и разработать международные правила цифрового управления, которые отражают пожелания всех сторон и уважают интересы всех, чтобы способствовать здоровому и упорядоченному развитию цифровой экономики» [5]. Стоит отметить, что в соответствии с китайским порядком, руководящую роль в процессе управления Интернетом должны выполнять правительства, и именно сотрудничество между государствами как главными акторами международных отношений будет способствовать развитию.

Система кодов	Top...	Shar...	Inte...	Buil...	Ben...	Order	Sec...	Glo...	In a...	Digi...	Con...
Топос развития	3	5	5	5	7	5	6	5	4	2	
Shared future			16								
International cooperation	5	16		14	23	6	22	26	7	12	2
Build a community	5	15	14			11	4	10	10		5
Benefits of all humanity	5	9	23	11			9	16	16	8	14
Order	7	3	6	4	9		7	5	8	2	5
Security	5	10	22	10	16	7		14	13	8	6
Globality	6	8	26	10	16	5	14		7	10	1
In accordance with the law	5	1	7		8	8	13	7		4	9
Digital economy	4	3	12	5	14	2	8	10	4		1
Control of the Internet	2		2	5	5	6	1	9	1		

Рис. 2 Диаграмма пересечения кода «Топос развития» с другими кодами в тексте Белой книги

Пересечения с такими кодами, как «Порядок» (Order) и «В соответствии с законом» (In accordance with the law), показывают, что важную роль топос развития играет в обосновании необходимости поддержания порядка и осуществления регулирования государством поведения людей в киберпространстве (см. рис. 2). Исходя из текста Белой книги, китайское правительство видит в упорядоченном развитии необходимость для достижения результатов в сфере цифровой экономики и укрепления честной конкуренции, для поддержания равноправного участия всех стран в развитии мирового сообщества. Стремление к порядку и частое обоснование его топосом развития также обусловлено тем, что порядок на международной арене для Китая связан с уважением суверенитета каждого государства, невмешательством во внутренние дела, с отстаиванием права каждого государства выбирать самостоятельно свою стратегию управления интернетом. В свою очередь, построению упорядоченного киберпространства способствует разработка международных правил и законов, которые позволяют совершенствовать механизм регулирования Интернета и управления им. Это неразрывно связано с темой контроля, который также в рамках дискурса Китая способствует поддержанию порядка и, соответственно, развитию.

Подводя итог, мы можем сказать, что меры, которые западные эксперты рассматривают как ограничивающие и нарушающие права человека, китайское правительство рассматривает как направленные на развитие общества. Топосом развития обосновывается значимость порядка, необходимость строгого соблюдения законов, принимаемых китайским правительством. Кроме того, топос развития используется китайским правительством для аргументации необходимости упорядоченного международного сотрудничества, при котором страны уважают суверенитет друг друга, не вмешиваются во внутренние дела других государств и совместно противостоят гегемонии. Так, данный топос обосновывает многополярность как наиболее подходящую международную систему, по мнению Китая, способную посредством диалога, коммуникации, взаимного уважения гарантировать безопасное развитие, приносящее пользу людям.

Научный руководитель О. В. Захарова

Литература

1. China's protesters need the global internet, pandemic censorship // Freedom House : website. 2023. URL: <https://freedomhouse.org/report/china-media-bulletin/2023/chinas-protesters-need-global-internet-pandemic-censorship> (mode of access: 25.10.2023).

2. Cybersecurity law : the law of the the people's republic of China on 2016 // DigiChina : official website. 2016. URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-cybersecurity-law-of-the-peoples-republic-of-china-effective-june-1-2017/> (mode of access: 24.10.2023).
3. Fedasiuk R. Buying silence: the price of internet censorship in China // CSET : official website. 2021. 12 jan. URL: <https://cset.georgetown.edu/article/buying-silence-the-price-of-internet-censorship-in-china/> (mode of access: 24.10.2023).
4. Gisonna N. Great Firewall // Britannica : official website. 2023. 21 sep. URL: <https://www.britannica.com/topic/Great-Firewall> (mode of access: 24.10.2023).
5. Jointly Build a community with a shared future in cyberspace : white paper. // China Daily : official website. 2022. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202211/07/WS63687246a3105ca1f2274748.html> (mode of access: 18.10.2023).
6. King G. How censorship in China allows government criticism but silences collective expression // Harvard University : official website. 2013. 2 may. URL: <https://gking.harvard.edu/publications/how-censorship-china-allows-government-criticism-silences-collective-expression> (mode of access: 25.10.2023).
7. The prevention of juvenile : order of the President of the people's republic of China on December 26, 2020 // The 24th Meeting of the Standing Committee of the Thirteenth National People's Congress of the People's Republic of China. 2020. URL: <https://perma.cc/A4GW-SH9D> (mode of access: 24.10.2023).
8. Wodak R. Critical Discourse analysis, Discourse-Historical approach // Research Gate : website. 2015. April. URL: https://www.researchgate.net/publication/280621881_Critical_Discourse_Analysis_Discourse-Historical_Approach (mode of access: 18.10.2023).

К. Стец

Воронежский государственный университет

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ГЕНДЕРНЕГО РАВЕНСТВА В СТРАНАХ СКАНДИНАВИИ

По мере развития общества все больше внимания начинает уделяться гендерному вопросу и равноправию. На сегодняшний день гендерный аспект в системе государственного управления приобретает новые черты: женщины стали активно принимать участие в политической жизни общества, они выступают за равные права с мужчинами [2, с. 18]. Это позволило достигнуть большего представительства женщин в органах государственной власти.

Обращаясь к конкретным примерам, можно увидеть, что страны Скандинавии – Швеция, Норвегия и Дания – на сегодняшний день наиболее успешно справляются с реализацией гендерной политики. Подтверждением этому служит положение, которое занимают данные государства согласно Индексу гендерного разрыва (Global Gender Gap Index): Норвегия – 2 место, Швеция – 5, Дания – 23 [5].

Напрашивается вывод о том, что степень разрешенности гендерных проблем является одним из ключевых показателей уровня развития государства. Скандинавские страны традиционно занимают лидирующие позиции в исследованиях по уровню жизни, индексу счастья и, конечно, по вопросам гендерного равенства. Исходя из этого, нам видится важным изучить феномен успеха этих стран в данном вопросе, выявить факторы, способствующие этому.

Исследование опиралось на работы К. А. Кевеева и Н. В. Пазинич, которые уделяют внимание изучению вопроса политики гендерного равенства в Скандинавских странах [3]. Изучена работа А. Н. Павловой, описывающая опыт Швеции в вопросе формирования политики равноправия полов [4]. Помимо этого, было рассмотрено исследование А. В. Головинова и О. В. Головиновой, достаточно полно раскрывающее действие нормативно-правовых актов в странах Северной Европы.

Методологическую базу исследования составили такие методы, как кейс-стади, теоретический анализ нормативно-правовых документов, сравнительный метод. Метод кейс-стади позволил проанализировать ситуацию, сложившуюся в каждой из выбранных стран относительно гендерной политики, выявить основные инструменты, которые используются для достижения равенства полов. При помощи теоретического анализа нормативно-правовых документов были выявлены особенности и тонкости законодательства, касающегося гендерного равенства в Норвегии, Швеции и Дании. Сравнительный метод позволил определить схожие и отличительные черты гендерной политики в выбранных странах.

Страны Скандинавии славятся тем, что политическое участие женщин, в том числе их представительство в законодательных и исполнительных органах власти, в муниципалитетах, опережает другие страны мира.

Для начала выделим общие черты, которые лежали в основе массового продвижения женщин на позиции власти. Первое преобразование – предоставление избирательного права женщинам. Норвежские женщины четвертыми в мире (в 1913 г.) получили право голоса. В Дании женщины получили право голоса в 1915 г., но на муниципальных выборах они могли голосовать уже в 1909 г. Женщины в Швеции получили право голоса в 1919 г.

В 1960-е гг. происходит рост самосознания женщин и подъем феминистского движения. Повышается интерес женщин к участию в институциональных политических структурах, например, в политических партиях или муниципальных советах.

Политические партии также сыграли большую роль в привлечении женщин во властные структуры. Участие женщин не привело к созданию отдельных женских политических партий, их силы были направлены в работу уже существовавших организаций. Это вылилось в создание женских партийных секций.

Тот факт, что долгое время у власти в скандинавских странах находились социал-демократические партии, сыграл не последнюю роль. Идеалами данных партий являются равенство и социальная справедливость, они стремились к созданию государства всеобщего благосостояния. Социал-демократические партии обеспечили необходимые условия для успешного продвижения к гендерному равенству. Центристские и правые партии вынуждены были включаться в борьбу за голоса избирателей, они стремились к созданию дружественного по отношению к женщинам имиджа.

Норвежская модель выстраивания гендерной политики имеет иной вид, чем датская или шведская. Среди особенностей мы можем выделить большое влияние религии, систему квот и глубокие связи с ООН. Для норвежцев существенную роль играла религия, следовательно, они более традиционно относились к институту семьи. Это учитывалось при построении политики гендерного равенства, поэтому в Норвегии вопросами, касающимися гендерного равенства, занимается Министерство по делам детей и семьи.

Еще одной особенностью построения норвежской модели политики гендерного равенства является квотирование. Данный инструмент часто использовался норвежскими политическими деятелями. В 1998 г. Норвегия ввела положение, которое регламентировало минимальное представительство обоих полов в комитетах и советах в размере 40 % [1].

Начиная с 1970 г. норвежское правительство продвигает инициативы ООН. Одной из таких идей является улучшение положения женщин. Подчеркивая глубокие связи с ООН, можно отметить, что комитеты по вопросам равенства в Норвегии были созданы в рамках подготовки к Международному году женщин (1975 г.), объявленному организацией.

Анализируя выбранные нами источники, мы пришли к выводу, что успех Швеции в вопросах реализации гендерной политики зависит от ряда факторов. Одним из них является тот факт, что с самого начала страна придерживалась построения концепции «народного дома». Эта концепция заключается в том, что никто в государстве не пользуется привилегиями. Именно благодаря этому в Швеции закрепилась идея о равенстве полов.

Несмотря на это, в стране все еще присутствовали проблемы гендерного неравенства. Для их решения правительством была разработана гендерная политика. В рамках данной политики в 1974 г. были введены специальные квоты, которые за каждым полом резервировали 40 % рабочих мест. В связи с введением квот существенно увеличился уровень занятости женщин и сократилась разница в оплате труда.

Большое внимание в Швеции уделяется развитию нормативно-правовой базы, направленной на уравнение прав мужчин и женщин. Швеция стала первой страной в мире, которая ввела гендерно-нейтральный отпуск по уходу за ребенком (1974 г.). Помимо этого, шведское правительство уделяет большое внимание разработке законов, направленных на признание всех видов насилия в отношении детей, женщин и мужчин незаконными.

Стоит также отметить, что важным элементом шведского механизма по вопросам реализации гендерной политики является создание специализированных структур. Например, в 2007 г. было создано Министерство интеграции и гендерного равенства, а в 2018 г. появилось Шведское агентство по гендерному равенству.

Ситуация, касающаяся гендерной политики и реализации её на практике, заметно отличается в Дании. Отставание Дании от Швеции и Норвегии можно связать с тем, что в государстве уделяется мало внимания вопросам, которые напрямую связаны с гендерной политикой – проблемам, касающимся дискриминационной рекламы, сексуального насилия и т. д.

С 70-х гг. ХХ в., правительство Дании делает все возможное, чтобы обеспечить установление гендерного равенства в стране. В государстве был принят специальный закон «О гендерном равенстве». В 1976 г. в Дании вступил в силу закон, нормы которого определяли равную оплату труда за равный труд.

К 1980-м гг. в Дании становится заметен явный гендерный дисбаланс в государственных комитетах. К 1985 г. данную проблему постарались решить за счет принятия закона о равенстве при назначении членов общественных комитетов. После этого все официальные комитеты в стране были переизбраны таким образом, что представителей мужского и женского полов в них стало поровну. В 1990 г. был принят еще один законопроект, который гарантировал равные возможности обоим полам при получении исполнительных должностей в органах общественного самоуправления. Можно сказать, что правительство Дании в большей степени стремится к реализации гендерной политики через устранение дисбаланса и достижении равенства именно во властных структурах.

Основные выводы:

1. Зарождение политики гендерного равенства в скандинавских странах происходит в XX в. В это время ключевую роль по продвижению женщин на политическую арену берут на себя политические партии и создаваемые в них женские секции.

2. Дания отстает от Норвегии и Швеции по вопросу реализации гендерной политики. Это связано с рядом проблем, существующих в Дании и напрямую касающихся вопроса гендерного равенства: низкое представительство женщин во властных структурах, табуированность некоторых тем, связанных с гендерной политикой.

3. Был выявлен рост числа женщин в парламентах выбранных стран. Произошло это за счет квотирования рабочих мест, создания специализированных структур (например, Министерства интеграции и гендерного равенства в Швеции), поддержки института семьи (например, возможность обоим родителям брать отпуск по уходу за ребенком).

4. Наблюдается сохранение ряда проблем: гендерный разрыв в оплате труда, существование «стеклянного потолка» и т. д.

Анализ опыта стран Скандинавии показал, что уровень развития государства напрямую зависит от степени разрешенности гендерных проблем, и позволил выделить основные факторы успеха политики гендерного равенства в этих странах.

Научный руководитель А. А. Романовский

Литература

1. Воронина О. А. Гендерное равенство как структурный элемент государственной политики в Скандинавских странах // Новый взгляд. Международный научный вестник. 2014. № 4. С. 1–19.
2. Головинов А. В., Головинова Ю. В. Сущность и содержание принципа гендерного равенства в текстах нормативно-правовых актов скандинавских стран // Юридическая техника. 2022. № 23. С. 18–23.
3. Кавеев К. А., Пазинич Н. В. Политика гендерного равенства в скандинавских странах // Управленческое консультирование. 2009. № 4. С. 210–217.
4. Павлова А. Н. Формирование политики равноправия полов в Швеции в 1960-70-е годы : специальность 07.00.03. «Всеобщая история (новейшая история)» : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 24 с.
5. Global Gender Gap Index // World Economic Forum : website. URL: <https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2023/> (mode of access: 25.09.2023).

СЕКЦИЯ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

А. И. Бердникова

Иркутский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРЕДВЫБОРНЫХ КАМПАНИЙ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ I СОЗЫВА ОТ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Изучение первых предвыборных кампаний кандидатов от Иркутской области в депутаты Государственной Думы I созыва помогает понять специфику культуры выбора российских граждан сегодня и условия формирования политической культуры россиян в период политической либерализации. Анализ форм и методов предвыборных кампаний формирует представление об эффективности применения тех или иных политтехнологий, возможности их усовершенствования для построения успешных стратегий продвижения кандидатов на выборах. Цель этой работы состоит в представлении методов и форм ведения предвыборных кампаний иркутских депутатов Государственной Думы I созыва.

В 1993 г. в условиях изменения функционирования политической системы в России было принято решение о назначении выборов в двухпалатный парламент. От Иркутской области победили в результате голосования следующие депутаты: Ю. М. Тен, В. Л. Машинский, А. А. Турусин, В. Б. Шуба. Кандидаты Ю. М. Тен, В. Л. Машинский и В. Б. Шуба были самовыдвиженцами, А. А. Турусин баллотировался от левой политической партии «Аграрная партия России». До 12 декабря 1993 г., дня выборов депутатов в Государственную Думу, велись активные предвыборные

кампании на страницах периодических печатных изданий регионального уровня. В ноябрьских и декабрьских выпусках газеты «Восточно-Сибирская правда», «Время», «Красное Знамя», «Нижнеудинский вестник» можно заметить использование всего разнообразия инструментов агитации. Кандидаты находились в равных условиях в период предвыборной гонки, средства массовой информации предоставляли равные возможности: бесплатное и платное эфирное время на каналах телерадиовещания и печатных площадках, результат зависел от выбранных методов и форм распространения информации о кандидате в депутаты Государственной Думы.

Для формирования образа кандидата использовались развернутые и краткие биографические справки. Они представляли собой небольшие тексты с фотографией или интервью или прямое обращение баллотируемого к избирателю. Популярной формой презентации кандидата и его предвыборной программы было интервью. Журналисты в ходе беседы задавали вопросы кандидатам, которые касались их опыта, багажа знаний, дальнейших намерений и планов улучшения дел в стране.

Каждый из кандидатов в рамках вышеперечисленных методов освещал свою продуктивную и значимую для города и района деятельность. Некоторые из депутатов использовали прием манипуляции «собственное возвышение и самовосхваление», используя в своих агитационных текстах следующие выражения: «Мне как руководителю с большим стажем...», «Я, как человек опытный, знаю...» и т. п. [1, с. 111].

В агитационных материалах Ю. М. Тена акцент делался на заслуги его предприятий, которые способствовали выведению экономики из кризиса и обеспечению благосостояния региона. Он много повествовал об успехе своего акционерного общества «Труд», главной задачей которого являлось вклад в экономическую копилку области [3, с. 2]. В ангарской газете «Время» в ходе предвыборного периода часто упоминается производство В. Л. Машинского и его причастность к делам города: городское кабельное телевидение, разведение форели и приобретение нового лечебного аппарата. В период экономической нестабильности и тотального свертывания производств по инициативе Виктора Машинского был создан целый ряд предприятий, которые дали новые рабочие места. Был создан порт по отгрузке нефтепродуктов в г. Большой Камень (Дальний Восток), лесной причал в порту Ванино (Дальний Восток), производство по выращиванию форели в г. Ангарске,

организована заготовка древесины и лесопереработка в г. Ангарск и г. Чуна. При главе администрации Нижнеудинского района Анатолии Турусине, как отмечается в его агитационных материалах, была решена проблема лесоэксплуатации, необдуманного истребления лесных насаждений: создано объединение «Нижнеудинсклес», вдвое были сокращены объемы заготовки леса, прекратилась варварская вырубка.

Кандидаты в депутаты от Иркутской области активно проводили встречи со своими потенциальными избирателями, информация о которых появлялась на страницах газет. Юрий Тен встречался с руководителями строительных подразделений и финансовых структур областного центра, ему удалось заручиться их поддержкой [3, с. 1]. Виктор Машинский встречался с преподавателями и лицеистами городской гимназии, он затрагивал проблему повышения престижа и качества образования [5, с. 1]. Кандидаты Ю. М. Тен и В. Л. Машинский ответственно подходили к подготовке к встречам со своими избирателями, меняя акценты в предвыборной программе в зависимости от целевой группы, с которой они беседовали.

Для повышения уровня доверия со стороны населения и получения наибольшего количества голосов претендентам на депутатскую должность необходимо было заручиться поддержкой уважаемого и значимого лица в их городе и районе. Кандидатуру Юрия Тена поддержал начальник главного управления сельского хозяйства области В. А. Бердников и олимпийская чемпионка Т. Г. Гойшик. Генеральный директор «Сибтепломаша» Леонид Репринцев, генеральный директор «Братскгэсстроя» Владимир Викулов и другие крупные предприниматели города высказались за кандидатуру В. Б. Шубы, а также отметили все его лучшие качества и достоинства.

Сотрудники управления внутренних дел г. Ангарска поддержали кандидатуру В. Л. Машинского. В 1989 г., когда стал явным провал в экономике, и милиция как бюджетная организация оказалась в тяжелейшем положении, производственное объединение «Ангарскнефтеоргсинтез» по инициативе В. Л. Машинского стало одним из инициаторов и учредителей благотворительного фонда «Правопорядок» [4, с. 1].

Предвыборной кампании 1993 г. свойственно следование принципу положительного опыта и багажа. Определяющим фактором победы того или иного кандидата стали компетентность, личные контакты, результативная профессиональная деятель-

ность, высокая репутация в деловом обществе Иркутской области. Ориентация избирателей при выборе кандидата на личностные характеристики, а не на предвыборную программу, сформировалась в политической культуре россиян ещё в советское время и проявляется в нынешнее время, особенно в сельских территориях и территориях компактно проживающих коренных народов [6].

Резюмируя, в предвыборный период кандидаты в депутаты Государственной Думы I созыва от Иркутской области в 1993 г. использовали следующие методы агитации:

- интервью корреспондентам СМИ;
- биографические справки;
- публикация в печати информации о встречах, проведенных кандидатами с местным населением и обнародование обсуждаемых ими на круглых столах социально-экономических проблем;
- обращения к конкретным категориям граждан (к медицинским работникам, представителям народного образования, спортивной общественности и т. д.).

Все эти инструменты активно используется и сегодня при построении и проведении избирательных практик ввиду наследственного характера политической культуры избирателей в России.

Научный руководитель А. Н. Фартышев

Литература

1. Байдина Т. Е., Морозов С. П. Избирательные технологии как технологии политического маневрирования // Вестник Забайкальского государственного университета. 2007. № 2. С. 108–113.
2. Волков Н. Ставка на деловых людей // Восточно-Сибирская правда : общественно-политическая газета Иркутской области. 1993. № 227/228. С. 1–16.
3. Герасимович В. Ангарская милиция поддерживает Машинского // Время : ангарская городская газета. 1993. № . 229. С. 1–4.
4. Прокопьев Ю. И в этот срок, предельно малый // Время : ангарская городская газета. 1993. № . 217. С. 1–4.
5. Фартышев А. Н., Размахнина Ю. С., Клепиков И. А. Локальные этнические сообщества и политика: восприятие власти у сиботов // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2023. Т. 43. С. 36–45.

Г. Е. Ким

Иркутский государственный университет

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ ЭКСПЕРТНЫХ ИНТЕРВЬЮ)*

Региональная политическая элита в силу занимаемого ей положения ведущего актора регионального политического процесса оказывает большое влияние на принятие решений, распределение ресурсов и развитие региона в целом. По этой причине понимание того, каких ценностей она придерживается, а также какие цели преследует и какие при этом стратегии использует, очень важны для понимания как политического процесса в регионах, так и для эффективного управления региональным развитием. В связи с этим российскими представителями элитологии проводятся исследования региональной политической элиты и механизмов ее трансформации [1–3].

С целью анализа политической элиты Иркутской области на базе Иркутского государственного университета в период с ноября 2023 г. по январь 2024 г. методом полустандартизированного интервью проведен экспертный опрос на тему: «Человеческий потенциал политических элит в системе отношений “центр – регионы”» ($N = 25$). Экспертами опроса выступили представители научного сообщества, региональной исполнительной и законодательной власти, масс-медиа, общественных объединений и бизнеса, а также региональные политтехнологи. Опрос проводился при помощи заранее подготовленного гайда, содержащего открытые вопросы и двух карточек для самостоятельного анализа, при этом, влияния извне на экспертов допущено не было.

Мнение экспертов о характеристике политической элиты Иркутской области является неоднозначным. Так, часть экспертов высказала мысль о том, что региональная элита находится в процессе своего формирования. Другая часть экспертов считает, что иркутская элита имеет ряд специфичных черт, обусловленных тем положением, которая занимает Иркутская область. В силу большого скопления экономических, промышленных и географических

* Статья выполнена в рамках научного проекта 7.3.4 «Человеческий потенциал политических элит в системе отношений “центр–регионы”» Научного центра мирового уровня «Центра междисциплинарных исследований человеческого потенциала» МГИМО МИД России.

ресурсов, по мнению экспертов, можно говорить о полицентричности региона и большом количестве групп интересов, которые имеют различные цели и ресурсы для отстаивания своих интересов. С одной стороны, это приводит к активному развитию политических процессов в регионе, с другой стороны – к высокой политической конфликтности. Так, эксперты указывают на тот факт, что в области на протяжении двадцати лет наблюдалась большая сменяемость губернаторов. Другой интересный факт, отмеченный экспертами в ходе интервью, – в современный период можно говорить о начале политической стабильности. Такое состояние региональной элиты эксперты объясняют несколькими факторами: федеральной повесткой в связи проведением СВО; действиями нынешнего губернатора Иркутской области И. И. Кобзева, который смог свести к минимуму конфликты внутри региональной элиты и выступает в роли арбитра.

В вопросе отличия политической элиты от других региональных элитарных групп в оценке большинства экспертов наблюдается консолидация мнения о том, что ее представителей, прежде всего, сближают между собой и отличают от представителей других групп обстоятельства жизни, а также большее влияние на процесс принятия политических решений в регионе.

Говоря о отличиях политической элиты Иркутской области от элиты других регионов, эксперты сошлись во мнении, что у местной элиты есть свои особенности, обусловленные политической культурой региона, историей, традициями. В силу большей доли ресурсной составляющей в экономике в сравнении с другими регионами, развитие иркутской элиты происходит в условиях большой конкуренции, субъектности и острой политической борьбы за свои интересы.

Анализируя карьерные траектории представителей иркутской политической элиты, эксперты высказали мнение, что сложно выделить какой-либо единственный путь попадания в политическую элиту региона. В условиях политического развития Иркутской области отмечается большое количество карьерных траекторий, через которые люди попали в региональную элиту. Во-первых, бизнес – в силу экономической развитости региона; во-вторых, семейные связи – в регионе есть большое количество региональных политических династий; в-третьих, профессиональный рост – это специалисты, которые сделали карьеру на государственной службе, пройдя множество ступеней на служебной лестнице, обретая управленческий опыт и выстраивая социальные связи.

В рамках выяснения значения человеческого и социального капитала политической элиты в Иркутской области эксперты рассуждали о том, какие черты, качества, компетенции, обстоятельства помогают представителям этой статусной группы быть ее частью и максимально эффективно выполнять свои функции. Говоря об этом, респонденты разошлись в своих оценках. В целом среди значимых черт эксперты выделили лояльность. Часть экспертов указывает на то, что в условиях высокой конкурентности элит Иркутской области имеют большое значение такие качества как: профессиональная компетентность, договороспособность, умение работать в команде, саморазвитие. Несколько экспертов среди важных факторов выделили открытость и публичность, указывая на то, что в современных условиях цифровизации и глобальной открытости данные факторы приобретают все большее значение, при этом в качестве примеров успешной реализации этих составляющих респондентами были названы губернатор Иркутской области И. И. Кобзев и мэр г. Иркутска Р. Н. Болотов.

Некоторые трудности у экспертов вызвал вопрос о мотивах деятельности региональной политической элиты. Отвечая на этот вопрос, респонденты разделились на несколько групп. Часть экспертов основным мотивом деятельности элиты назвала защиту своих интересов. Другая часть экспертов указала на построение карьеры как на основную мотивацию. Третья часть экспертов высказала мнение, что на сегодняшний день среди мотивов деятельности элиты присутствуют не только личные интересы, но и стремление к решению общественно-политических задач.

Подводя итог исследованию, можно говорить о том, что полученные данные позволяют увидеть основные тенденции развития региональной политической элиты Иркутской области. Так, характеризуя политическую элиту региона, можно сказать, что она имеет свои особенности. В частности, развитие политической элиты происходит в условиях наличия больших экономических ресурсов, что приводит к высокой конфликтности и постоянной конкуренции. Такие условия приводят к усилению значимости категорий социального и человеческого капитала. При этом среди экспертов нет единого мнения, какие именного категории указанного капитала наиболее значимы. Следовательно, дальнейший анализ этих характеристик позволит глубже оценить особенности, стратегии и каналы рекрутования иркутской региональной политической элиты.

Научный руководитель Р. Ю. Зуляр

Литература

1. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. 2016. № 2. С. 38–73.
2. Крыштановская О. В. Основные тренды формирования управленческой элиты России 2020–2030 гг. // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 5(102). С. 117–134.
3. Палитай И. С. Российская политическая элита: текущее состояние и динамика основных показателей (на материалах исследований 2011–2021 гг.) // Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 148–160.

А. А. Лунченкова

Иркутский государственный университет

ВЛИЯНИЕ МИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ПОЛИТИКУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В XXI в.*

Становление и формирование глобальной системы здравоохранения имеет длительную историю и занимает важное место в политической повестке государств. На современном этапе развитие отрасли охраны здоровья населения и медицинской науки являются системообразующим фактором, детерминирующим все сферы жизнедеятельности общества, поскольку оказывают влияние на уровень качества жизни граждан, экономические показатели и на увеличение общего индекса реализации человеческого потенциала (ИРЧП).

В 2000 г. на Саммите ООН были продекларированы цели развития тысячелетия, часть из которых касается здоровья населения, например, к ним можно отнести: сокращение детской смертности, улучшение мер по охране материнского здоровья, борьба с инфекционными заболеваниями (ВИЧ, СПИД) и др. [4, с. 35].

В XXI в. тема здоровья нации продолжает занимать ведущее место в политическом дискурсе как Российской Федерации, так и в зарубежных странах. В 2021 г. профессор Приволжского исследовательского медицинского университета (ПИМУ) Минздрава России Н. П. Шок отметила ряд тенденций развития отрасли, высказав мнение, что глобальное здравоохранение означает «поствестфальское общественное здравоохранение». Главная идея за-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Иркутского государственного университета для молодых ученых, тема № 091-23-321.

ключается в том, что происходит переход от вестфальской модели здравоохранения, где приоритетом являлись принципы невмешательства и национального суверенитета. Н. П. Шок считает, что это реакция на процессы влияния глобализации и учет интересов многонациональных корпораций и международных организаций [7].

На сегодняшний день тенденции развития национальных и глобальной систем здравоохранения характеризуется множественными изменениями и прогрессом, но стоит отметить, что различные политические процессы, развитие технологий, внедряющихся в медицину, экономические и экологические изменения и социальные потрясения особенно сильно влияют на систему здравоохранения и представляют серьезные риски и новые вызовы.

Во многих странах получило широкое распространение государственно-частное партнерство (ГЧП). Специалисты выделяют предпосылки развития ГЧП в здравоохранении, к основным можно отнести необходимость решения острых проблем в отрасли, включая быстрые инновационные изменения; потребность в модернизации объектов здравоохранения и медицинской инфраструктуры; укрепление потенциала и эффективности работы системы здравоохранения при использовании ресурсов государственного и частного секторов; внедрение инновационных технологий и т. д.

ООН рассматривает укрепление сотрудничества между государством, частным сектором и обществом на разных уровнях в качестве стратегической цели устойчивого развития до 2030 г. посредством привлечения инвестиций для реализации инфраструктурных проектов и привлечения ресурсов в разные общественные и социальные сферы, включая отрасль охраны здоровья населения. ВОЗ видит перспективным развитие данного направления и стимулирует развитие партнёрских отношений между государственными и частными субъектами [5, с. 2], поскольку такая форма, по мнению ВОЗ, позволяет увеличить доступность и качество медицинских услуг, что позволит решить достаточно острые проблемы в здравоохранении. В развитых странах до 60 % проектов в области здравоохранения реализуется в форме государственно-частного партнерства (ГЧП) [6], что в целом задает новые тренды развития отрасли.

В Российской Федерации формы государственно-частного партнерства в области охраны здоровья населения также приобретают актуальность и регулируются законодательством РФ. ГЧП в стране направлено на совершенствование системы здравоохранения и улучшение доступности и качества получения медицин-

ских услуг, а наиболее распространенной формой ГЧП является процесс по включению частных медицинских учреждений в систему ОМС. На сегодняшний день в России проходит реализация около 200 проектов в здравоохранении и санитарно-курортном лечении, половина из которых на этапе эксплуатации. Общий объем инвестиций – 180 млрд руб., из них 73 % являются частными [2].

Еще одной мировой тенденцией в развитии здравоохранения является феномен цифровизации, проявляющийся в активной интеграции информационно-коммуникативных технологий в отрасль. Данный феномен позволяет решить ряд существующих проблем в области охраны здоровья населения, характерных для большинства государств, а также способствует достижению национальных стратегических целей. Кроме того, тенденции цифровизации являются и вызовом для отрасли, поскольку из-за развития инновационных технологий требуется определенная адаптация и кардинальные изменения в организации медицинской помощи, появляются новые требования к медицинским работникам и кадрам во всей системе.

Анализируя тенденцию распространения цифровой трансформации в России, мы можем констатировать, что этот процесс формирует современное здравоохранение и задает новые тренды. Так, в 2020 г. был издан Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», в котором цифровизация выделена как одно из приоритетных направлений развития государства. Также цифровизация реализуется в соответствии с федеральным проектом «Создание единого цифрового контура здравоохранения на основе ЕГИСЗ» в рамках национального проекта «Здравоохранение» [1, с. 31].

В связи с воздействием социально-экономических факторов и появлением новых технологий в мировой практике возрастает роль первичной медико-санитарной помощи, которая состоит из взаимосвязанных элементов: всеобщий комплекс услуг здравоохранения; проводимая политика государств, охватывающая разные направления отрасли; вовлечение населения в повестку охраны здоровья [3]. В свете развития этой тенденции особое значение приобретают проекты и концепции, направленные на повышение доступности и качества оказываемой медицинской помощи населению. В РФ первичная медико-санитарная помощь занимает ключевое место в государственной политике в области охраны здоровья и реализуется в федеральном проекте, входящем в национальный проект «Здравоохранение».

Таким образом, мировые тенденции в области здравоохранения проникают в национальные системы охраны здоровья, формируя новые тренды в функционировании отрасли. Мировые тенденции здравоохранения находят отражение и в государственной политике Российской Федерации, но необходимо отметить, что при адаптации новых трендов к российской действительности возникают трудности, в связи с чем органам государственной власти необходимо дополнительно прорабатывать механизмы управления и применения мировых тенденций в соответствии с федеральной и региональной спецификой.

Научный руководитель Р. Ю. Зуляр

Литература

1. Аксенова Е. И., Горбатов С. Ю. Цифровизация здравоохранения: опыт и примеры трансформации в системах здравоохранения в мире. М. : НИИОЗММ ДЗМ, 2020. 44 с.
2. Акулин И. М., Ионкин И. В. Проблемы и перспективы государственно-частного партнерства в здравоохранении Российской Федерации (обзор литературы) // Общественное здоровье и здравоохранение. 2023. № 2 (77). С. 32–38.
3. Всемирная организация здравоохранения : офиц. сайт. URL: <https://www.who.int/ru> (дата обращения: 12.10.2023).
4. Лебедева-Несеевра Н. А., Гордеева С. С. Социология здоровья : учеб. пособие для студ. вузов. Пермь : ПГНИУ, 2011. 238 с.
5. Растрогина О. В. Развитие государственно-частного партнерства на рынке медицинских услуг: мировая и российская практика // Вестник евразийской науки. 2020. № 3. Т. 12. 13 с. // Cyberleninka : сайт. URL: <https://clck.ru/365xBo> (дата обращения: 12.10.2023).
6. Роднянский Д. В., Валеева Г. Ф. Государственно-частное партнерство в сфере здравоохранения: региональный анализ // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2019. № 1. С. 133–139 // Cyberleninka : сайт. URL: <https://clck.ru/365xFm> (дата обращения: 12.10.2023).
7. Шок Н. П. Трансформации глобального здравоохранения: мир «как полу-проницаемая мембрана» в условиях пандемии COVID-19? // Валдай. Международный дискуссионный клуб : сайт. 27.07.2021. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/transformatsii-globalnogo-zdravookhraneniya/> (дата обращения: 13.10.2023).

М. А. Мелконян

Иркутский государственный университет

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ В РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ЭТАПЕ

В современной политической реальности оценка эффективной деятельности органов государственной власти не обходится без информационно-аналитической деятельности социологических служб. Занимая кардинально противоположные друг другу позиции с точки зрения лояльности по отношению к текущему политическому режиму, аналитические центры успешно функционируют в Российской Федерации. Статья посвящена краткому обзору первых социологических служб, которые стояли у истоков и развивали впоследствии политическую социологию в стране.

Первая организация, которая начала исследовать общественное мнение – Институт общественного мнения «Комсомольской правды» – появилась благодаря советскому и российскому философу и социологу Б. А. Грушину, но в скором времени была закрыта. В 1969 г. был открыт Центр изучения общественного мнения в Институте конкретных социальных исследований (ЦИОМ ИКСИ). Центр находился под надзором ИКСИ, руководящую роль выполнял А. М. Румянцев. Несмотря на то что Центр быстро закрылся, его работникам удалось создать первую всесоюзную выборку (двухступенчатую) [4].

ИКСИ считается одной из первых отечественных служб, занимавшейся политико-социальными исследованиями. Институт был создан для проведения социологических исследований, которые бы помогали партии и советской элите в управлении общественными процессами [7]. Слово «социологическое» специально не было включено в название службы, так как это понятие использовалось с сильной негативной коннотацией в условиях советской политической конъюнктуры. Тем не менее, мнение людей менялось, и в 1972 г. название института было изменено на Институт социологических исследований (ИСИ). В 1988 г. ИСИ был переименован в Институт социологии АН СССР, что свидетельствовало о признании социологии в качестве самостоятельной науки. После распада СССР было решено реформировать организацию, разделив её на Институт социологии РАН и Институт социально-политических исследований РАН [Там же]. Обе организации существуют по сей день.

С 2005 г. Институт социологии РАН возглавляет профессор М. К. Горшков [5]. Помимо исследований общественного мнения, институт занимается проведением конференций и подготовкой новых кадров в области социально-политических наук. В рамках Института функционирует Центр политологии и политической социологии (руководитель – А. С. Железняков). Центр проводит исследования по таким темам как: «Конституирование политического пространства в России», «Социокультурные основания политических процессов и политики развития», «Россия как государство-цивилизация, цивилизационные основания российской внутренней и внешней политики», «Институциональный анализ альтернативных стратегий политических изменений» и др. Тематика проектов актуальная для России и позволяет отечественным политологам проводить более глубокий анализ.

Директором Института социально-политических исследований РАН является В. К. Левашов [6]. Институт осуществляет деятельность в области анализа и прогноза социальных, социально-политических и социально-демографических процессов, а также занимается экспертизой нормативных законодательных актов, национальных программ и проектов, разработкой рекомендаций для органов государственной власти в области управления социальными, демографическими и миграционными процессами.

Помимо этих двух организаций, ЦИОМ ИКСИ положил начало созданию Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Изначально Центр был всесоюзным, а его руководителем стала Т. И. Заславская, которая долгое время работала с Б. А. Грушиным. Отношение партии ко ВЦИОМ менялось и в итоге Центр перешёл на самофинансирование. Вскоре руководителем стал Ю. А. Левада, тогда же организация изменила своё название на Всероссийский центр изучения общественного мнения [8].

В 2003 г. ВЦИОМ получил статус открытого акционерного общества с полным участием государства. Ю. А. Левада подверг критике данные изменения и открыл собственную организацию – Аналитическую службу ВЦИОМ (ВЦИОМ-А). Центр был негосударственным, и практически весь коллектив сотрудников перешёл в новую организацию. Вскоре название было изменено на «Аналитический центр Юрия Левады» («Левада-Центр»)* [1].

* Настоящий материал (информация) произведен иностранным агентом «Левада-Центр», либо касается деятельности иностранного агента «Левада-Центр». 18+

Центр проводит исследования связанных с политикой и обществом. Результаты опросов используются политическими аналитиками для научных работ. Помимо изучения общественного мнения организация выпускает аналитические доклады и презентации. В марте 2023 г. вышло одно из самых популярных исследований Центра: «Политические тренды на фоне СВО: что изменилось за год?» [2].

На сегодняшний день директором ВЦИОМ является В. Фёдоров. ВЦИОМ проводит систематические исследования общественного мнения по важнейшим вопросам и событиям социально-политической, экономической жизни России и стран СНГ. Центр использует такие методы, как массовые опросы населения (омнибусы), в том числе телефонные и интервью с экспертами; также исследуется рынок товаров и услуг.

«Левада-центр»* не уступает ВЦИОМ с точки зрения спектра используемых методов исследования. Центр использует сбор количественных и качественных данных: уличные и поквартирные опросы, фокус-группы и интервью с экспертами, онлайн и телефонные опросы; под каждое исследование разрабатывается индивидуальный дизайн проекта. Часть оппозиционно настроенного населения России доверяет опросам «Левада-центра»* больше, чем ВЦИОМу или ФОМу, так как Центр выступает в качестве негосударственной организации [5].

После Ю. А. Левады Центр возглавил Л. Д. Гудков (в период именно его руководства организация получила статус иностранного агента). Важную роль в структуре Центра играла Т. Заславская, которая была председателем правления. Сейчас её должность занимает А. Г. Аганбегян – специалист в сфере экономики и рынка, Почётный президент Международной экономической ассоциации.

Центр занимается проведением исследований по различным темам, в том числе и по политическим. Одни из последних имели следующую тематику: «Путинские сигналы», «Одобрение институтов и рейтинги политиков в конце июля 2023 года», «Отношение к Владимиру Путину», «Готовность к участию в политике» и т. д. Такие работы важны для политологии, так как изучая различные источники, в том числе и оппозиционные, какой и является «Левада-Центр»*, можно составить полную картину политического мира.

* Настоящий материал (информация) произведен иностранным агентом «Левада-Центр», либо касается деятельности иностранного агента «Левада-Центр». 18+

На данный момент в Центре работает около 40 человек – специалисты в сфере социологии, политологии, экономики, маркетинговых исследований, общественных опросов и обработки данных. «Левада-Центр»* является членом профессиональной ассоциации исследователей рынка ESOMAR, российской ассоциации ОИРОМ и постоянным членом Международной программы социальных исследований. Аналитика – неотъемлемая часть работы центра, они не только опрашивают население, но и анализируют полученные данные. Результаты опросов публикуются в ежегодном сборнике «Общественное мнение» [8].

Фонд «Общественное мнение» также, как и «Левада-Центр»* имел связи со ВЦИОМ, и до 1992 г. осуществлял свою деятельность при ВЦИОМ, а с серединой этого же года стал независимой организацией по изучению общественного мнения. Опросы, которые проводил ФОМ, имели политическую, экономическую и социальную повестку, Фонд проводил и интересные маркетинговые исследования.

В 1996 г. ФОМ приобрел большую популярность и авторитет, осуществляя функцию социологической организации предвыборного штаба Б. Н. Ельцина. В дальнейшем ФОМ проводил исследования, посвященные социальным процессам в избирательной сфере. В 1999, 2000 и 2004 гг. Фонд вел такую же деятельность при штабе В. В. Путина. Через четыре года организация начинает активно проводить опросы, а количество заказов стремительно увеличивается. Исследования проводятся на различные темы и приобретают масштабный характер. Фонд использует аналитические методы и проводит активное медиа-освещение [3].

Сегодня под брендом ФОМ работают две компании: НКО Фонд «Общественное мнение» и ООО Институт Фонда «Общественное Мнение». Руководителем является А. А. Ослон. Фонд реализует такие проекты, как: «Музей ПандемиС», «Заповедник», «10 цифр месяца», «Машина предвыборных прогнозов» и «ФОМ-лабс». Работы больше направлены на жизнь людей и общество. Являясь одним из лидеров рынка социологических опросов, Фонд использует различные опросные (face-to-face, телефонные, сетевые выборки) и мягкие (фокус-группы, глубокие и нарративные интервью, экспертные беседы, этнографические экспедиции) методы.

* Настоящий материал (информация) произведен иностранным агентом «Левада-Центр», либо касается деятельности иностранного агента «Левада-Центр». 18+

По результатам проведенного исследования можно сделать следующий вывод. Социологические службы играют очень важную роль в политической жизни нашей страны. Их исследования помогают определить уровень доверия к власти, спрогнозировать итоги предстоящих выборов, выявить основные проблемы в разных сферах общества, получить обратную связь от населения. В период предвыборных кампаний социологические службы становятся своеобразным мостом между избирателем и кандидатом. Методологию исследований нужно развивать и дальше, чтобы результаты были более объективными и достоверными.

Научный руководитель Р. Ю. Зуляр

Литература

1. Всероссийский центр изучения общественного мнения. Досье // ТАСС : офиц. сайт. 2017. URL: <https://tass.ru/info/4789839> (дата обращения: 21.10.2023).
2. ВЦИОМ : офиц. сайт. 2023. URL: <https://wciom.ru/> (дата обращения: 23.10.2023).
3. ГК ФОМ : офиц. сайт. 2023. URL: <https://fom-gk.ru/> (дата обращения: 20.10.2023).
4. Докторов Б. З. Б. А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 6. С. 8–21 // Cyberleninka : сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/b-a-grushin-chetyre-desyatiletija-izuchenija-rossijskogo-obschestvennogo-mneniya> (дата обращения: 20.10.2023).
5. Институт социологии ФНИСЦ РАН : офиц. сайт. 2023. URL: <https://www.isras.ru/> (дата обращения: 21.10.2023).
6. Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН : офиц. сайт. 2023. URL: <https://xn--h1aauh.xn--p1ai/> (дата обращения: 20.10.2023).
7. История Института // Институт социологии ФНИСЦ РАН : офиц. сайт. 2010. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2523 (дата обращения: 20.10.2023).
8. Левада Ю. А. Десять лет работы Всероссийского центра изучения общественного // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 221–227.

Р. Ю. Мурашов

Иркутский государственный университет

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ РОССИИ:
ВЛИЯНИЕ НА МОДЕРНИЗАЦИЮ ТРАНСПОРТНОЙ
ИНФРАСТРУКТУРЫ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
ОКРУГА (2019–2023 гг.)**

Транспортные коммуникации обеспечивают связь и неразрывность пространства. Этот тезис становится очень значимым в условиях обширных территорий России и, в частности, Сибири. Развитие коммуникаций всегда имело основополагающее значение для контроля над пространством, укрепления связи между регионами, способствовало усилению экономических и торговых отношений, быстрой переброске ресурсов в различных направлениях [6, с. 164]. Поэтому стратегическое планирование развития транспортных коммуникаций занимает особое место в государственной политике и управлении.

В Российской империи подход к освоению Сибири изначально предполагал использование водных путей. Речные маршруты были основными и эффективными путями освоения и колонизации обширных сибирских территорий [1, с. 114]. Однако так продолжалось недолго, до середины XVIII в., когда начали строиться суходутные маршруты, так появились Московско-Сибирский тракт и Транссибирская магистраль. Именно выстроенная транспортная коммуникация стала определяющим фактором развития южных территорий Сибири, в частности городов, таких как Омск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск и Чита.

Советскую эпоху развития транспортной инфраструктуры можно назвать периодом интенсивной модернизации. Коммуникации стали настоящим стратегическим ресурсом, позволяющим перебрасывать производственные мощности в Сибирь во время Второй мировой войны, а также контролировать Дальний Восток. Последнее, в свою очередь, стало причиной строительства БАМа в условиях угрозы японской оккупации Манчжурии [7, с. 147]. Это также является примером поиска новых путей для связи различных регионов, в том числе с соседними государствами. Любопытной является попытка развивать северные территории Сибири, в основном в ресурсодобывающих районах. Примером может послужить проект трансполярной магистрали.

Современный российский подход к пространственному развитию Сибири еще до конца не сформирован. Тем не менее существуют различные программы, определяющие векторы развития региона в основном инфраструктурного характера. Существенная доля финансирования многих инфраструктурных проектов проходит по линии национальных проектов России, принятых в 2018 г. Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры, можно назвать ключевым проектом направления «Экономический рост», так как он определяет развитие других программ [5]. К тому же основными целями работы заявляются: увеличение качества транспортной инфраструктуры, ежегодный прирост пропускной способности товарооборота и пассажиропотока [3]. План является комплексным, потому что затрагивает все виды транспортной коммуникации: железные и автомобильные магистрали, воздушные пути сообщения, морские и внутренние водные пути.

В соответствии с федеральным проектом «Морские порты», в Сибири должна быть реализована реконструкция порта Диксон в Красноярском крае [3]. Этот порт должен стать пунктом обеспечения северного морского пути, что является стратегической инициативой российского государства по созданию коммуникационной альтернативы существующим транспортным коммуникациям между Западом и Востоком. Однако финансирование, согласно проекту, переложено на внебюджетные источники. Надежды основаны на добывающих компаниях, работающих с угольным терминалом «Чайка» и нефтяным терминалом «Таналау». Компании, в свою очередь, решают проблемы с обеспечением своих запросов, поэтому перспективы реализовать проект до 2024 г. отсутствуют.

Реализация федерального проекта «Железнодорожный транспорт и транзит» предполагает модернизацию магистралей, электрификацию и увеличение количества путей на существующем маршруте [3]. БАМ на значительном протяжении остается однопутным, это существенно ограничивает пропускную способность товарооборота. Введение в эксплуатацию 209 объектов в 2021 г. еще 32 объектов в 2022 г. позволили увеличить суммарную пропускную способность Транссибирской магистрали и БАМа до 158 млн т, при базовом значении 123 млн т в 2018 г. К 2024 г. планируется увеличение до 182 млн т [3]. Необходимо учитывать, что железнодорожные магистрали – это основной сухопутный канал грузоперевозок, на него приходится 83 % всего оборота страны [6, с. 202]. Поэтому в условиях, когда Китай работает над проектом «Один пояс, один путь», Транссибирская магистраль должна иметь

достаточную пропускную способность. Это также можно назвать экономико-стратегической инициативой российского государства.

В сибирских регионах под федеральный проект «Развитие региональных аэропортов и маршрутов» попадает пять объектов разных уровней. В некоторых случаях аэропорт имеет особую значимость в транспортной связи с внешним миром. Например, международный аэропорт «Алыкель» г. Норильск (Красноярский край) и региональный аэропорт г. Бодайбо (Иркутская область). В условиях отсутствия доступа к железнодорожной магистрали, воздушное сообщение становится единственным возможным, помимо автомобильных дорог. Также реконструкции подлежат аэропорты федерального значения «Богашево» (г. Томск) и г. Братск (Иркутская область) и аэропорт международного уровня «Толмачево» (г. Новосибирск) [3].

Стягивание пространства во многом обеспечивают автомобильные дороги на магистральных направлениях. Благодаря мобильности людей, ресурсов и услуг уплотняется российское пространство, что благоприятно сказывается на взаимодействии регионов и их экономическом развитии. В рамках Федерального проекта «Коммуникации между центрами экономического роста» осуществляется строительство и реконструкция автомобильных дорог федерального значения. Важным проектом было строительство самого северного моста через р. Енисей между Высокогорским и Лесосибирском в Красноярском крае. Мост, введенный в эксплуатацию 31 августа 2023 г., обеспечивает перманентную коммуникацию вне зависимости от времени года, как это было раньше.

Осуществляется строительство автодорожных обходов крупных городов на автомобильных дорогах федерального значения, в том числе по национальному проекту «Безопасные и качественные дороги». В регионах Сибирского федерального округа, на данный момент строится 12 объектов, из которых четыре – это обходные трассы общей протяженностью 116 км [2]. Среди них обезд городов Новосибирск, Канск и Усолье-Сибирское. Строительство обходных маршрутов крупных городов – также является фактором стягивания пространства из-за укорачивания времени трансфера ресурсов и людей между экономическими центрами.

Национальные проекты России имеют значительный вес в модернизации транспортной инфраструктуры страны, в особенности с финансовой точки зрения. У развивающихся регионов зачастую отсутствуют ресурсы, чтобы финансировать большие инфраструктурные проекты. Если сравнивать доли федеральных денег в

консолидированных бюджетах регионов на развитие федеральной магистральной сети, выясняется, что большинство регионов зависят от федерального бюджета. Наиболее независимым в этом плане субъектом является Красноярский край: при 1,21 млрд руб. поступлений из федерального бюджета, консолидированный бюджет региона составляет 7,19 млрд руб. В остальных регионах процент зависимости от федеральных субсидий составляет от 50 % и выше [2].

Пространственное развитие регионов Сибири во многом определяется стратегическими интересами развития экономического пространства России. Развитие инфраструктуры региона непосредственно влияет на формирование рыночного потенциала территории [4, с. 32]. Определение приоритетных инфраструктурных проектов в стратегических программах ведет к финансированию со стороны федерального центра и реализации различных инициатив в регионах. Путь к стягиванию и уплотнению российского пространства за счет развития транспортных коммуникаций является единственно верным. Поэтому в России необходимо грамотное стратегическое планирование, нацеленное на устранение множества транспортных ограничений, для успешного социально-экономического развития региона.

Научный руководитель М. Л. Рыбалко

Литература

1. Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI–XVII вв. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. 193 с.
2. Безопасные и качественные дороги. Субъекты Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://bkdrf.ru/Map> (дата обращения: 16.09.2023).
3. Комплексный план модернизации и расширения транспортной инфраструктуры : офиц. сайт. URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/modernizatsiya-transportnoy-infrastruktury> (дата обращения: 6.10.2023).
4. Максимов А. Б. Транспортная инфраструктура регионов // Известия Байкальского государственного университета. 2007. № 1 (51). С. 30–33.
5. Митрофанова И. В., Юрченко К. Г. Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры как механизм реализации стратегии пространственного развития РФ // Россия: тенденции и перспективы развития. 2022. № 17 (2). С. 132–138.
6. Шалак А. В. Политическое измерение коммуникационных основ экономического развития // Историко-экономические исследования. 2012. Т. 13, № 1. С. 163–174.
7. Шалак А. В. Роль транспортных коммуникаций в обеспечении политико-экономической безопасности: невыученные уроки истории // Историко-экономические исследования. 2021. Т. 22, № 1. С. 142–162.

Ю. В. Ситникова

Иркутский государственный университет

**НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С СОХРАНЕНИЕМ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

В условиях политики Запада, направленной на «отмену» России, исключение нашей страны из мирового исторического процесса, искажение и переписывание истории Второй мировой войны, большое значение приобретает государственная политика по сохранению исторической памяти. Политика памяти необходима для формирования гражданской идентичности россиян, осознания ими принадлежности к своему государству, ответственности за судьбу страны, приверженности базовым ценностям российского общества.

О важности государственной политики по сохранению исторической памяти свидетельствует внимание к ней со стороны исследователей – представителей гуманитарно-социальных наук – историков, политологов, социологов, философов, культурологов. За последнее время появилось большое количество публикаций, защищенных диссертаций по различным аспектам этой проблемы.

Великая Отечественная война и подвиг советских солдат стали одними из ключевых событий в истории нашего государства. Это не случайно и обусловлено тем, что события Великой Отечественной войны отразились на каждой семье, а историческую память лучше всего формируют события, оказавшие влияние на всю нацию. Значимость этого события определяется и тем, что из всех ключевых в истории России событий, Великая Отечественная война является самым близким к современности, поэтому и самым сильным воспоминанием – память о подвиге воинов в ходе Великой Отечественной войны не только «пережила» кризис 1990-х гг., но и стала одним из важных направлений государственной политики.

Формирование государственной политики в той или иной сфере начинается с разработки нормативно-правовой базы для её реализации. Политика памяти в России развивается практически с начала 1990-х гг., а последние годы внимание со стороны государства к памяти о Великой Отечественной войне только возросло. Тем не менее это направление еще недостаточно разработано, чтобы его можно было считать оформленной и устойчивой системой. В то же время возрастающий интерес к вопросам сохранения

памяти как со стороны государства, так и со стороны общества позволяет предположить, что данное направление в будущем имеет возможность стать одной из значимых подфункций патриотического воспитания.

Для изучения нормативно-правовой основы проведения государственной политики сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне были рассмотрены федеральные законы, Конституция РФ, государственные проекты и программы.

В 1990-е гг. появился ряд важных Федеральных законов: «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» (№ ФЗ-4292-1 от 14.01.1993) [6], «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (№ ФЗ-80 от 19.05.1995) [7], «О днях воинской славы и памятных датах России» (№ ФЗ-32 от 03.03.1995) [4]. Это говорит о том, что осознание такого направления государственной политики как сохранение исторической памяти, причем именно о Великой Отечественной войне, понималось как значимое, а сама Победа в войне и подвиг советского народа расценивались как одни из ключевых событий в истории. Даты появления законов позволяют судить о том, что законодатели понимали роль памяти о Великой Отечественной войне в консолидации российского общества как важную. То, что увековечение памяти о Великой Победе было удостоено отдельного федерального закона, окончательно закрепило ее как основную составляющую, участвующую в формировании гражданской идентичности. Это значит, что многие другие нормы, связанные с вопросами исторической памяти, скорее всего, будут направлены на память именно об этом событии, так как оно неоценимо важно для нашего государства.

Важно, что отдельного закона было удостоено и Знамя Победы: № 68-ФЗ от 7 мая 2007 г. определяет его статус [5]. Из закона мы можем узнать, что Знаменем Победы является штурмовой флаг, именно тот, который был водружен над Рейхстагом. В законе указаны нормы хранения и ухода за знаменем. Отдельный закон о знамени Победы делает его одним из символов российского государства, российской идентичности, и снова этот символ связан именно с памятью о Великой Отечественной войне.

Стоит отметить № 5-ФЗ от 12.01.1995 «О ветеранах», в котором несколько статей посвящены ветеранам Великой Отечественной войны [3]. В этих статьях содержатся положения о том, кого именно законодатель считает ветеранами и инвалидами Великой Отечественной войны, а также некоторые социальные гарантии для них, защита прав ветеранов действительно является важным де-

лом в развитии политики памяти и осуществлении патриотического воспитания молодежи.

Говоря об ответственности за противоправные действия против ветеранов и памяти о Великой Отечественной войне, следует отметить статью 354.1 Уголовного кодекса [2]. Эта статья – «Реабилитация нацизма», устанавливает наказание за публичное распространение ложной информации о ветеранах и деятельности СССР в годы Великой Отечественной войны. За такие действия грозит наказание вплоть до лишения свободы сроком до трех лет. Такое наказание можно получить и за оскорбление памяти защитника Отечества. Эти положения ввели в данную статью в 2021 г. – сравнительно недавно. Мы полагаем, что введение этой нормы было необходимым в России. Однако несмотря на появление этих положений в законе, все же требуется конкретизация норм. Это необходимо для более точного понимания наказаний и преступлений в отношении памяти о Великой Отечественной войне.

Все вышеперечисленные законы обеспечивают реализацию политики сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне, однако главным гарантом того, что государство обязуется содействовать развитию данного направления, является Конституция. В статье 67.1 говорится о том, что РФ чтит память о защитниках Отечества и считает, что умаление подвига народа при защите Отечества недопустимо. В этой же статье говорится о том, что РФ – это правопреемница СССР, что свидетельствует о том, она готова обеспечивать сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне и включать ее в систему элементов, формирующих уже российскую гражданскую идентичность [1].

Сохранение памяти о Победе в Великой Отечественной войне получило самое широкое распространение относительно иных направлений политики памяти. Существует большое количество акций, движений, конкурсов и т. д. Среди них: «Бессмертный полк», акция «Свеча памяти», «Диктант Победы» и конкурс сочинений «Без срока давности», акция «Рисуем Победу–2023» и т. д. Все эти мероприятия нужны не только для того, чтобы помнить славный подвиг, но и для того, чтобы осознавать свою гражданственность сейчас.

Ратный подвиг советских солдат действительно стал ключевым моментом нашей общей памяти, он заслуживает всех акций и мероприятий, проводимых в его честь, а дальнейшее развитие правовой базы для его сохранения необходимо, чтобы пронести память о Великой Победе через поколения.

Переходя к выводам, хотелось бы отметить, что отчетливо видно увеличение внимания к проблеме памяти о Великой Отечественной войне и подвигах воинов со стороны государства. В то же время, этой системе все еще не хватает устойчивости и конкретизации многих спорных моментов. Однако, на наш взгляд, работа в этом направлении будет активно вестись в течение ближайших лет, так как это обусловлено и внутренней, и внешнеполитической обстановкой в государстве и в мире. Это направление государственной политики, безусловно, можно назвать одним из важнейших, а для идентичности россиян – одним из ключевых, поэтому дальнейшее развитие его правовой базы необходимо.

Научный руководитель Г. В. Логунова

Литература

1. Конституция Российской Федерации : с изм., одобр. общерос. голосованием 1 июля 2020 г. М. : АСТ, К, 2020. 62 [1] с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 24 мая 1996. М. : Норматика, 2022. 240 с.
3. О ветеранах : федер. закон № 5-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5490/ (дата обращения: 13.10.2023).
4. О днях воинской славы и памятных датах России : федер. закон № 32-ФЗ // Гарант : справочная правовая система. URL: <https://base.garant.ru/1518352/> (дата обращения: 07.10.2023).
5. О Знамени Победы : федер. закон № 68-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_68106/ (дата обращения: 14.10.2023).
6. Об увековечении памяти погибших при защите Отечества : федер. закон № 4292-1-ФЗ // Гарант : справочно-правовая система. URL: <https://goo.su/eMS5z9> (дата обращения: 26.09.2023).
7. Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941–1945 годов : федер. закон № 80-ФЗ // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7872> (дата обращения: 26.09.2023).

Л. А. Тарабрина

Воронежский государственный университет

**ИТОГИ ВЫБОРОВ ГЛАВ СУБЪЕКТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2023 г.:
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ**

Главы регионов в России выступают в качестве важнейшего звена управленческих процессов. Губернатор – выборная должность, а значит, глава региона может находиться на посту ограниченное количество времени. Он обладает большим спектром полномочий, поэтому наиболее важным остается вопрос о том, кто именно будет занимать эту должность. С 8 по 10 сентября 2023 г. прошли выборы высших должностных лиц (ВДЛ) регионов в 21 субъекте Российской Федерации. Основные выводы и тенденции будут рассмотрены ниже.

В исследовании были использованы следующие эмпирические методы: статистическая обработка данных, контент-анализ, а также совокупность общелогических методов (анализ, синтез, абстрагирование, обобщение, индукция, дедукция и др.). На основе собранных данных [2; 3] была составлена общая таблица, где были определены ключевые показатели для анализа.

Рассмотрим каждый показатель подробнее. Первый из них – количество кандидатов. Средний показатель – 4-5 кандидатов. В целом это означает, что на выборах присутствовала конкуренция, у граждан был достаточный выбор. Второй показатель – партийность кандидатов (рис. 1). В большинстве избирательных кампаний была представлена ЛДПР, на один пункт отстают партии «Единая Россия» и КПРФ. Остальные партии участвовали с меньшим охватом. Можно сделать вывод, что в стране сформирована многопартийная система, в каждом регионе были кандидаты от нескольких партий.

Третий показатель – результат победителя. Среднее значение – 78,2 %. Процент достаточно высокий, что говорит о достаточно уровне легитимности избранных кандидатов. Самый высокий процент у избранного губернатора Смоленской области В. Анохина (86,6 %). Он впервые был избран на должность главы региона, но до этого политик уже работал в области, а в Правительстве РФ руководил департаментом регионального развития.

Таблица 1

Ключевые показатели для анализа губернаторских выборов в 2023 г.

Субъект РФ	Кол-во кандидатов	Партийность кандидатов	Результат победителя	Возраст победителя	Партия	Переизбрание
Алтайский кр.	4	ЕР, СРЗП, ЛДПР, КПКР	76,16	52	ЕР	да
Амурская обл.	5	ЕР, КПРФ, СРЗП, КПКР, НЛ	82,38	48	ЕР	да
Воронежская обл.	5	ЕР, КПРФ, ЛДПР, СРЗП, Родина	76,83	60	ЕР	да
Ивановская обл.	5	ЕР, КПРФ, ЛДПР, СРЗП, КПКР	82,49	47	ЕР	да
Кемеровская обл.	4	ЕР, КПРФ, ЛДПР, СРЗП	85,23	62	ЕР	да
Красноярский кр.	5	ЕР, КПРФ, ЛДПР, СРЗП, Зеленые	70,21	46	ЕР	нет
Магаданская обл.	4	ЕР, КПРФ, ЛДПР, СРЗП	72,39	62	ЕР	да
Москва	5	ЕР, КПРФ, ЛДПР, СРЗП, НЛ	76,39	65	ЕР	да
Московская обл.	4	ЕР, КПРФ, ЛДПР, СРЗП	83,67	53	ЕР	да
Нижегородская обл.	5	ЕР КПРФ, ЛДПР, РППСС, Гр. сила	82,82	46	ЕР	да
Новосибирская обл.	4	ЕР, КПРФ, ЛДПР, СРЗП	75,72	52	ЕР	да
Омская обл.	4	ЕР, КПРФ, ЛДПР, КПКР	76,33	37	ЕР	нет
Орловская обл.	3	КПРФ, ЛДПР, НЛ	82,09	44	КПРФ	да
Приморский кр.	5	ЕР, ЛДПР, КПКР, СРЗП, Казачья партия	72,78	61	ЕР	да
Псковская обл.	4	ЕР, КПРФ, ЛДПР, Партия Роста	86,3	48	ЕР	да
Респ. Саха (Якутия)	4	ЕР, КПРФ, ЛДПР, КПКР	75,77	51	ЕР	да
Респ. Хакасия	3	КПРФ, ЛДПР, КПКР	63,14	36	КПРФ	да
Самарская обл.	5	ЕР, КПРФ, ЛДПР, СРЗП, НЛ	83,82	53	ЕР	да
Смоленская обл.	4	ЕР, КПРФ, ЛДПР, КПКР	86,64	40	ЕР	нет
Тюменская обл.	4	ЕР, КПРФ, ЛДПР, СРЗП	78,77	49	ЕР	да
Чукотский АО	4	ЕР, КПРФ, ЛДПР, СРЗП	72,34	54	ЕР	нет

Рис. 1. Партийность кандидатов

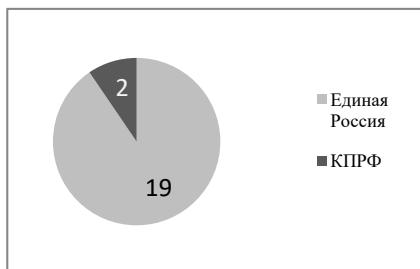

Рис. 2. Партийность победителей

Самый низкий показатель у главы Республики Хакасия В. Коновалова – 63,1 % (КПРФ). Результат можно объяснить тем, что в республике достаточно часто возникают предвыборные конфликты, мнение населения неустойчиво. И в этот раз до начала выборов кандидат от «Единой России» снял свою кандидатуру. Среди оставшихся трех кандидатов граждане предпочли переизбрать ставленника КПРФ. Эти выборы были самыми непредсказуемыми из всех исследуемых.

Четвертый показатель – возраст победителей. Средний возраст – 51 год. Это оптимальный возраст для вступления в должность, так как претендент с высокой долей вероятности уже находился на государственной должности.

Пятый показатель – партийность победителя (рис. 2). Практически все победители – представители партии «Единая Россия». В тех регионах, где победу одержали представители КПРФ, кандидатов от «Единой России» не было на самих выборах вообще. Это может свидетельствовать о внутриэлитных договоренностях и о том, что КПРФ по-прежнему остается второй по влиятельности партией в России. Заключительный показатель – переизбрание / новая должность (рис. 3).

Можно заметить, что большинство губернаторов переизбрались снова, но четыре политика впервые вступили в должность ВДЛ субъектов РФ. Это свидетельствует, прежде всего, о сменяемости власти в регионах – ротации элит.

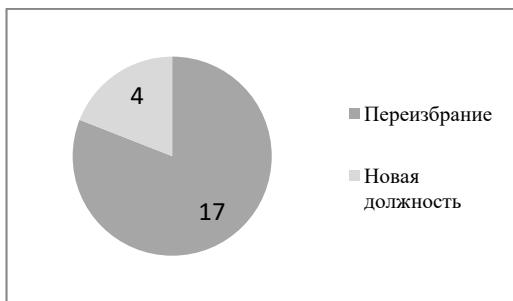

Рис. 3. Показатель «переизбрание / новая должность»

Для того чтобы оценить, оказывало ли качество работы губернаторов в течение предыдущего срока влияние на результаты выборов, можно рассмотреть рейтинг «Госсовет 2.0», подготовленный компанией «Минченко консалтинг» [1]. Исследователи выделяют несколько положительных и несколько отрицательных показателей, в большей степени, по их мнению, характеризующих работу губернаторов. По итогам рейтинга каждому главе региона выставляется определенное количество баллов. Интересно сравнение баллов губернатора, выставленных в феврале 2023 г., с учетом его переизбрания или не переизбрания по итогам кампаний. По результатам анализа можно отметить несколько аномальных явлений. Несмотря на самый низкий балл рейтинга, глава Республики Хакасия все-таки удержался на своем посту, что еще раз доказывает «уникальность» данных выборов. Губернаторы, которым не удалось остаться на должности, не сильно отставали от других глав регионов (разница – 1 балл), но, тем не менее, оставили свои посты. Губернаторы Орловской, Новосибирской, Воронежской областей, а также Приморского и Алтайского краев имели относительно низкие баллы – 11, но им все же удалось переизбраться. Это может выступать в качестве некоторого предостережения для дальнейшей их деятельности на губернаторском посту.

Таким образом, можно отметить, что выборы глав субъектов Российской Федерации в 2023 г. на фоне консолидации общества в условиях специальной военной операции продемонстрировали достаточно высокий уровень легитимности власти. В большинстве случаев были переизбраны действующие главы регионов (17 из 21), в четырех случаях поддержку на выборах получили врио ВДЛ, ранее назначенные Президентом РФ. Можно наблюдать

тенденцию по повышению представительства партии «Единая Россия» среди губернаторского корпуса при сохранении позиций КПРФ в двух регионах (Орловская область, Республика Хакасия).

Научный руководитель А. А. Романовский

Литература

1. Рейтинг устойчивости «Госсовет 2.0» // Коммуникационный холдинг «Минченко Консалтинг» : офиц. сайт. URL: https://minchenko.ru/analitika/analitika_98.html (дата обращения: 30.09.2023).
2. Конституции и Уставы субъектов Российской Федерации // Интернет-портал «Конституция РФ» : сайт. URL: <https://constitution.garant.ru/region/> (дата обращения: 06.09.2023).
3. Сведения о проводящихся выборах и референдумах // Центральная избирательная комиссия РФ : офиц. сайт. URL: <http://vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom> (дата обращения: 18.09.2023).

СЕКЦИЯ

**ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ,
ТЕОЛОГИЯ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Д. С. Альшевская

Иркутский государственный университет

**«ОГОНЬ ДЕРЗНОВЕНИЯ» КАК КУЛЬТУРНЫЙ СИМВОЛ
СВОБОДЫ И ТВОРЧЕСТВА**

Огонь сыграл важную роль не только в выживании человека, но и в развитии культуры, поскольку все народы приписывали этому явлению свойства чего-то мистического, сакрального, фундаментального. В статье в культурно-хронологическом порядке огонь будет рассмотрен как отраженная в символах и образах творящая и творческая сила, освещавшая путь человека с VIII в. до нашей эры – со времени написания Гесиодом его «Теогонии» и первого известного нам упоминания Прометея – до середины XX в., когда Н. А. Бердяев определил истинную жизнь как творческий огонь [1, с. 130].

Для начала обратимся к мифу о Промете: могучий титан вопреки воле Зевса похитил из кузницы Гефеста огонь и принес его людям. Именно Прометей дал людям знания, научил их счету, чтению и письму; показал, как добывать и обрабатывать металлы; сделал быка и коня послушными человеку; построил первый корабль и открыл силу лекарств [6, с. 91]. Он не только преподнес человеку ценный дар, который должен был помочь ему в жизненной борьбе, но и научил его пользоваться обретенным даром, чем

прогневал Зевса, желавшего истребить человеческий род. Прометей сформировал человека сознательным существом: в образе огня скрывается не возможность слепого существования, а потенциал разумной человеческой жизни. Пламя, дарованное Прометеем, должно было научить людей, еще не обладавших разумом, всяческим искусствам [7, с. 264], зажечь в них надежду и стремление к качественному изменению. Говоря иначе, человеку с даром огня открылась возможность становления. Одним из представителей концепции становления был Гераклит: непрерывный переход из одного состояния в другое и извечная борьба двух противоположностей, по его представлению, характеризовали мировой процесс. Первоначалом выступал огонь, из которого путем сгущения и разрежения происходит все сущее; огонь был источником жизни, и бог состоял из огня [5, с. 92–95] – самого подвижного и изменчивого явления.

Таким образом, небесный огонь, похищенный Прометеем – символ изменения, символ созидающей, осознаваемой и полезной человеческой жизни. Осмысление феномена огня продолжается в христианском мировоззрении. Рассмотрим образ огня как символ божественной благодати, освобождающей человека из плена греха для новой жизни в вере, который раскрывается в библейском сюжете о схождении Святого Духа на апостолов на 50-й день после Пасхи.

В Пятидесятницу, согласно книге Деяний, Святой Дух сошел на апостолов в виде огненных языков: καὶ ὄφθησαν αὐτοῖς διαμεριζόμενα ύλῶσαν φοεὶ **πυρός** ἐκάθιοεν τε ἐφ' ἔνα ἔκαστον αὐτῶν – и явились им [апостолам] разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них [4, с. 1266; 8, с. 247]. Апостолы должны были не просто нести проповедь язычникам, но менять их видение мира, трансформировать сам мир в их глазах. Прометей дал огонь людям, и те передали его друг другу; апостолы, получив благодать Духа, разнесли ее по миру. Как прометеевский огонь мы не воспринимаем буквально, так и под «благодатью Духа» следует понимать некоторые возможности переосмыслиния мира, выход на новый уровень жизни. Апостол Павел в 1-м послании к коринфянам говорит об этих изменениях: одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания тем же Духом [4, с. 1379] – так определяется духовная способность к тому или иному пути служения.

Особый взгляд на Дух наблюдается у Н. А. Бердяева. Объясняя речь апостола Павла о духовных дарах, обращенную к коринфянам, он утверждает, что в сопшедшем пламенем Святом Духе

соединены свобода и благодать, и что подобный союз лежит в основе творчества. Позиционируя себя философом обретения свободы в творчестве, Н. А. Бердяев выступает против богообязненности, основывая философию на идее дерзновенного прорыва за пределы этого мира к миру красоты [3, с. 293]. Дерзновенный прорыв возможен лишь путем творческой деятельности, которой ждет от человека Бог богочеловеческой религии [3, с. 194]. В восприятии Бердяева религия предполагает не пассивное проживание жизни, но активное участие в установлении мира. Бог сотворил мир за семь дней, но творение не было закончено, тайна творения еще не раскрыта, ее только предстоит открыть человеку, живущему в восьмой день творения. Это преодоление не есть противление Богу, напротив, творческий акт в его огненном движении должен был бы выходить из тяжести «мира» и быть «преодолением мира» [1, с. 119]. В творческом огне человека должно сгореть все временное. Таким образом, Бердяев говорит о том, что творчество не есть человеческое право, оно является обязанностью человека, оно есть обращенность к преображению мира, к новому небу и новой земле, которые должен уготовлять человек [2, с. 282].

Н. А. Бердяев устанавливает высшей религиозной добродетелью дерзновение перед Господом. Он пишет о двух путях служения человека: первый – аскетический – предполагает повиновение человека Богу и исполнение Его воли, отречение от себя и приспособление к миру. На этом пути человек получает огонь, но еще не умеет им пользоваться, он лишь смотрит, как горит пламя и восхищается светом. Второй – путь дерзновения. Человек принимает Божественный дар, начинает им пользоваться и становится со-творцом, трансформирует мир. Здесь он не исполняет волю Бога как чужую; воля Творца становится и волей человека. Встав на этот путь, человек не является только свидетелем Света, он получает возможность свидетельствовать о Свете – *μαρτυρίον περὶ τοῦ φωτός* [4, с. 1225; 8, с. 187], а, значит, свидетельствовать об огне. Здесь важно заметить, что в трагедии Эсхила, написанной в V в. до н. э., огонь, принесенный Прометеем, обозначен как «πῦρ»; той же лексемой обозначены и языки пламени, сожедшие на апостолов. В переводе Иоанниса Грипариса на современный греческий «πῦρ» не сохраняется, а заменяется синонимичным «φωτιά», производным от «φως», что означает «свет».

Огонь или свет – важнейшие культурные феномены, встречающиеся во всех картинах мира, типах мировоззрения, религиях и легендах. Смыслы, заключенные в пламени, могут быть истолко-

ваны по-разному. Античный человек с мифологическим мировоззрением искал объяснение возникновения мира и способ связать себя с процессом его рождения; ранние христиане пытались изложить через образ огня действие Духа на человека и Божественный гнев; представители религиозного экзистенциализма видели в пламени соединение свободы и благодати – возможность человека явить себя образом и подобием Бога. Мировой огонь переставал быть только трансцендентным. Мир, сотворенный огнем или из огня, должен был быть враждебным человеку, но акт передачи божественной искры приобщает человека к таинству творения, к таинству самой жизни. Огонь, полученный человеком – не средство противостояния враждебному миру, он есть стремление к Миру.

Научный руководитель В. С. Кузнецова

Литература

1. Бердяев Н. А. О назначении человека. М. : Терра-книжный клуб, 1998. 384 с.
2. Бердяев Н. А. Самопознание. М. : АСТ, 2022. 480 с.
3. Бердяев Н. А. Смысл творчества. М. : АСТ, 2018. 416 с.
4. Библия. Книги Священного писания ветхого и нового завета. Чикаго : Славян. евангельское о-во, 1990. 1500 с.
5. Гераклит Эфесский : Все наследие на языках оригинала и в русском переводе / пер. С. Н. Муравьева. М. : Ад Маргинем Пресс, 2012. 416 с.
6. Кун Н. С. Легенды и мифы Древней Греции. М. : Альфа-книга, 2013. 506 с.
7. Эсхил. Трагедии / пер. В. Иванова. М. : Наука, 1986. 608 с.
8. The New Testament in the original Greek / revised by B. F. Westcott, F. J. A. Hort. New York : Harper&Brother, 1881. 676 p.

С. Д. Мелисс

Иркутский государственный университет

ПСИХОАНАЛИЗ ПРОТИВ ФИЛОСОФИИ: КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ ПРАВО ГОВОРИТЬ О СЕКСЕ?

Мишель Фуко в 70-х гг. XX в. читал в Коллеж де Франс курс лекций «Воля к истине» [3]. Идея курса лежит в основу первого тома «Истории сексуальности», озаглавленного как «Воля к знанию». В этой работе Фуко впервые начинает рассматривать секс, сексуальность и историзирует эти явления, дает им политический окрас, связывая с властью, что на тот момент было достаточно революционно.

Поговорим о том, что он все-таки хотел сказать о сексе. М. Фуко пишет: «Сказать, что секс не является подавленным или, скорее, сказать, что отношение между сексом и властью не является отношением подавления, сказать так – значит рисковать выскажать всего лишь стерильный парадокс» [3, с. 105]. Исходя из этого с уверенностью можно сказать, что Фуко ставит секс в угнетенное положение со стороны политики, экономики и т. д., но с некоторыми уточнениями: что же случилось, что мы вдруг, невзирая на наше прошлое и настоящее, начали об этом рассуждать, будто мы сами не внесли дискурсы о сексе и сам секс в регистр подавления. На самом деле, главный вопрос: «Какими путями пришли мы к тому, чтобы чувствовать «вину» перед своим сексом?» [3, с. 106], и к чему, от себя добавлю, это привело? А также: какие цели на самом деле преследовала власть, когда происходило «выведение в дискурс секса» [3, с. 109].

Интересно именно то, что на этом моменте возникает парадокс, который ставит нас в тупик: казалось бы, мы определили, что секс и дискурсы о нем подавлены, но мы осознали эту вину, что не так? Проблема, к которой постепенно подводит нас Мишель Фуко, заключается в умышленном увеличении количества разговоров о сексе властью для дальнейшего контроля и для пассивного, но все же подавления: «настойчивость инстанций власти в том, чтобы слушать, как о нем говорят, и заставлять говорить его самого, явно все артикулируя и бесконечно накапливая детали» [3, с. 113]. Мысль, которая напрашивается в этом контексте, такова: а он вообще был подавлен, или это политическая уловка, явно желающая от нас откровений, которая с особой хитростью застает нас на наших же желаниях и фантазиях? Как если бы разговоров о подавлении секса было явно больше, чем самого подавления. Философ указывает на то, как такого рода явления вообще создали секс, сексуальность и возжелали ими повелевать. Отсюда сексуальность конституируется не сама по себе, но при помощи истории, власти, дискурса и самого субъекта.

В силу того, что Мишель Фуко был связан с психоаналитической теорией, но не рассматривал именно секс внутри этой области знания, хотелось бы провести эту связь. Речь пойдет о связи секса и психоанализа или, если угодно, секса и бессознательного. В этой связи мы будем исследовать взгляд на данную проблему словенского философа и специалиста по психоанализу Аленки Зупанчич, которая, основываясь на методе Жака Лакана, описала проблематику секса в ряде своих работ, в частности в монографии «Что есть секс?» [1], которую мы берем за основу.

А. Зупанчич уверена, что секс непосредственно связан с бессознательным, бессознательное само по себе сексуализировано изнутри. «Человеческая сексуальность – это та точка, в которой невозможность (онтологическая негативность), свойственная сексуальным отношениям, появляется как таковая, «регистрируется» в реальности как ее часть. Она регистрируется в особой форме, открытой Фрейдом: в форме бессознательного» [1, с. 41]. Иначе говоря, это бытийная особенность каждого человека, находящаяся непосредственно в нем, которая рождается, развивается и умирает вместе с субъектом. Говоря на языке Жака Лакана, сопряжение наслаждения и означающего, точнее, означающее отсутствует, а наслаждение встает на его место. Сексуальность как бы заполняет ту нехватку, которая присутствует в каждом человеке от рождения и в самом бытии; сексуальность естественна и не разворачивается с течением времени, она свойственна бессознательному не как его содержание, но как то, что непосредственно в нем присутствует, то, казалось бы, без чего бессознательного не было бы.

А. Зупанчич рассуждает о том, что о сексуальности нельзя говорить, ее будто не существует в нашем дискурсе, как только мы начинаем о ней говорить; она тут же напоминает о себе смущением или стеснением, как если бы мы говорили о том, о чем совсем не имеем понятия. Слова, заменяющие даже само слово секс – это бытийное проявление нехватки, которое откликается в нас судорогой из-за непонимания сексуальности как таковой. Мы не можем о ней говорить «как она есть». А. Зупанчич утверждает: «Иначе говоря: чем более мы пытаемся мыслить сексуальное как таковое (то есть чем больше мы пытаемся мыслить его только «как оно есть», без цензуры и без прикрас), тем быстрее мы оказываемся в стихии чистой и глубокой метафизики» [1, с. 259].

В этом смысле, как мы уже можем догадаться, А. Зупанчич вступает в конфронтацию со взглядами М. Фуко и даже комментирует это, заявляя, что последний буквально упустил самое важное в понимании сексуальности. Но что же? Тот факт, что сама сексуальность, по мнению Зупанчич, таким образом играет с нами; по вышеупомянутым причинам, маневр дискурса о сексе – есть сам секс, этот маневр, который мы проделываем сами с собой из-за онтологической нехватки, которая выражается в избыточном желании разнообразных разговоров о нашей сексуальности и в избыточном наслаждении от них. «Если я продолжаю настаивать на том, что меня интересует психоаналитический концепт сексуальности, а не просто сексуальность, то я делаю это из-за фундаментальной связи между сексуальностью и бессознательным, от-

крытой Фрейдом. Фуко, например, потрясающим образом упускает этот момент: его основной тезис состоит в том, что сексуальность исторична, что это нечто, что случается, или «изобретается» в определенный момент истории, что это не некий а-исторический феномен или бытие, которое можно рассматривать отдельно» [2]. А. Зупанчич ни в коем случае не отрицает этот тезис Фуко, но указывает на то, что природа сексуального не может рассматриваться вне контекста бессознательного, тогда в этом случае все, что было сказано им, должно вписываться в психоанализ, и все те социальные, культурные и политические причины, о которых говорит Мишель Фуко, не имеют такого отношения к сексу и сексуальности и уже изначально не могут служить определяющим фактором.

Точка зрения А. Зупанчич, как мы ее понимаем, заключается в следующем: козырь психоанализа в отношении секса в том, что только психоанализ принимает несводимость последнего к телесному наслаждению; сексуальность в пределе предполагает именно недостижимое избыточное удовольствие (*jouissance*), всегда нуждающееся при этом в нематериальной, означающей поддержке. Данный тезис, как нам кажется, отнюдь не противоречит концепции М. Фуко. Действительно, Фуко в своей теории сексуальности в самом деле не рассматривает в явном виде ситуацию понятийной неразрешимости секса как феномена. Он описывает дискурсивные практики, сообщающие сексу тот или иной режим видимости и легитимации. При этом важно иметь в виду два обстоятельства: во-первых, дискурс о сексе, пусть и имплицитно, но оказывает прямое влияние на реальность, а, следовательно, принимает в расчет бессознательное, на котором так настаивает словенская исследовательница; во-вторых, принципиальная открытость и не-завершенность дискурсов такого рода в структурном смысле соответствует недостижимому избыточному удовольствию (*jouissance*). При указанном сходстве обсуждаемых концепций их различия, безусловно, являются не менее важными как в теоретическом, так и в политическом смысле.

Научный руководитель А. Е. Смирнов

Литература

1. Зупанчич А. Что есть секс? СПб. : Скифия-принт, 2020. 262 с.
2. «Мир полон не-сказанного». Интервью с Алленкой Зупанчич по поводу ее книги *What Is Sex?* // Школа психоанализа Фрейда-Лакана : сайт. URL: <http://freud-lacan.spb.ru/lakanaliya/29-2018-rody/mir-polon-ne-skazannogo-intervyu-s-alenkoj-zupanchich-po-povodu-ee-knigi-what-is-sex> (дата обращения: 25.10.2023).
3. Фуко М. История сексуальности. В 4 т. Т. 1. Воля к знанию: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М. : Касталь, 1996. 448 с.

С. О. Тополев

*Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации*

ОБ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ ПРАВА: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС

Новейшие исследования в области философии и философии права формируют новые взгляды на современный правовой порядок. Интерсубъективный подход к пониманию закона существенно меняет прежний подход к пониманию как самого закона, так и властных предписаний, правовой культуры. Актуальность рассматриваемой темы определяется следующими вызовами правовому пространству России и зарубежных стран: развитием технологий в области ИИ, дематериализацией объектов права в цифровой среде, нестабильностью государственных суверенитетов. Формирование нового подхода к правотворчеству и правоприменению может позволить адаптироваться к правовым и этическим вызовам нашего времени.

Как отмечает И. Л. Честнов, переход от классической философии права к неклассической напрямую связан с понятием интерсубъективности. Данный исследователь определяет интерсубъективность как объективность, которая конструируется людьми, их сложившимися социальными представлениями; она обусловлена историческим и социокультурным контекстом [4, с. 38].

Интерсубъективный подход к пониманию закона напрямую противостоит признанной и главенствующей теории естественных прав. Согласно данному подходу, человек имеет ряд прав, присвоенных ему от рождения; они не подлежат оспариванию и изменению. Интерсубъективный же подход признает права и обязанности человека как социальные представления, что «обобщенный Другой» будет соблюдать определенные общественные конструкты [2, с. 268]. Согласно классическому гуманистическому подходу Ж.-Ж. Руссо, закон стоит выше людей и является собирательным явлением, объединяя в себе волю всех людей. Руссо, как самый яркий представитель концепции естественных прав в XVIII столетии, придерживался радикальных взглядов индивидуализма. Согласно его учению, суверенитет принадлежит не государству, а конкретному народу, а непосредственные носители этого суверенитета – граждане – должны определять свои действия только собственными желаниями и устремлениями.

Такой подход закономерен, в известной степени он является предпосылкой к становлению интерсубъективного подхода. Формирование правовой нормы или правового института представляет собой четко зафиксированный образ, некое идеальное поведение, обусловленное многократным повторением такого образа действий в прошлом. В связи с многократностью и массовостью повторения того или иного поведения со временем оно рассматривается как данность и находит свою фиксацию в законе.

Однако концепция естественных прав начала постепенно изменяться под влиянием новых философских исследований, в частности, научных разработок в области интерсубъективности права. Интерсубъективность представляет собой некое пограничное явление между объективностью и субъективностью, которая определяется коллективной верой в существование того или иного явления и ожиданием его реализации.

Наглядная иллюстрация интерсубъективности права была невольно создана еще в Средние века, когда в юриспруденцию было введено понятие юридического лица. Следующий мысленный эксперимент в отношении юридического лица позволит наглядно продемонстрировать интерсубъективную сущность рассматриваемого явления, а также всего права в целом.

Рассматриваемым субъектом будет юридическое лицо «N». О существовании данного юридического лица знает большое количество людей по всему миру. Однако если мы уничтожим все документы (уставы), свидетельствующие о существовании такой компании, то люди не забудут о «N», реальность для них не изменится. Если «N» потеряет весь штат генеральных директоров или несколько своих производств, то юридическое лицо продолжит свое существование. При этом нет никаких объективных данных о том, что «N» действительно существует, как было сказано, учредительные документы компании – это лишь свидетельство существования, но не сам факт. «N» – это юридическое лицо, которое нельзя объективно доказать через осязание, зрение или обоняние, оно оторвано от объективного мира. Однако многие люди во многих странах знают об «N» и пользуются их продукцией. Существование «N» может быть прекращено только в случае, если суд признает ликвидацию такого лица, однако о факте ликвидации должен быть осведомлен широкий круг лиц.

Само введение в правовое поле института юридического лица означает создание другой реальности, оторванной от субъективного и объективного восприятия. Как известно, под юридическим

лицом понимают субъект социальной реальности, способный быть участником гражданских правоотношений. Существование юридического лица обусловливается верой в его деятельность всеми участниками гражданского товарооборота [1, с. 28].

Согласно проведенному мысленному эксперименту и анализу научных положений гражданского права, можно сделать вывод, что социальную реальность, примененную правоведами в отношении института юридического лица, можно приравнять к интерсубъективности рассматриваемого института права.

Понятийная экспансия интерсубъективности может распространиться на все правовое пространство. Представляется, что, если юридическое лицо выступает явлением, закрепленным в законе, то остальные институты права и сама сущность права обусловливаются социальными представлениями о таковом. Право как социальный институт может существовать только в том случае, если совокупность правовых норм, предписаний и институтов претворяется в представлениях и практике конкретных субъектов. Такая реализация возможна посредством действий определенных должностных лиц, правовых механизмов, которые, в отличие от самих правовых норм, имеют материально выраженную форму. Например, за совершение убийства, ответственность за которое предусмотрено ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации [3], правонарушитель понесет наказание в виде лишения свободы. Материальная сторона такого наказания выражается, в том числе, в месте (исправительное учреждение), внешних атрибутах (одежда заключенного), изменении быта (подчинение режиму исправительного учреждения) и т. д.

По точному замечанию И. Л. Честнова, интерсубъективный подход обязывает к переосмыслению практических всех юридических категорий [5, с. 130]. Меняется подход к пониманию правовых институтов с формально-догматического на коммуникативно-практический. Это означает, что закрепленные в законе положения воспринимаются не как данность, а как предмет дискурса, основой которого становится диалог субъектов-носителей прав и обязанностей и практическая реализация таких положений.

Таким образом, интерсубъективный подход к пониманию права может быть применен в современных условиях. Многочисленные вызовы устоявшимся правовым нормам могут теперь рассматриваться не как догма, подлежащая непременному исполнению или подчинению, но как сложный процесс коммуникации по поводу типовой ситуации, массовая практика разрешения которой изме-

няется. Такой гибкий практический подход в случае подробного анализа интерсубъективных механизмов современной юриспруденции может обусловить становление принципиально новой практической юриспруденции, отличающейся адаптивностью и гибкостью к социальным запросам и правовым вызовам.

Научный руководитель А. Е. Смирнов

Литература

1. Гражданское право. В 4 т. Т. 1 : учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2019. 578 с.
2. Коллинз Р. Четыре социологических традиции. М. : Территория будущего, 2009. 318 с.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ [ред. от 04.08.2023] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Честнов И. Л. Интерсубъективность права // Теория и практика юридической науки. 2015. № 2. С. 38–45.
5. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб. : Алеф-пресс, 2012. 130 с.

А. В. Хабарова

Иркутский государственный университет

ОБ АБСОЛЮТНОСТИ И ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ ОСНОВАНИЙ МОРАЛИ

Из-за широкого исторического разнообразия культурно-исторических типов популярно мнение об относительности морали как таковой. У каждого народа свои нравы, традиции, представления о том, что есть зло, а что – добро. Следствием этого является наличие сомнения в единстве моральных законов. Зачем в таком случае нужны представления о добре и зле, если у каждого человека и народа они различаются?

Однако существует ли вообще универсальный этический закон? Для исследования разберем две противоречившие друг другу позиции. Сравним для этого идеи выдающихся мыслителей: отечественного философа Н. О. Лосского (и его ученика С. А. Левицкого) и современного французского философа М. Фуко.

Н. О. Лосский и С. А. Левицкий утверждали, что безусловный и абсолютный нравственный закон есть. Его наличие доказывается обычным голосом совести, который не заглушается простой мыслью об относительности морали. Получается антиномия:

совесть свидетельствует об абсолютности морали, в то время как исторический опыт говорит об ее относительности.

Так происходит, потому что вечная моральная основа искажается временем, воплощаясь в конкретные исторические формы, понятные только для того народа, в котором они возникли [1, с. 161]. Отсюда выходит, что одна и та же ценность может основываться на нескольких моральных императивах. Например, мы посоветуем быть более бережливым транжирам, но не посоветуем того же скрупульезного человеку. Из-за подобного моральных кодексов разных народов могут казаться разными, даже если в них имеется в виду одна и та же ценность. Нужно уметь различать выраженный моральный императив и ту ценность, которую он подразумевает.

Важно знать, что ценности иерархичны, и не все лица или народы дорошли до способности осознания этой иерархии, которая венчается абсолютной ценностью. С. А. Левицкий приводит пример: в некоторых индейских племенах самых высоких почетней был удостоен тот, кто собрал наибольшее количество скальпов убитых врагов. Здесь имеется в виду ценность доблести, силы. Но она отступает на задний план лишь перед более высокими ценностями: справедливости и любви к ближнему. На данном примере можно сказать, что индейское племя не дорошло до сознания высших ценностей.

Мораль может показаться относительной в случаях, когда искажение ценностей объясняется противоречием между волей и разумом. Любой моральный закон выражается в форме запрета. Всякий запрет вызывает иррациональное сопротивление подсознания как покушение на нашу свободу.

Имеет место субъективное искажение иерархии, отчего и появляются различные суждения о той или иной ценности, никак не доказывающее их относительность. Такое искажение можно отнести к двум типам: либо часть ценности принимается за нее саму, либо производная ценность принимается за основную. К тому же, распространены случаи, когда следствие ценности принимают за саму ценность, или, что встречается чаще, когда средства достижения цели принимаются за саму цель. Сосредотачивая внимание на средствах, можно легко позабыть о самой цели. Не стоит забывать и о случаях, когда человек намеренно игнорирует объективную иерархию ценностей. В таком случае он желает зла ради зла, осознанно служа отрицательным ценностям.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что дело сводится к свободе и злоупотреблению ею. Речь идет о том, что «воля

свободна онтологически, но не аксиологически» [1, с. 164]. Ценность не производна от субъективной оценки, она абсолютна. Человек не в силах сделать добро злом, а зло – добром. В силу этого человеческая воля не безответственна, она ограничена нормами добра. Нравственные нормы, безусловно, могут нарушаться, но они не перестают от этого быть нормами. Ценности не обладают принудительной силой по отношению к человеческой воле, но могут склонить или же призвать ее поступать согласно идеальной иерархии ценностей.

Каждый человек поступает в конечном счете согласно своей, субъективной иерархии. Его поступки можно будет понять только в том случае, если будет понята именно его личная иерархия. Это относится и к культурно-историческим типам: понять этические особенности определенной культуры можно только на основе коллективно-субъективно иерархии ценностей. Но при этом каждая культура и каждый человек подсознательно сообразуются всем своим существом с идеальной иерархией ценностей. Таким образом, есть три шкалы ценностей: объективная, сознательно-субъективная и подсознательно-субъективная. Последняя является определяющей для понимания данного человека или культуры. Но ее возможно понять только на основе объективной иерархии.

Следует рассмотреть и другую точку зрения. Французский философ Мишель Фуко отрицал существование универсального морального закона, но подчеркивал, что это ни в коем случае не должно пониматься так, будто человек должен отказаться от любых ориентиров, примеров для своих действий. Этика Фуко строится на понятии этоса, берущего свое начало еще в античности.

В то время античные практики основывались на обращении человека к себе и с собой, формировали себя; всегда должна была присутствовать честная мысль, без оговорок и обратной стороны. Устным выражением этого выступала так называемая свободная речь – некий акт бесстрашного высказывания в критической ситуации – в которой требовалось установить истину или совершить справедливый суд. Это было делом личной ответственности перед истиной и перед собой как тем, кто должен жить с ней в соответствии. Подобная этика не требовала существования универсального закона.

Моральный ethos Фуко представлял собой предельную установку, руководящую людьми в их поступках [3, с. 352]. Но она не основана на выборе, а заключается в постоянной критике, пересмотре границ и анализе. Властные отношения в культурном типе вырабатывают определенный режим, который и устанавливает

категории ложного и истинного, морального и аморального. Человек живет согласно существующему в данный момент моральному режиму, и его задача заключается в рефлексии своего положения в нем, самой системы в целом. Другими словами, люди должны критически рассматривать то, что думают, говорят и делают. Такая этическая практика должна быть применена посредством свободной речи и ясно видна другим, дабы стать примером для подражания и надолго оставаться в памяти.

Несмотря на то что существование универсального закона в одном учении возводится в абсолют, но подвергается искажению, а в другом полностью отрицается, безусловно отслеживается общая мысль относительно важности нравственных поступков, как для человека, так и для общества.

Научный руководитель А. Е. Смирнов

Литература

1. Левицкий С. А. Свобода и ответственность: «Основы органического мировоззрения» и статьи о солидаризме / сост., вступ. ст. и комм. В. В. Сапова. М. : Понс, 2003. 264 с.
2. Лосский Н. О. Учение о перевоплощении. Интуитивизм. М. : Прогресс, VIA, 1992. 208 с.
3. Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. С. Ч. Офертаса, под общ. ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. М. : Практис, 2002. 384 с.

СЕКЦИЯ

ВОПЛОЩЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: КУЛЬТУРОЛОГИЯ И МУЗЕОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Д. М. Кузнецова

Иркутский государственный университет

СПОСОБЫ МИНИМИЗАЦИИ РИСКОВ И ПРОБЛЕМ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СИСТЕМ БЕЗОПАСНОСТИ В МУЗЕЕ

Музейное пространство всегда являлось ключевым звеном в системе коммуникаций «музей – музейный работник – посетитель – окружающая среда». При формировании музейной выставки необходимо обеспечить полную безопасность предмета, сохраняя при этом доступ посетителя к нему. Обеспечение безопасности в музеях – задача комплексная, при решении которой необходимо учитывать множество факторов.

С развитием общества нуждается в модернизации и система безопасности; она требует применения современных технологий, совершенствования способов охраны. Объекты музейного фонда помимо духовной значимости обладают высокой материальной ценностью. Предметы, экспонируемые в выставочных залах, являются более уязвимыми, так как напрямую контактируют с посетителем. Российское законодательство и нормативные документы регламентируют любые действия с предметами музейных коллекций – от перемещений внутри музея, правил экспонирования, температурно-влажностного и светового режима до специальных правил и условий организации выставок за пределами мест постоянного хранения коллекций [1, с. 109].

Одними из наиболее распространенных и знакомых многим способов охраны экспозиционного пространства являются ограничительная лента, полоса, барьер с формированием сигнала тревоги на местном уровне. Данные ограничения направлены на предотвращение краж, а также для защиты предметы от механических повреждений. Указанный метод обеспечения безопасности используется с учетом допустимых норм безопасной дистанции между посетителем и предметом. В то же время данный метод не всегда успешно решает проблему безопасности экспозиционного пространства; так, например, 26 мая 2018 г. в одном из залов Третьяковской галереи житель Воронежа Игорь Подпорин разбил ограждающим столбиком защитное стекло работы И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван». Позднее пресс-служба галереи сообщила, что картина получило серьезные повреждения. По словам представителей музея, «в результате ударов толстое стекло, защищавшее работу от колебаний температурно-влажностного режима, было разбито. Картине нанесены серьезные повреждения. Холст прорван в трех местах в центральной части работы на фигуре царевича. От падения стекла сильно пострадала авторская художественная рама. По счастливой случайности самое ценное – изображения лиц и рук царя и царевича – не пострадали». В галерее также рассказали, что после окончания первичных следственных мероприятий картина была изъята из экспозиции и перенесена в реставрационную мастерскую [2]. Таким образом, применение ограничительных способов обеспечения безопасности применимо скорее при регулирования туристических потоков – для исключения скопления людей, давки, ажиотажа публики, несанкционированных формы проникновения на выставки, агрессивного поведения посетителей и т. д.

Одним из распространенных способов снижения рисков воздействия на экспонаты является использование камер видеонаблюдения. Применение метода видео-аналитики является одним из наиболее эффективных в области обеспечения музейной безопасности; основывается данный метод на ситуационной аналитике – за счет применения сигнальных линий и зон обеспечивается контроль за территорией. Анализ и дальнейшее выстраивание сценария ситуации позволяет не только обнаружить объект нарушения и проследить его движение, но и классифицировать поведение объекта на основе правил, заданных службой, обеспечивающей безопасность. Вариантов использования ситуационной аналитики множество, и выбор конкретного обуславливается конфигурацией залов, дизайном экспозиции, режимом ее посещения и

другими факторами [5]. Данный метод является современным; его сущность заключается в формировании сигнала тревоги при пересечении сигнальных зон и направлении его на пульт охраны, либо выведение сигнала непосредственно в залы.

Применение видеоаналитики предусматривает специальную, двухпороговую, блокировку. Двухпороговая блокировка – это защита предмета не только от изъятия, но и от приближения на критическую дистанцию. Такая мера охраны музейной экспозиции решает конфликт между потребностью раннего предупреждения музейного смотрителя и незлоумышленного посетителя о нарушении. Данный метод позволяет решить проблему в потребности выдачи достоверного сигнала в зале и на пост охраны в случае критически опасных событий. Ситуационная видеоаналитика, таким образом, представляет весьма эффективную меру против воровства и вандализма в музее – никто не приблизится к экспонату незамеченным [3].

При применении систем безопасности не должен пострадать как экспонат, так и само здание музея, в особенности, если оно само является памятником культурного наследия. Один из методов, удовлетворяющий данному требованию – это использование подвесных сигнализаций. При подвесном способе размещения произведение искусства подвешивается на несколько тросов, к которым устанавливаются антенны; вся конструкция закрепляется на подвесе. Система классифицирует зафиксированное событие по виду – изъятие (перемещение) охраняемого предмета, а также способу расположения чувствительных элементов – за счет механического контакта с охраняемым предметом. Данную систему отличает высокая чувствительность и помехоустойчивость.

Применяются в музейной практике и системы группового подвешивания картин. Данные системы содержат блок обработки сигналов с электростатическим входным усилителем, к которому подключаются чувствительные элементы в виде горизонтально натянутого троса, сцепленного крючками с тросами подвесов. На тросах пружинными защелками крепятся пьезоэлектрические сенсоры, чувствительные к изменению давления [6].

Также, помимо всех технических нововведений, важна и роль музейного смотрителя, основная функция которого заключается в сохранении музейной экспозиции. В обязанности смотрителя входит: контроль за соблюдением посетителями правил поведения в музее, за целостностью и неприкосновенностью экспозиционного и выставочного оборудования, в котором находятся музейные предметы, за наличием в экспозиционном и выставочном зале музей-

ных предметов, включенных в топографическую опись данного зала [4]. Музейный смотритель осуществляет вспомогательную функцию хранителя музейных предметов и ведет контроль за состоянием выставочного зала в течение рабочего дня – с момента открытия экспозиционно-выставочных залов и отключения технических средств охраны до их закрытия и постановки на сигнализацию. При возникновении чрезвычайных ситуаций музейный смотритель передает сигнал «Тревога» с помощью кнопки тревожной сигнализации или иным способом, установленным музейными правилами.

Современный музей – это пространство, в котором соприкасаются консерватизм, свобода современного искусства и информационно-технические открытия, применение которых необходимо для безопасного существования экспонатов. По прошествии лет охрана музеиного помещения стала сложным процессом, который состоит из нескольких уровней. В музее должна обеспечиваться безопасность как экспонатов, так и безопасное нахождение посетителей и сотрудников, а также сохранность самого здания и прилегающей территории.

Научный руководитель В. П. Шахеров

Литература

1. Богданов А. В., Малыгин И. Г., Синещук Ю. И. Неформальная модель нарушителя безопасности объектов культуры // Вестник Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России. 2013. № 3. С. 109–113.
2. «В Третьяковке посетитель повредил картину «Иван Грозный и сын его Иван» // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/society/26/05/2018/5b09093e9a79474c62050329> (дата обращения: 10.10.2023).
3. Исаков С. Л., Востокова О. В. Третий рубеж как повышение качества функционирования системы защиты культурных ценностей // Вестник Санкт-Петербургского института ГПС МЧС России. 2006. № 15. С. 1–4.
4. Об утверждении Единых правил организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций : зарег. в Минюсте России 05.11.2020 № 60748 : приказ Минкультуры России от 23.07.2020 N 827 (ред. от 26.08.2021) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 12.04.2023).
5. Об утверждении Типовых требований по инженерно-технической укрепленности и оборудованию техническими средствами охраны учреждений культуры, расположенных в зданиях - памятниках истории и культуры : приказ Минкультуры РФ от 08.11.2000 N 664 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 12.04.2023).
6. Об утверждении методических рекомендаций «Организация деятельности подразделений внедомственной охраны войск национальной гвардии Российской Федерации по обеспечению охраны имущества физических и юридических лиц с помощью технических средств охраны : распоряжение Федер. службы войск нац. гвардии РФ от 28 авг. 2019. № 1/6231.

ШКОЛЬНАЯ СЕКЦИЯ

А. А. Ошвинцева

МОУ ИРМО Оекская СОШ

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТИ О ДЕКАБРИСТАХ В ИРКУТСКОМ РАЙОНЕ

Восстание декабристов 14 декабря 1825 г. в Санкт-Петербурге стало первым организованным выступлением против императорской власти в России. Большая часть организаторов восстания были дворянами и офицерами гвардии, причина выступления которых заключалась не в отказе видеть на престоле Николая I, но в стремлении отмены самодержавия и крепостного права, расширения прав подданных Российской империи. Однако восстание было подавлено, в результате чего многие участники были арестованы, а пятерым из восставших вынесен смертный приговор. 120 человек были сосланы на каторгу в Сибирь или на поселение. Часть декабристов была отправлена и в Иркутский район. Так, Сергей Трубецкой и Федор Вадковский поселились в с. Оек, а Михаил Лунин, Сергей Волконский, Николай Панов и Никита Муравьёв с братом Александром – в с. Урик [2].

Оек было этапным селом. Через него двигались ссыльные на север по Якутскому тракту. Здесь же оседали освобожденные на поселение. К сожалению, на данный момент в селах Иркутского района мало что сохранилось в память о декабристах, однако именно они оказали значительное культурное влияние на местных крестьян. Не отказавшиеся от своих стремлений к отмене крепостничества, они всячески старались облегчить жизнь крестьян, сделать их тяжелый труд более производительным. Через родных и знакомых в России они выписывали огородные семена и распространяли овощные культуры среди крестьян. С этого вре-

мени в пригородных селах появляются большие огороды с парниками, появляются ранее неизвестные сибирским крестьянам овощные культуры [3, с. 3].

На сегодняшний день от декабристов в Оеке осталась только память. Местные краеведы даже не знают точно, где стояли их дома. Но сохранилась единственная вещь, которая напоминает о декабристах, – старая икона Николая Чудотворца, святой на ней очень похож на Сергея Трубецкого. Сейчас икона хранится в Оекском краеведческом музее [1].

В память о Федоре Вадковском работники музея заказали памятник, который планировали установить на предполагаемом месте захоронения, но в установке памятника на земле бывшего церковного погоста было отказано. Официальная причина отказа заключается в отсутствии информации о точном месте захоронения декабриста, а потому невозможности установить памятник [2].

Так, несмотря на тот факт, что декабристы долгое время жили в Оеке, вся известная о них информация – это лишь небольшие крупицы, а значит, наверняка есть та информация, о которой мы не знаем.

В XIX в. Урик стал селом декабристов. В 1836–1841 гг. здесь жил Михаил Лунин, соседом его ненадолго стал Николай Панов. В 1835 г. в Урик прибыл Никита Муравьёв с братом Александром. Помимо брата Александра, за Никитой последовала на каторгу супруга Александра. Из-за большого количества проживавших здесь декабристов, в Урике, в отличии от Оека, память о них сохранилась в большей степени. В ограде Спасской церкви сохранилась могила Никиты Муравьёва [2].

Сергей Волконский, приехав в Урик, не нашел подходящих домов, а потому его жена на свои деньги воздвигла деревянный особняк, который со временем перевезли в Иркутск. На данный момент – это дом-музей Волконских.

Уриком и Оёком ряд декабристских селений не ограничивается. В Олонках, ниже по Ангаре, жил Владимир Раевский, в Еланке на левом берегу – Пётр Громницкий, этот список не полон. Но в большинстве сёл о декабристиах не напоминает теперь ничего.

Подводя итог, мы можем прийти к выводу о том, что память о декабристиах в большей степени утрачена, но музеи хранят частицы истории их жизни и передают их следующим поколениям. Несмотря на то что прошло уже много времени с тех пор, как декабристы были сосланы в Сибирь, их история остается важной для нас.

Научный руководитель Н. А. Качула

Литература

1. Декабристские сёла. Оёк, Урик, Александровское. URL: <https://varandej.livejournal.com/1123040.html> (дата обращения 25.10.2023).
2. Оёк: «Путеводное место» среди обширных болот. URL: <http://baik-info.ru/oek-putevodnoe-mesto-sredi-obshirnyh-bolot> (дата обращения: 25.10.2023).
3. Трипузов М. Г. К вопросу участия декабристов и ссыльнопоселенцев в формировании эстетического потенциала культурного пространства (На материалах Иркутска XIX века) // Международный научный журнал «Символ науки». 2016. № 10-3. С. 187–191.

Т. А. Шестакова

ЧОУ Образовательный комплекс «Точка будущего»

ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ АСПЕКТОВ ПРАВИТЕЛЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ТОТАЛИТАРНЫХ РЕЖИМОВ

Тоталитарные режимы берут свое начало из кризисных ситуаций – гражданских войн, устранныя оппозиции, потребности в стабилизации хозяйства. В основном все вышеперечисленные проблемы решаются государством силовыми методами, как следствие, возникает деспотизм, и усиливается влияние особенностей личности правителя на ужесточение тоталитарного режима.

Большинство правителей-харизматиков XX в. имели трудное детство, выражавшееся «холодными» отношениями в семье или проблемами во взаимоотношениях со сверстниками [1]. Вследствие этого они искали внутреннюю опору для укрепления уверенности в себе путем создания идеализированных образов самих себя. Постепенно это перерастало в бессознательную уверенность в том, что реальная личность представляется одним целым с образом, придуманным в голове. Люди, оказавшиеся у власти с этим убеждением, часто были подвержены мании величия, поэтому, когда появлялось противоположное правителю мнение о его личности, срабатывал приступ истерии и ярости, заставляющий принимать все необходимые меры для устраниния инакомыслящих [2, с. 6–7].

Ярким примером такой личности можно считать И. В. Сталина. Детство И. Джугашвили было тяжелым: отец-алкоголик проявлял физическое насилие по отношению к Сосо и его матери, что привело к формированию тревожного состояния отчужденности, а также появлению таких черт характера, как мстительность, вспыльчивость, злопамятность и эгоцентричность. Эти аспекты личности Сталина начали полностью себя проявлять в ноябре

1901 г. при вступлении в РСДРП(б). Позднее, при назначении Джугашвили на должность народного комиссара по делам национальностей РСФСР, многие члены партии и сам Ленин отмечали его агрессию и шовинистское настроение по отношению ко всем национальностям за исключением русской, а также вспыльчивость и ярость к замечаниям по поводу проводимой им политики [1, с. 9]. В дальнейшем Сталин, основываясь на страхе потери власти и личной обиды на определенных членов коммунистической партии, ужесточил режим слежки за оппозиционерами, ввел много ограничений, а также провел две волны репрессий, известных как тихий (1935–1936 гг.) и большой террор (1936–1938 гг.).

Другим примером установления тоталитарного режима в Европе посредством влияния личностных характеристик можно назвать Адольфа Гитлера. Отец А. Гитлера был деспотичным человеком, в семье были натянутые отношения, и мальчик не получал должного внимания. Уже в юношеские годы, по свидетельству его преподавателя Эдуарда Хюмера, стали проявляться психопатические черты, националистические убеждения и злоказчественный нарциссизм с агрессией по отношению к своим одноклассникам и педагогам [3]. Следовательно, в школьные годы будущий диктатор уже сформировал идеализированный образ своего «Я». Позднее, когда Гитлер пришел к власти, на почве своих политических взглядов он проводил радикальную политику и пропаганду против не подходящих под «стандарты» различных групп населения, а также был очень жесток к тем, кто был против его убеждений. В последующие годы Второй мировой войны А. Гитлер одобрял геноцид на оккупированных территориях вражеских стран со стороны военных (примерами военных преступлений подобного рода могут служить Холокост или поджог деревни Хатынь).

Приведенные в пример диктаторы имеют много схожих черт характера, например, нарциссизм, хитрость, упорство, агрессивность и мнительность. Психологический ущерб, нанесенный в детстве правителям-харизматикам, повлиял на их мышление и отношение к себе, что было одной из причин возникновения тоталитарных режимов.

Научный руководитель П. С. Марков

Литература

1. Вебер М. Харизматическое господство // Книгогид : сайт. URL: <https://knigogid.ru/books/1778817-harizmatische-gospodstvo/toread?ysclid=m1nnzrsjj8485122141> (дата обращения: 15.10.2023).

2. Артемов В. А. Исторические портреты : учебник. М. : Просвещение, 1993. 319 с.
3. Ширер У. Взлет и падение Третьего Рейха // Литрес : сайт. URL: <https://www.litres.ru/book/uilyam-shirer/vzlet-i-padenie-tretego-reyha-19297129/chitat-onlayn/page-2/> (дата обращения: 15.10.2023).

Научное издание

КЛИО-2023

Материалы

Всероссийской ежегодной научной конференции
студентов, аспирантов и молодых исследователей

Иркутск, 23–24 ноября 2023 г.

Материалы публикуются в авторской редакции

ISBN 978-5-9624-2336-4

Темплан 2024. Поз. 124

Уч.-изд. л. 14,8

Издательство ИГУ
664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124